

ISSN 2311-5793

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 2 (4), 2014 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А.А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., д-р соц. наук, проф. (г. Киев)
Бубнов Ю.А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Ильин М.В., д-р полит. наук, проф. (г. Москва)
Коростылева Н.Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ледяев В.Г., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Моисеев В.И., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н.Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Черников М.В., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Чупров В.И., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ярецкий Ю.Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Маслихова Л.И., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бадалова Е.В. Европейское направление внешней политики бундесканцлера ФРГ Вилли Брандта в 1969-1974 гг.....	5
Кирчанов М.В. Поэтическая депрессия в дискурсе чувашского модернизма начала 1920-х годов.....	12
Морозова В.Н. Афганский излом: по материалам песен Афганской войны 1979-1989 гг.....	21
Погорельский А.В. Л.П. Карсавин – историк западноевропейского средневековья.....	30

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Радугин А.А. Глобализация как фактор консолидации этнонациональной культурной идентичности россиян.....	39
Радугина О.А. Культурно–творческая деятельность дворянства по формированию Российской Цивилизации.....	44

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Коршунова С.А., Икрамова А.А. Языки в современном мегаполисе.....	50
Маслихова Л.И. К вопросу о семантической интерпретации древних вещей.....	54
Черников М.В. Глубинная психология чувства любви.....	61

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Бочарова И.М., Платонова Э.Н. Н. Лосский о главной особенности характера русского этноса.....	66
Радугин А.А., Радугина О.А. Секуляризация – духовное основание модернизации Российской Империи.....	71

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Лихорадова И.Н., Гладких Е.Н., Селиванова А.Н. Особенности среднего класса в современной России (на примере Воронежской области).....	77
Лихорадова И.Н., Савенкова Е.А., Соловьева Е.А. Сравнительный анализ ценностей и приоритетов молодежи новой России.....	83
Фролова Е.В., Бураков А.В. Демографический кризис как проблема целостности современного русского общества.....	91

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Гармонова А.В., Каткова Н.Б. Учебная мотивация, как фактор коммуникативного дизайна вузовского сообщества.....	97
Гурина Е.М. Воспитательный компонент в образовательном процессе (на примере Воронежского ГАСУ).....	105
Дорохова О.Е. Организация реабилитационного учебного процесса в адаптивной системе обучения ведомственных вузов.....	112
Назаренко К.С. Цели и ценности эпистемы образования на Руси.....	120

CONTENTS

HISTORY

Badalova E.V. European foreign policy direction of the Federal Chancellor Of Germany Willy Brandt in 1969-1974.....	5
Kirchanov M.V. Poetic depression in the discourse of Chuvash modernism of the early 1920s	12
Morozova V.N. The afghan break: on the materials of the 1979-1989 Afghan war songs.....	21
Pogorelsky A.V. L.P. Karsavin as a historian of European Middle ages.....	30

SOCIAL PHILOSOPHY

Radugin A.A. Globalization as a consolidation factor of Russians ethno-national cultural identity	39
Radugina O.A. Cultural and creative activity of nobility in the formation of the Russian civilization	44

PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

Korshunova S.A., Ikramova A.A. Languages in the modern metropolis	50
Maslikhova L.I. The issue of the semantic interpretation of ancient artifacts.....	54
Chernikov M.V. Depth psychology of the feelings of love	61

PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

Bocharova I.M., Platonova E.N. N. Lossky about the main features of the Russian ethnos character.....	66
Radugin A.A., Radugina O.A. Secularization as the spiritual foundation of the Russian Empire modernization.....	71

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Lihoradova I.N., Gladkikh E.N., Selivanova A.N. The features of the middle class in modern Russia (on the example of the Voronezh region).....	77
Likhoradova I.N., Savenkova E.A., Solov,eva E.A. The comparative analysis of the values and priorities of young people of the new Russia.....	83
Frolova E.V., Burakov A.V. The demographic crisis as a problem of the modern Russian society integrity	91

PEDAGOGY AND EDUCATION

Garmonova A.V., Katkova N.B. Training motivation as a factor of the university community communication design	97
Gurina E.M. Pedagogical component in the educational process (on the example of the Voronezh SUACE).....	105
Dorokhova O.E. The rehabilitation process organization in the adaptive learning system of departmental schools.....	112
Nazarenko K.S. Goals and values of the episteme education in Russia.....	120

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 94 (430).087

Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
Е. В. Бадалова.
Россия, г. Воронеж, тел. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru

Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Policy Chair
E. V. Badalova.
Russia, Voronezh, tel. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru

Е. В. Бадалова

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БУНДЕСКАНЦЛЕРА ФРГ ВИЛЛИ БРАНДТА В 1969-1974гг.

Статья посвящена европейскому вектору деятельности бундесканцлера ФРГ, лидера социал-демократической партии Германии (СДПГ) Вилли Брандта в 1969-1974 годах.

Ключевые слова: Брандт, социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Германия, европейская интеграция, Европейский Союз.

E. V. Badalova

THE EUROPEAN FOREIGN POLICY DIRECTION OF THE FEDERAL CHANCELLOR OF GERMANY WILLY BRANDT IN 1969-1974

The article is devoted to the European vector of activities of Bundeskanzler Germany, the leader of the social democratic party of Germany (SPD) Willy Brandt in 1969-1974.

Keywords: Brandt, Social Democratic Party of Germany (SPD), Germany, European integration, The European Union.

Канцлер ФРГ в 1969-1974гг. Вилли Брандт внес большой вклад в диалог между западом и востоком. Существует много исследований, посвященных «новой восточной политике». Однако европейский вектор деятельности западногерманского канцлера является пока недостаточно изученным. Это связано не с недостатком материалов, а скорее с политическим аспектом: еврооптимисты склонны видеть прогресс, европессимисты – наоборот. Те, кто склонен весь период канцлерства Брандта рассматривать в позитивном ключе, также оценивают и его западноевропейскую политику. История европейской интеграции в 1969-1974гг. представляет собой множество взлетов и падений, исполнений надежд и разрушения многообещающих планов в кризисные моменты. Изобилие контрастов приводит к различным оценкам деятельности В.Брандта в исторических исследованиях, в зависимости от того, каким аспектам уделяется большее внимание: прорывам или кризисам [См. напр.: 14, S. 311–349; 18, S. 225–259; 13, S. 78–246; 17, S. 73–102].

В отличие от своих предшественников и преемников при вступлении на пост бундесканцлера В.Брандт большую роль придавал фактору международной взаимозависимости. Этому способствовал и его опыт интернационального сотрудничества: 12 лет эмиграции, политическая деятельность в Восточном и Западном Берлине, работа в качестве министра иностранных дел.

Трудности, с которыми столкнулся процесс европейской интеграции после окончания войны, сделали Брандта прагматиком в вопросе Европы. Он не признавал интеграционных планов, философствований о долгосрочном развитии или попыток описания будущих итогов европейского процесса. Его не интересовал спор об альтернативах развития Европы в качестве «федерации» или «конфедерации», который особенно активно велся в 50-60-е годы XX века. Эффективно действующее большинство для Брандта было важнее, чем теоретические проекты [3. S. 345]. Европейский прагматизм требовал сосредоточения на решении конкретных вопросов, итогом деятельности европейских акторов должна была стать ликвидация «национального государства классического характера» [Речь В. Брандта 13.11.1973 перед европейским парламентом в Страсбурге: 7, S. 1457-1462]. По сути, нет другого пути кроме как сотрудничество с другими государствами при учете их интересов. Принцип, провозглашенный им на востоке – успешная политика должна «исходить из реальности» – Брандт применял и по отношению к Западной Европе.

Когда в октябре 1969г. В.Брандт принимал дела в качестве бундесканцлера знаменитая франко-германская ось интеграции претерпевала изменения: несколькими месяцами раньше ушел в отставку сторонник «независимости Европы» Шарль де Голль и его сменил Жорж Помпиду. Европейская интеграция находилась в состоянии застоя. От нового правительства ждали, что в изменившейся ситуации оно найдет средства и пути для преодоления многолетней стагнации европейского процесса. Предполагая, что французское правительство проявит преемственность в сфере внешней политики, в Бонне считали, что не следует выдвигать далеко идущие односторонние инициативы, скорее необходимо «сделать шаги, которые возможны в настоящий момент» [Заметки Бара для Брандта 3.7.1969: Depositum Bahr, Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn (AdsD), Bd. 441/1].

Брандт полагал, что расширение Европейского Сообщества это только дело времени, но постепенные шаги в европейской политике *решающим образом* зависят от германо-французского взаимопонимания. Он все чаще подчеркивал мысль о необходимости определенного предварительного соглашения между Парижем и Бонном по поводу решений, которые позднее будут обсуждаться и с другими партнерами.

С другой стороны, западногерманский канцлер придавал большое значение тому, чтобы избежать слишком заметной особой роли германо-французской пары. Интересно, что именно ближайший советник Брандта Эгон Бар предложил в октябре 1969г. официально использовать в отношениях с Францией термин «привилегированного партнерства» для того чтобы с помощью подобного акцентирования облегчить процесс расширения Сообщества, который, как ожидалось, будет идти с большими трудностями [Заметки Бара для Брандта, 9.10.1969 (с пометками Брандта): Depositum Bahr, AdsD, Bd. 441/1]. Брандт высказал принципиальное согласие с мыслью, однако, отчетливо добавил, что «формулировка «преференциальное сотрудничество» не нужна.

Стремясь сохранить по сути привилегированный характер германо-французский отношений и В.Брандт и Ж.Помпиду избегали этого термина. В интервью в июле 1970 г. оба аккуратно говорили об «отношениях, подающих пример» [Brandt W. Interview mit dem ORTF vom 1.7.1970: 8, S. 889–890; Tischrede Brandts vom 3.7.1970: 8, S. 897].

Возникает вопрос о взаимосвязи восточной политики В.Брандта и его деятельностью в сфере западноевропейской интеграции. Что же все-таки было для него приоритетом – восток или запад? Правительство В.Брандта стремилось сохранить преемственность внешней политики ФРГ в сфере европейской интеграции, действуя по принципу «восточная политика начинается на западе» [5. S. 416–426].

Однако взаимосвязь была не настолько тесной. Брандт неоднократно и резко призывал президента Помпиду ускорить переговоры о скорейшем вступлении Великобритании в Европейское Экономическое Сообщество, хотя переговоры на востоке зависели от поддержки Парижа. На заключительном этапе Берлинских переговоров четырех держав

параллельно велись резкие германо-французские споры по вопросам валюты. Бонн часто занимал такую позицию по европейским вопросам, которая могла повредить диалогу с востоком.

1-2 декабря 1969г. в Гааге проходила конференция глав-государств и правительств Европейского Сообщества. Это была первая политическая встреча в верхах со времен дискуссий о плане Фуше. По сути дела речь шла о фиксации направлений развития Европы в предстоящие 70-е годы [2. S. 539-565]. На конференции в Гааге новое Боннское правительство должно было представить свои внешнеполитические взгляды [1. S. 276; Ср.: 3, S. 318ff.; 4. S. 453ff.].

В письме Ж. Помпиду 27 ноября 1969г. Брандт охарактеризовал проект соглашения, к которому которому надо стремиться на предстоящей Гаагской конференции. Три момента он считал первоочередными: 1) принятие решения, связанного с финансированием аграрной политики, требуемого Францией; 2) необходимость расширения Сообщества и начало переговоров по этому вопросу; 3) сфера валютной политики [Письмо Брандта Помпиду 27.11.1969: Depositum Bahr: AdsD, Bd. 441/1]. Канцлер ФРГ писал о конкретных прагматических действиях, он не затрагивал вопросов о деятельности европейских институтов и политических задачах Сообщества. Эти аспекты интеграции французское правительство воспринимало болезненно, а Брандт стремился избежать конфронтации.

На конференции в Гааге Брандт представил дальнейшую программу целей европейской интеграции [Заявление 1.12.1969: 6. S. 47–55]. Здесь уже он повел речь о «конечной цели политики» Сообщества – сотрудничество во внешнеполитической сфере. Наряду с вопросом расширения активно также обсуждался вопрос создания «экономического и валютного союза», предполагалось, что развитие «общей экономической политики» в ближайшее время приведет к созданию Европейского валютного фонда¹. Брандт выступил также за «существенное» расширение исполнительных задач Европейского Парламента, особенно в области бюджетного контроля» [См. отчет Брандта в бундестаге 3.12.1969: 10. S. 591–593; 11. S. 267–280].

Предложения западногерманского канцлера нашли свое отражение в заключительном коммюнике Гаагской конференции, частично даже в предложенных Брандтом формулировках [9. S. 1262–1263]. Здесь были отражены важнейшие темы, которые стали определять в последующие годы европейскую программу действий. Например, Конференция Сообщества поручила Совету министров разработать план для поэтапного формирования экономического и валютного союза. В докладе правой руки В.Брандта – Э.Бара было выдвинуто предложение о согласованной экономической политике, направленной на достижение принятых среднесрочных целей. Совет министров ЕС одобрил многие положения данного доклада и обязал своих членов проводить предварительные консультации, касающиеся изменений экономической политики, если они затрагивают интересы других стран сообщества

В 1970г. начался переход Сообществ на новый принцип финансирования. С этого времени бюджет каждого из Сообществ начал формироваться не за счет налогов и пошлин, взимаемых с граждан и юридических лиц, а на основе «собственных ресурсов» – доходов от импортных пошлин на товары, ввозимые на территорию общего рынка, налогов на сельскохозяйственную продукцию, а также доли налога на добавленную стоимость.

¹ В октябре 1962 г. Европейская комиссия представила Совету министров Общего рынка ряд предложений по координации кредитно-денежной и экономической политики в рамках Сообщества, имевших конечным результатом создание экономического и валютного союза. В 1964 г. был сформирован комитет управляющих центральных банков стран-членов ЕС, а также комитеты по бюджетной и экономической политике. В феврале 1968 г. комиссия предложила, чтобы страны-члены взяли обязательство регулировать валютные паритеты только по общему соглашению, а также решили вопрос об устранении взаимных колебаний валютных курсов по поводу установленных паритетов.

Переговоры с Великобританией, Ирландией, Данией и Норвегией о вступлении в ЕЭС официально начались в конце июня 1970 г. и летом 1971г. были успешно завершены. А к 1 января 1973г. состоялось первое расширение Сообщества, насчитывавшего теперь 9 членов. Когда весной 1971 г. переговоры застопорились Брандт уговаривал и Париж и Лондон пойти на «компромисс», так как «европейский вопрос» не должен пострадать из-за размеров взноса, переходных сроков или ввоза новозеландского масла [Письмо Брандта Помпиду от 18.3.1971: Willy-Brandt-Archiv im AdSD der Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn, Bundeskanzler, Bd. 51; Gespraech Brandt-Heath, 5.4.1971: AAPD 1971.- Nr. 120]. Он тактично напоминал президенту Помпиду, что Гаагские решения тесно связаны друг с другом. В центральной роли германо-французского сотрудничества внутри Сообщества вступление Великобритании в конечном счете должно было мало что изменить. Отказ Норвегии в сентябре 1972г. вступить в ЕЭС и требования британских лейбористов, пришедших к власти весной 1974г., о проведении новых переговоров по поводу условий участия в ЕЭС и их угрозы о выходе из Сообщества не соответствовали представлениям В.Брандта. Однако, он полагал, что ЕЭС в любом случае должно «выжить» [Беседа Брандта с Вильсоном, Paris, 6.4.1974: Depositum Bahr, AdSD, Bd. 441/2].

Особое внимание В.Брандт уделял теме европейского валютного сотрудничества [Подробнее см.: 16, S. 77–103; 15]. Жан Моне убедил его в том, что нужно искать прогресс интеграции в сфере валюты, где зависимость европейцев друг от друга, а также и по отношению к доллару была особенно очевидна и чревата конфликтами. Хотя Гаагская конференция выдвинула в качестве цели Экономической и валютный союз (WWU), различное восприятие предоставленного в октябре 1970г. «доклада Вернера» вскрыло серьезные проблемы, которые содержал в себе этот амбициозный проект.

В марте 1970г. Совет министров ЕС одобрил создание комитета под руководством представителя Люксембурга Пьера Вернера для подготовки проекта экономического и валютного союза. Центральные банки установили фонд для поддержки платежных балансов, с помощью которого страны-члены могли привлекать до 1 млрд долл. на 3 месяца (с возможной пролонгацией до 6 месяцев). «Доклад Вернера» (октябрь 1970г.) рекомендовал программу поэтапного формирования к 1980г. экономического и валютного союза. В окончательной форме союз должен был обладать следующими чертами. Во-первых, единой валютой (или же неизменной фиксацией валютных курсов с нулевыми отклонениями и полной взаимной конвертируемостью). Во-вторых, полной либерализацией движения капиталов. В-третьих, общей системой органов центрального банка по типу Федеральной резервной системы. В-четвертых, полномочиями, приданными центру принятия решений экономической политики сообщества, ответственному перед Европейским парламентом.

В то время как Брандт одобрял план, разбивавший этапы до введения общей валюты на десять лет, как великую «хартию вольностей» европейского единства [Споры по поводу европейской интеграции 6.11.1970: 10. S. 4269; см. также письмо Брандта Шиллеру 21.10.1970: Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes (Berlin).– В. 20. – Bd. 1556], а министр экономики Шиллер с большими сомнениями настаивал на обязательности «подлинной конвергенции» народных экономик, оказалось, что президент Помпиду категорически отказывался передавать важные валютно-политические компетенции органам Сообщества [Protokolle der internen Kabinettsitzungen unter Vorsitz von Pompidou vom 18.11. und 9.12.1970: AN, 5 AG 2, Bd. 1043, 1044].

Положения «плана Вернера» впоследствии были смягчены по настоянию Франции, в результате чего не произошло четкого разделения власти между Сообществом и его членами. В феврале 1971г. содержание «плана» с некоторыми дополнениями было одобрено Советом министров ЕС. Проведение подобных реформ должно было стимулировать интеграцию не только в экономической, но и политической сфере, поскольку окончательно придавало Сообществам характер целостного социально-экономического и правового пространства. Однако логическое развитие событий было нарушено суматохой на валютных рынках весной

и летом 1971г. Падение доллара, вынудившее ревальвировать марку, стало в мае 1971г. поводом – как оказалось, позже окончательным – для отсрочки проекта экономического валютного объединения. До и после финансового кризиса 15 августа 1971г. Германия выступала за введение системы совместно плавающих курсов европейских валют по отношению к доллару, но эти идеи были отвергнуты другими странами. Одна из причин – предлагаемая система не явилась бы симметричным решением. Всякий раз при ослаблении доллара совместные колебания курсов должны были бы ориентироваться на марку. Ни Франция, ни Великобритания не были готовы к признанию марки в качестве реального центра системы.

Импульс европейской валютной интеграции колебался в такт положению доллара: он был наиболее силен, когда доллар слаб, как в начале и конце 60-х, так и в начале и конце 70-х годов. Введение, согласно плану Вернера, «валютной змеи» в апреле 1972г. (ограничений колебаний валютных курсов в рамках установленных пределов) и качающийся валютный курс сообщества по отношению к доллару с марта 1973г. обозначали в противоположность этому очень малые шаги по вопросу валютной солидарности. Осуществление этого режима оказалось недолговечным, так как вызвало серьезные трудности и противоречия. С самого начала на установление режима пошли лишь 6 стран ЕЭС (ФРГ, Франция, Италия, Голландия, Бельгия, Люксембург) из 9 тогдашних членов этой организации. В 1973г. они отменили пределы колебаний курсов своих валют по отношению к доллару и другим валютам, т.е. змея пробила тоннель и вышла из тоннеля². Тем не менее, они являли собой необходимые промежуточные шаги в ходе необратимого долгосрочного процесса обучения и приобретения опыта.

С похожими трудностями столкнулось и начало внешнеполитического сотрудничества стран Сообщества. В 1969г. на Гаагской встрече глав государств «шестерки» Помпиду выступил с инициативой «завершения, углубления и расширения» интеграционного процесса. Речь шла о переходе от координации внутриотраслевой и таможенной политики к созданию в Европе экономического и валютного союза, о проведении политической реформы системы Сообществ и расширении ее состава. 27 октября 1970г. на встрече министров иностранных дел «шестерки» был утвержден Доклад о проблемах политической унификации – «Доклад Давиньона» (по имени бельгийского дипломата, возглавлявшего комитет разработчиков), предусматривавшего информирование, консультации, а при необходимости и координацию действий по вопросам внешней политики. Было решено перейти к постепенному формированию механизма «единой европейской внешней политики».

В соответствии с ним 19 ноября 1970г. в Мюнхене состоялась первая встреча министров [Bericht Ministerialdirektor von Staden, 23.11.1970: AAPD 1970. – Nr. 564]. В.Брандт и министр иностранных дел В. Шеель намеревались использовать председательство ФРГ в Совете Сообщества для организации консультаций в третьих странах на уровне послов. Помпиду однако считал, что «немцы всегда преувеличивают» и дал указание снизить это рвение до минимума [Надпись Ж. Помпиду на телеграмме французского посла в Праге. Plihon, 11.12.1970: AAPD 1970. – Nr. 564]. Далее Брандт предложил обсудить создание постоянного секретариата, занимающегося вопросами сотрудничества и преимущества в этой сфере [Gespraech Brandt-Pompidou, 11.2.1972, 10 Uhr, AN, 5 AG 2. – Bd. 1011]. Но и это намерение встретило сопротивление Помпиду, стремившегося подчеркнуть межгосударственный а не наднациональный характер сотрудничества [Gespraech Brandt-Pompidou, 3.7.1972, 11 Uhr, AN, 5 AG 2. – Bd. 1011].

² Дальнейшие поиски новых форм валютной интеграции привели к созданию Европейской валютной системы (ЕВС). После Бременской конференции на высшем уровне в 1978 г. президент Франции и канцлер Германии заключили соглашение о создании европейской валютной системы, которая начала свое существование в марте 1979 г.

В 1973г. после утверждения Советом министров «Доклада о сотрудничестве в области внешней политики» создаваемая система получила название Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Характерно, что никакого учредительного договора по обеспечению ЕПС не было принято, и никакая специальная наднациональная структура не создавалась. Впоследствии ЕПС стали называть «второй опорой» европейской интеграции. В отличие от системы Сообществ она не была институционализована и развивалась в качестве политического процесса, а не правового института. Несмотря на все препятствия первое реальное применение «Европейское политическое сотрудничество» (ЕПС) в итоге нашло в подготовке и проведении конференции СБСЕ.

В сфере институционального оформления европейского партнерства В. Брандт стремился к увеличению роли Еврокомиссии и Европарламента в консультационном процессе и процессе принятия решений. Его оппоненты предлагали наделить особыми прерогативами комиссию, ответственную за финансы [Schreiben Brandt an Pompidou, 8.10.1973: Willy-Brandt-Archiv, Bundeskanzler, Bd. 51; ответ по этому поводу: Schreiben Pompidou an Brandt, 17.10.1973: Willy-Brandt-Archiv, Bundeskanzler, Bd. 51] или ввести дополнительный уровень переговоров для усиления роли совета министров [Gespraech Brandt-Pompidou, 11.2.1972, 10 Uhr, AN, 5 AG 2.– Bd. 1011].

Пример Гаагской встречи в верхах в итоге привел к выводу о необходимости проведения встреч глав правительств чаще, речь зашла даже об установлении периодичности этих встреч. Жан Моне конкретизировал эту идею после Парижской конференции в верхах в октябре 1972г., видимо, зная, что Брандт сторонник «встречи президентов» для определения важнейших европолитических ориентиров [12. S. 589ff.]. В 1973г. главами государств Сообществ был принят программный документ «Об облике Европы», где еще раз подчеркивалась неразрывная связь политической и экономической интеграции. Осенью 1973 г. Ж. Помпиду, В. Брандт и Э. Хит сошлись на том, что главы государств и правительств в будущем будут собираться «с определенной регулярностью», чтобы «ускорить процесс европейской интеграции» [Schreiben Brandt an Pompidou, 8.10.1973: Willy-Brandt-Archiv, Bundeskanzler, Bd. 51]. Эта неформальная договоренность была подтверждена соответствующими преемниками вышеназначенных глав государств и правительств на саммите в Париже в декабре 1974г., а позднее были институционализированы как «Европейский Совет».

В последние годы канцлерства В.Брандта усложнилась международная обстановка. Война на Ближнем Востоке и энергетический кризис 1973г. усилили влияние центробежных сил в Европе. В ведомстве бундесканцлера с грустью отмечали, что из-за острого валютного и энергетического кризиса возобладал «национальный менталитет» по принципу «спаси себя тот, кто может» [Заметки для Брандта, подготовленные сотрудниками ведомства бундесканцлера Манфредом Ланштайном и Пер Фишером 6.3.1974: Betr. Europaeische Integration: Erste Ueberlegungen fuer die Praesidentschaftskonferenz im Mai 1974 in Bonn, Depositem Katharina Focke, AdsD, Bd. 205].

Таким образом, в европейской политике В.Брандта можно выделить 3 этапа: 1) 1969-1971гг. Этот период начался с больших планов и надежд, однако уже в мае 1971г. последовала отрезвляющая конфронтация с реальностью. В этом году намерение о создании европейского экономического и валютного объединения потерпело сокрушительное поражение;

2) в 1971-1973гг. речь шла о том, чтобы сделать шаги на более скромном уровне и найти прагматичные решения в отдельных областях;

3) 1973-1974гг. Война Судного дня, энергетический кризис, его экономические и политические шоковые последствия привели к приостановке евроинтеграции.

«Короткая история европейской интеграции – это история ее кризисов» [3. S. 318, 338]. Эти слова Вилли Брандт поставил эпиграфом в главе воспоминаний, посвященных процессу европейской интеграции в период канцлерства. Таким образом, он стремился подчеркнуть

разницу между намерениями и реальными возможностями в сфере западноевропейской политики в начале 70-х годов XX века. В мемуарах Брандт писал о «черепашьей скорости» процесса европейской интеграции. Однако, речь идет не о спокойном, постепенном, хотя и немного медленном процессе. Более того, краткое пятилетие времени его правления обозначено существенными проблемами и многими, даже противоречивыми линиями развития. Однако, подводя итог европейской политике В. Брандта в период его канцлерства следует отметить, что в 1969-1974 гг. были заложены краеугольные камни в фундамент единой Европы.

Библиографический список

1. **Bahr, E.** Zu meiner Zeit / E. Bahr. – Muenchen, 1996.
2. **Bitsch, M.-Th.** Le sommet de La Haye. La mise en route de la relance de 1969: Crises and Compromises: The European Project 1963–1969 / hrsg. W. Loth. – Baden-Baden, Bruessel, 2001. – S. 539-565.
3. **Brandt, W.** Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960–1975 / W.Brandt. – Hamburg, 1976.
4. **Brandt, W.** Erinnerungen / W.Brandt. – Frankfurt, Zuerich, 1989.
5. **Brandt, W.** Germany's «Westpolitik» / W.Brandt // Foreign Affairs. – 1972. – 50. – S. 416-426.
6. **Brandt, W.** Reden und Interviews (I) / W.Brandt. – Hamburg, 1971.
7. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung 15.11.1973. – Nr. 147.
8. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung, 3.7.1970. – Nr. 90.
9. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung, 4.12.1969, Nr. 148.
10. Deutscher Bundestag, Stenographische Berichte, 6. Wahlperiode. – Bonn, o.J.
11. **Focke, K.** Europa-Politik nach den Haag. Neubeginn in der europaeischen Integration? / K. Focke // Europa-Archiv. – 1970. – Folge 8. – S. 267-280.
12. **Monnet, J.** Memoires / J.Monnet. – Paris, 1976.
13. **Simonian, E.** The Privileged Partnership. Franco-German Relations in the European Community, 1969-1984 / E.Simonian. – Oxford, 1985.
14. **Soutou, G.** – H. L' alliance incertaine. Les rapports politico-strategiques franco-allemands, 1954–1996 / G.Soutou. – Paris, 1996.
15. **Wilkens, A.** Der Werner-Plan. Waehrung, Politik und Europa 1968-1971 / A.Wilkens // Aufbruch zum Europa der zweiten Generation. Die europaeische Einigung 1969–1984. – Trier, 2003.
16. **Wilkens, A.** Une tentative premature? L' Allemagne, la France et les balbutiements de l'Europe monetaire (1969-1974): Dynamiques europeennes. Nouvel espace, nouveaux acteurs, 1969-1981 / A.Wilkens. – Paris, 2002.
17. **Wilkens, A.** Westpolitik, Ostpolitik and the Project of the Economic and Monetary Union. Germany's Policy in the Brandt Era (1969–1974) / A.Wilkens // Journal of European Integration History. – 1999. – 5. – S. 73–102.
18. **Ziebura, G.** Die deutsch-franzoesischen Beziehungen seit 1945. Mythen und Realitaeten / G.Ziebura. – Stuttgart, 1997.

УДК 94 (4)

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М. В. Кирчанов.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 239-29-31;
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of Department of
Regional Studies and Foreign Countries Economics
M. V. Kirchanov.
Voronezh, Russia, tel. (473) 239-29-31;
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ДЕПРЕССИЯ В ДИСКУРСЕ ЧУВАШСКОГО МОДЕРНИЗМА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

Автор анализирует чувашский модернизм начала 1920-х годов. Модернизм был одной из форм чувашского национализма. Сеспель Мишши являлся центральной фигурой в истории чувашского модернизма. Непродолжительный период модернизма содействовал национальному возрождению. Оригинальное течение чувашского модернизма сравнимо с аналогичными тенденциями в истории культуры Запада XX века. Образы смерти или мортемные нарративы играли особую роль в развитии чувашского модернизма. Поэзия Сеспеля Мишши была оптимистическим националистическим проектом возрождения чувашской нации и проектом, основанном на развитии нарративов мортемности. Мортемность – широкий комплекс поэтических нарративов в текстах Сеспеля, основанных на образах смерти. Депрессия и меланхолия, разочарование в коммунистической идее, личный кризис привели к трагической смерти (суициду) основателя современной чувашской поэзии.

Ключевые слова: Чувашия (Чăваш Ен), Сеспель Мишши, национализм, идентичность, модернизм, футуризм, смерть, мортемность, суицид.

M. V. Kirchanov

POETIC DEPRESSION IN THE DISCOURSE OF CHUVASH MODERNISM OF THE EARLY 1920S

The author analyzes Chuvash modernism in the beginning of the 1920s. The modernism was a form of nationalism movement. Çeçpel Mişşi was the central figure in the history of the Chuvash modernism. The short period of modernism promoted the national revival. The original Chuvash forms of modernism are comparable to the similar trends in the history of the twentieth century Western culture. The poetry of Çeçpel Mişşi was an optimistic nationalist revival project of the Chuvash nation and also the project based on the development of mortem narratives. Mortemness is a wide range of poetic narratives in the lyrics of Çeçpel Mişşi based on the images of death. Depression and melancholy, disappointment in the communist idea and the personal crisis led to the tragic death (suicide) of the modern Chuvash poetry founder.

Key words: Çăvaş En, Çeçpël Mişşi, nationalism, identity, modernism, futurism, death, mortemness, suicide.

Центральной фигурой в модерновой версии чувашской идентичности, вероятно, следует признать Сеспеля Мишши (Çeçpël Мишши) – основателя современной чувашской поэзии, чьи тексты стали подлинным прорывом для только становившейся современной чувашской идентичности, будучи написанными всего несколько лет спустя после появления в 1908 году поэмы «Нарспи» Пärtта Кёстентинё (Константин Иванов), которая принадлежала в большей степени романтической традиции. Поэтика и стилистика Сеспеля Мишши радикально отличается от текстов его предшественников. Вероятно, следует констатировать отсутствие континуитета в развитие чувашской поэзии в первой четверти XX века, так как для текстов Пärtта Кёстентинё и Сеспеля Мишши в большей степени характерна дискретность.

Творческий путь и тексты Сеспеля Мишши достаточно детально изучены в чувашской советской [8; 9; 10; 12; 33; 34], позднесоветской и постсоветской научной традиции [11; 13; 15]. Тексты Сеспеля Мишши успели стать своеобразным коллективным местом памяти и предметом многочисленных конструкций со стороны чувашских интеллектуалов. В советский период тексты Сеспеля Мишши служили объектом идеологизации, и мифологизации. На современном этапе имеют место попытки частичной демифологизации, предпринимаемой как чувашскими [1; 34], так и российскими [2; 3; 4; 5; 6; 7] авторами в целом. Поэтому, в настоящей статье наше внимание будет сфокусировано исключительно на интересующих нас нарративах, связанных с репрезентацией и актуализацией мортемности – образов смерти в поэтическом наследии Сеспеля Мишши.

Среди наиболее условно «мортемных» текстов Сеспеля Мишши выделяется «Эпё вилсен...» («Как умру...»). Мортемность актуализирована уже в самом названии произведения («вилём» – «смерть»), а также и в русском переводе. Текст, который начинается с просьбы похоронить лирического героя (*Эпё вилсен – ана пытаряр // Сўллё ту сине // Йăмрасем лартса хăваряр // Ман тăпра сине* [31]) в определенной степени можно рассматривать как форму поэтического завещания, адресованного потенциальному потребителю чувашской поэзии в начале 1920-х годов, когда круг ее читателей был крайне незначительным. Мотивы и образы похорон и кладбища встречаются в текстах Сеспеля Мишши относительно часто. В частности, в стихотворении «Чăваш арăмне» очерчена социальная траектория женщины в традиционном обществе: *Çапла ерипенех санăн Вăюсем пётетчĕс. Масар сине, чун тухсассăн, Каяйса чикетчĕс* [28].

Тема смерти в поэтических текстах Сеспеля Мишши встречалась нередко. Как правило, в качестве умирающего / гибнущего / погибающего или уже мертвого / покойного / неживого героя выступал герой даже не лирический, что сближало бы поэзию Сеспеля с романтической традицией, а герой преимущественно новый, современный и отчасти футуристический. В подобной ситуации совершенно органично и естественно в поэтике Сеспеля соседствуют образы одинокой и заброшенной могилы (*Ушкăн-ушкăн шур пелёт иртет... // Тăлăх хирте каç пулса килет // Курăксене тайса сил вĕрет // Сĕр сұмĕле тусан вĕçтерет...* [26]) с верностью ценностям и принципам нового мира – пусть коммунистического и авторитарного, но модернового и одновременно в значительной степени футуристического, основанного на радикальном разрыве со старыми, архаичными ценностями: *Коммунизм Хĕрлĕ Ялавне // Чун тухиччен сĕре ўкермен* [26].

В подобном контексте мортемность в поэтике Сеспеля Мишши обретает качественно новое измерение. Это – не традиционная для романтической поэтической традиции идея смерти, основанная на трагедии, гибели лирического героя. В наследии Сеспеля лирический герой порывает самым радикальным образом с прошлым, отказываясь сознательно от старых, традиционных версий идентичности, делая выбор в пользу новой идентичности – идентичности более массовой, современной и современной. Поэтому, мортемность в текстах Сеспеля не является сферой доминирования исключительно образов смерти – смерть, наоборот, играет генерирующую роль в появлении новых форм и версий идентичности, одним из форматоров которой и стал Сеспель Мишши.

Мортемность имеет и другие проявления, связанные, например, с преждевременным уходом, самосожжением чувашской интеллигенции в горниле национального строительства. Как известно, политическая и социальная история Чувашии новейшего времени отличалась не только весьма негативными стартовыми условиями традиционного архаичного общества, но и форсированными, чрезвычайно быстрыми темпами и радикальными формами и методами его модернизации и трансформации. В подобной ситуации чувашская культурная история знала немало преждевременных смертей ее участников и деятелей, форматоров чувашской культурной традиции и идентичности: *Тăван чăваш сĕрне юратакан чĕрĕ // Сикми пулса, хуллен татăлчĕ ёмĕрĕ... // Пытарчĕс сĕр айне чăвашан ёмĕтне // Сăвву кĕвви анчах юлайчĕ сĕр сине // Сурхи кунсем каллех сұтатрĕс тĕнчене // Тĕнче симĕсленет...*

Хёвел йăлтăр... Уяр // Анчах сана пĕрех: сана – вилнĕскерне // Суркуннехи тĕнчен илемĕ кирлĕ мар... [29].

В этом контексте, как минимум – в русском переводе оригинального чувашского текста, возникает образ смерти и похорон, причем в качестве могильщиков, хотя и вынужденных, выступает сама чувашская интеллигенция. В такой ситуации складываются условия для трансформации мортемных нарративов, которые из констатации самого момента смерти и похорон пока еще условно лирического героя трансформируются в более радикальные действия, основанные на неприятии действительности, разрыве с ней и ее неприятии героем совершенно иной формации и качественно других свойств – героем-творцом, героем-революционером из футуристического будущего, что обретает форму суицида: стихотворение «Чăваш поэтне Ахаха асанса» было написано в марте 1921 года, и спустя немногим более года Сеспель Мишши покончил жизнь самоубийством.

Мортемность в поэтике Сеспеля Мишши нередко проявлялась непосредственно в образах Смерти: *Кивĕ кунăн шăм алли // Хĕрес сунне сĕршыва пăталарĕ // Тип шăллă выслăхăн саварĕне // Сĕршывăма кышлат, кышлат, кышлат // Пĕрене нÿртсем – тар тертлĕ нÿрт-суртсем // Ыйткалакансемле халран кайса пăчланчĕс // Хăрса хытса ыртаççĕ, чирлесе ыртаççĕ // Вилсе ыртаççĕ выçă анасем [18].* В ряде случаев Смерть в текстах Сеспеля Мишши предстает в традиционном и архаичном крестьянском восприятии, являясь в образе Голода: *Юлашки чĕл алра, юлашки чĕл // Апат – юлашки хуран // Выç куçлă ыранăн вил печĕ // Шур шăллăн пăхат, пăхат куçран // Юлашки чĕл умра... Юлашки чĕл [32].* Смерть в смысле Голод в поэтике Сеспеля Мишши имеет как исторические, так и современные измерения. Первые связаны с исторической памятью и зависимость чувашей как архаичного традиционного общества от аграрного, сельскохозяйственного цикла. Вторые стали следствием актуализации этой зависимости в начале 1920-х годов, что сопровождалось экономическими трудностями, которые привели к голоду. Повышенная смертность, отсутствие четко прогнозируемых перспектив развития в значительной степени усиливали депрессивные настроения в текстах Сеспеля, содействуя актуализации образов мортемности.

Примечательно, что для образов Смерти в поэтике Сеспеля Мишши были характерны устойчивые формально христианские коннотации: *Пăталарĕс тăван сĕршыва [...] Пуш хирте пĕр-пĕччен ун хĕрĕсе // Хайăра сăрхăнать чĕрĕ юн. [22]*

Смерть может ассоциироваться с распятием, но в качестве распинаемого фигурирует не герой-жертва, а страна / земля, которая символизирует коллективную жертвенность нации, что не исключает и индивидуального распятия. Для ряда текстов Сеспеля Мишши характерна некая форма символического самораспятия, когда герой, который пока не в полной степени порвал с лирическим прошлым романтических героев, фактически жертвует собственными интересами ради чувашской революции и будущего чувашского мира, сам себя распиная как на кресте революции, так и на кресте строительства современной чувашской нации.

Поэт в текстах Сеспеля Мишши может выступать не только как пламенный революционный трибун, который верит в неизбежность нового, грядущего, футуристического национального «чувашского мира», но и как посредник, наделенный символической ролью организации коммуникации между различными мирами и пространствами – миром живых и пространством мертвых. Формой такой универсальной коммуникации между различными мирами, пространствами и формами бытия выступает сон, в котором к герою приходят мертвые (*Сукунне пырсаччĕ ман пата вăл каçхине // Йăлтăр куçĕ асилтерчĕ сÿл тÿне сенкерлĕхне // Пăхса илчĕ те ÿпкелĕн тăчĕ вăл чĕни-чĕнми: «Эс манпа пыма шиклентĕн, - терĕ. – Тĕрĕс пĕлтĕм-и?» // Хăвăрт саврăнчĕ, уттарчĕ вăл манран аякалла // Эп пăлхантăм – «ан кайсамчĕ» тесшĕн пултăм пулмалла // Эп вара вăрантăм [27]), но подобный акт коммуникации нельзя признать успешным. Вероятно, Сеспель Мишши воспринимал смерть как радикальный разрыв между различными поэтическими мирами, которые существовали в его воображении. Акт коммуникации во сне*

между живыми и мертвыми в поэтике Сеспеля носит преимущественно односторонний характер: мысли, воспоминания и переживания живых позиционируются на мертвых. В этом отношении память достаточно тесно пересекается с некрофилией, но не в ее патологических формах, а в виде постоянно раздраженной памяти, направленной на периодическое вспоминание, актуализацию тех или иных моментов, которые принадлежат дискурсу мортемности. Тем не менее, периодические посещения мертвых, общение с ними – тема достаточно распространенная в творческом наследии поэта, представленная как в посвящениях, так и в философских стихотворениях, к числу которых, вероятно, следует относить и «Тёлёк».

В подобных мотивах, вероятно, следует усматривать влияние со стороны европейского, в частности – французского, натурализма XIX века, хотя знакомство Сеспеля с текстами, например, Шарля Бодлера представляется дискуссионным. С другой стороны, известны два потенциальных культурных пласта, которые могли оказать влияние на творчество Сеспеля Мишши – «чувашские народные песни и русская поэзия XIX века» [33]. В подобной ситуации в некоторых текстах Сеспеля смерть фигурирует как некий составной элемент обыденности и реальности, как универсальная сила, как фатум, обрекающий человека на умирание. Вероятно, в этом отношении поэтика Сеспеля Мишши несет в себе элементы принудительной и весьма радикальной трансплантации западных перцепций смерти, которые могли возникнуть под босхианским (что, впрочем, тоже сложно проследить), в чувашскую, преимущественно традиционную и архаичную культуру. С другой стороны, Смерть играет роль и универсального форматора мира, который унифицирует пространство, освобождая его не только от человека, но освобождая самого человека от необходимости быть частью пространства.

В текстах Сеспеля Мишши смерть фигурирует как часть человеческой экзистенции, как индивидуального и личностного опыта. 10 ноября 1920 года Сеспель Мишши в своем дневнике записал: «какое невыразимое, скверное самочувствие! Я – весь раздраженное и бессмысленное существо... десятилетняя болезнь вконец разрушает мой организм. Скоро я буду накануне смерти» [19]. Подобные настроения вовсе не исключали того, что днем позже, 11 ноября 1920 года, Сеспель Мишши запишет в своем дневнике после избрания в Областной Исполнительный Комитет: «Хочу работать с удвоенной энергией. Хочу я жить! Хочу бессмертия» [20]. Тем не менее, спустя несколько недель Сеспель Мишши снова вынужденно констатировал смену настроения, подчеркивая, что «по-видимому я кончу очень плохо... моя участь теперь решена» [21]. В октябре 1921 года Сеспель Мишши писал в письме Ф. Пакрышню: «как трудно жить... чувствую себя ужасно одиноким... упал я духом, не выдержал испытания. Ничего не осталось от прежней жизнерадостности и энергии. Грязь и голод сломили меня окончательно... конца моему ужасному существованию не видно... я один на свете» [16]. В декабре 1921 года тональность писем была прежняя: «сегодняшний, завтрашний день смотрят голодными глазами, оскаленной челюстью, смотрят в душу, и так жутко, и кажется, что не выдержишь... падешь и ничего от тебя не останется, и не будет весны, ни солнца, ни весеннего раздолья и зеленеющих долин» [17]. Появление депрессии стимулировалось чувством разочарования, невозможностью интегрировать идеалы поэта в мир, который захлестнула революция. Нарративы, описывающие депрессивное и упадочное настроение поэта, в большей степени отразились в его художественных текстах, постоянным героем которых стала Смерть, предстающая в двух ипостасях – как собственно Смерть, вторгающаяся в мир и умертвляющая героя и как смерть, инициированная самим героем в результате отвержения им внешнего формального мира, что обретает форму самоубийства. Депрессивность в текстах Сеспеля в большей степени усиливалась, если принять во внимание и те сложности, с которым сталкивалось чувашское национальное движение, не находившее понимания у русских революционеров, как и ранее игнорировавших интересы нерусских народов в ходе революции.

Сеспель Мишши, воспринимая смерть как часть поэтического пространства, был склонен видеть в ней не только неизбежность, но и приписывал ей некую символическую роль в процессе воображения, форматирования, пространства, его интеграции в пространство чувашского языка и чувашской идентичности: *Сулсем... Сулсем шинче вилесем // Укълчасем панче вил шӑмсем // Ах, йӑвӑр, йӑвӑр, пӑчӑ... // Эй! // Эсир // Чӑррисем // Вилесем урлӑ, шӑм куписем шинче // Хӗвелле ыран енне // Кӑпер чӑнтӑрлӑр // Ах! // Кӑпер чӑнтӑрлӑр // Эпӗ // Халран кайса ӳксессен // Ман урлӑ таптаса каҫса кайӑр // Тимӑр урӑрсемне чӑрем шине // Хӑюллӑн таптӑр // Ах! // Ёнсене хуҫӑр // Кӑперне хывна чух эп // Халран кайса вилсесӗн // Мане кӑпер айне// В-е-е-ҫҫ! // Перӑр! // Ах // Перӑр, перӑр! // Вӑхӑт – ачашлӑх вӑхӑч мар // Аш юрӑ вӑхӑчӗ кайра // Малта хӗвел // Ку вӑхӑт – вилӗм вӑхӑчӗ [...] Сул-сул тӑрӑх вилесем // Уй-уй урлӑ // Купан-купан вил шӑм // Эй, чӑррисем! Вилесем урлӑ // Ыран патне // Кӑпер хывӑр // Ах // Нӑшкатӑп // Хал пӑтрӗ, хул халсӑр...// Эй! // Ывӑтӑр мана // Веҫ – ывӑтӑр // Кӑпер айне ывӑтӑр мана // Ах // Ёнсене хуҫӑр [24].*

Комментируя усиление подобных настроений в творчестве Сеспеля Мишши, Атнер Хузангай подчеркивает, что «в своем творческом порыве он достигает предельно высокой ступени развития. Этот восхождение не могло не окончиться трагически. Ибо во всех отношениях Сеспель находился в пограничной ситуации: прогрессирующая неизлечимая болезнь, неразделенное чувство любви, отрыв от родины, острая ностальгия, страшный голод в Поволжье, крах коммунистической идеи в сознании поэта. В реальности не было выхода из этой ситуации. Он не мог быть свободен в жизни и политике. Но зато он всегда был абсолютно безошибочен в пространстве поэтического Слова, в сфере Духа» [33]. Примечательно и то, что эта свобода в сфере творческих исканий в одинаковой степени содействовала как росту национальных нарративов в поэтических текстах Сеспеля, так и тех аспектов, которые содействовали актуализации мортемности.

Мортемность в этом контексте носит почти всеобщий, универсальный характер: сама эпоха, с одной стороны, воспринимается как историческая эпоха умирания, тотального господства смерти. Мортемные образы, с другой стороны, в поэтическом наследии Сеспеля Мишши фигурируют как футуристические в том смысле, что естественное исчезновение одного поколения открывает перспективы перед новыми поколениями чувашской нации. В этом контексте смерть предстает не как деструктивная сила, но как сила созидательная, которая, вероятно, сама того не понимая, конструирует тот символический мост (о котором и писал Сеспель), обеспечивая тем самым континуитет в рамках воображаемого им чувашского времени, существовавшего в его поэтической идентичности, основанной и выстроенной в большей степени в национальной, чувашской, системе координат.

Текст «Кӑпер хывӑр» в поэтическом наследии Сеспеля Мишши характеризуется определенной двойственностью и порой двусмысленностью. С одной стороны, образы смерти актуализированы, но они же, с другой, вписаны в некую более широкую футуристическую и частично витальную перспективу. В этом контексте умирание / смерть – акты логически необходимые для начала нового мира, новой жизни. В отличие от «Кӑпер хывӑр» стихотворение «Паянтан», которое неслучайно сопровождается подзаголовком «Юлашки юн тумламӑсем» («Последние капли крови»), в качестве своего текстообразующего каркаса имеет именно мортемные нарративы и образы Смерти: *Паянтан чулланса, мӑклашкан // Аш сӑмах пӑрланса пыра ларчӗ // Вӑрмансем тӑрӑнчен шевле тарчӗ // Вилӗм витрӗ ҫӑре паянтан // Асап тӑвӗ шине ҫаруран // Ҫӑршыва ҫавӑтса илсе кайрӑҫ // Шупашикар хӑмисен юнлӑ тарӗ // Ҫӗмӑрӗннӗ чӑремре паянтан // Чӑп-чӑр юнлӑ – мӑн вӑл аллӑмри? // Ҫуркалап, мамӑклап, какайлатӑп // Юн тымарӑсене татӑклатӑп // Ман вӑл – Ҫеҫпӗл Мишшин – юн чӑри // Паянтан выҫса типнӗ айран // Сив масар йӑнӑшни кӑна пулӗ // Мӑн арман чулӑне чунӑм тулӗ // Паянтан, паянтан, паянтан... [25].*

Вероятно, текст «Паянтан» следует признать одним из самых радикальных мортемных текстов Сеспеля Мишши: если в других произведениях поэта смерть присутствует как часть воображаемого поэтического пространства, но в «Паянтан» роль смерти одновременно

деструктивна и конструктивна в том смысле, что она не только выступает в качестве силы разрушающей мир, но становится тем фактором, который претендует на центральную роль в тексте. В этом отношении смерть, в отличии от других текстов, не только более конкретна и обыденна, но она перестает быть «героем» поэтического текста, трансформируясь в действие, осуществляемое героем. Герой Сеспеля в «Паянтан», как и в других его произведениях, перестает быть героем романтическим, расставаясь с последними лирическими атавизмами, становясь героем более революционным. В этом контексте революционность проявляется не только в решительном разрушении старого мира как архаического, традиционного и поэтому несовместимого с ценностями и принципами революции, но и радикальном переформатировании самого представления о герое, который, осознавая свою несовместимость с новым миром, сам актуализирует смерть. Вероятно, описанный Сеспелем Мишши один из первых опытов суицида следует рассматривать как проявление последовательного модернизма, разрыва с традиционной поэтикой, попытку утвердить новую идентичность, даже если в ней нет места поэту как одному из ее форматоров и создателей.

С другой стороны, образ кладбища фигурирует как некая неизбежная перспектива, становящаяся завершением экзистенциального опыта, протекавшего в условиях доминирования традиционного общества, в значительной степени основанного на преобладании как традиционных гендерных ролей, так и архаичных социальных институтов. Настроения, основанные на одновременной мортемности, осознании и понимании собственной смерти, ее принятии и одновременно на футуристическом прогнозе национального развития заметны и в стихотворении «Чăваш чĕлхи»: *Сана шанаканĕ, çакна сыраканĕ // Çĕр айĕнче выртĕ тăлăххăн ун чух // Хăй çийĕнчи çĕрĕ âна пусса анĕ // Сан чапна курмасишкăн тăма пулас çук // Ун çинче чăвашăн чĕлхи чапĕ пулĕ // Тăпри çинче янрĕ ирĕклĕх юрри // Вара вильнĕскере канлĕ-канлĕ выртĕ // Канлĕ, çăмăл пулĕ çийĕнчи тăпри* [30].

Для поэтического текста Сеспеля Мишши характерен и значительный национальный нарратив, который также вписан, интегрирован в некий общий, «большой» дискурс мортемности. Чувашское национальное, конечно, идеализируется – даже, если ему суждено погибнуть и исчезнуть: *Çĕршывăма тăван халăх // Хавасламасан // Чун савнă чăваш чĕлхийĕ // Пĕтмелле пулсан // Усал курăк та ан шăттăр // Ман тăпра çине // Çĕр сурăлтăр та çĕр çăттăр // Вил шăммăмсене* [31]. Мотивы гибели нации, ее ассимиляции в текстах Сеспеля Мишши неединичны: для поэтики Сеспеля характерны пессимистические мотивы, а в ряде случаев поэтический дискурс и вовсе трансформируется в преимущественно депрессивный, связанный с опасениями поэта за судьбу чувашей и чувашского языка: *Анчах кунсем, çулсем иртсе кайрĕç // Чăваш поэçсем сас пamarĕç... // Тăван çĕршыв, е сан та вăю пĕтрĕ? // Е чăваш чĕлхин хăват çĕтрĕ? // Е ют чĕлхесем үснĕ майĕ // Чăваш чĕлхи çĕтсе, пĕтсе кайĕ? // Е чăваш çынни, чăваш ялĕ // Сарлака çĕр çинчен сұхалĕ?..* [23]. При этом в качестве носителя и выразителя тоски и меланхолии выступает не лирический герой, а вся нация в целом, что придает поэтической депрессии коллективный характер, а сама депрессия плавно трансформируется в ожидание смерти и гибели не лирического героя, который к началу 1920-х годов в молодой чувашской поэзии едва утвердившись, уже успел стать анахронизмом, а нации в целом, что наделяло тогда еще формирующуюся современную чувашскую нацию чертами одновременно и умирания, и возрождения.

Тексты Сеспеля Мишши, таким образом, лежат в основании той дилеммы, решением которой в той или иной степени пытались заниматься более поздние чувашские интеллектуалы, соотносившие ценности и принципы чувашского национализма и идентичности с вызовами политической идеологии и требованиями лояльности. В такой ситуации чувашская культурная традиция не только развивалась в рамках авторитарной модели, но и в условиях осознания ее форсированного развития и тех вызовов, с которыми она сталкивалась. Ускоренная принудительная модернизация в значительной степени традиционного общества в рамках авторитарной модели содействовала в чувашской

идентичности актуализации ситуации конфликта между различными ее пластами – традиционной архаикой и советской авторитарной недемократической модерностью. Именно этот конфликт в свою очередь актуализировал нарративы мортемности, неуверенности или сомнения в способности идентичности адаптироваться, а не погибнуть, будучи ассимилированной в рамках большого советского идеологического канона.

Библиографический список

1. **Айги**, Г. Подснежник среди бури / Г. Айги // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 5 – 20.
2. **Кирчанов**, М.В. (Кăрчан, Мақсăм) Сеспель Мишши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции / М. В. Кирчанов // Сеспель Мишши: рождение современной чувашской литературы / сост., вступит. статья Кăрчан Мақсăм. – Воронеж, 2007. – С. 4 – 17. – (http://ejournals.pp.net.ua/ld/0/47_turk_ii.pdf)
3. **Кирчанов**, М.В. (Кăрчан, Мақсăм) Советизация чувашского текста, формовка интеллектуалов (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 – 1930-е гг.) / М.В. Кирчанов // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – С. 6 – 15.
4. **Кирчанов**, М.В. (Кăрчан, Мақсăм) Формируя советский канон в чувашской литературной критике (Н. Васильев-Шубоссини и его «Краткий очерк истории чувашской литературы») / М.В. Кирчанов // Формирование советского дискурса в чувашском литературоведении / сост. и вступительная статья Кăрчан Мақсăмĕ. – Воронеж: НОФМО, 2007. – С. 3 – 10. – (http://ejournals.pp.net.ua/ld/0/48_turk_iii.pdf)
5. **Кирчанов**, М.В. (Кăрчан, Мақсăм) Чувашский интеллектуальный дискурс эпохи «высокого сталинизма» (некоторые проблемы интерпретации творчества Мишши Сеспеля в конце 1940-х годов) / М.В. Кирчанов // Сеспель Мишши в советской традиции «высокого сталинизма» / сост. и вступительная статья Кăрчан Мақсăмĕ. – Воронеж: НОФМО, 2007. – С. 3 – 8. – (http://ejournals.pp.net.ua/ld/0/49_turk_iv.pdf)
6. **Кирчанов**, М.В. (Кăрчансен, Мақсăмĕ), Хресченсем – халăх – Чăваш наци: вообразая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX – начала XXI века) / М.В. Кирчанов (Кăрчансен Мақсăмĕ). – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 244 с.
7. **Кирчанов**, М.В. Чувашский модерн начала 1920-х годов: национальная революция и футуризм / М.В. Кирчанов // Научный Вестник ВГАСУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 74 – 83.
8. **Кузнецов**, И.Д. Çеспĕл Мишши пултарулахă тавра / И. Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 6 августа.
9. **Кузнецов**, И.Д. Хальхи поэзипе истори çинчен (Çеспĕл Мишши çинчен калаçнă маях) / И. Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 7 августа.
10. **Павлов**, Н.С. Михаил Сеспель в чувашском литературоведении / Н.С. Павлов // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии).
11. Поэтика М. Сеспеля. Сборник статей. – Чебоксары, 1991.
12. **Равлюк**, М. Співець чуваського народу / М. Равлюк // Жовтень. 1953. – № 1. – С. 121 – 124.
13. Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля. – Чебоксары, 2001.

14. **Романова, Ф.А.** Драматургический опыт Михаила Сеспеля (Наброски его пьесы «Чувашский поэт») / Ф.А. Романова // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии).
15. **Родионов, В.Г.** Энергия, воплощенная в слово / В.Г. Родионов // Сеспель М. Собрание сочинений / М. Сеспель. – Чебоксары, 1989. – С. 8 – 46.
16. **Җәһпәл Мишши Ф. Н.** Пакрышню, Киев, 30 октября 1921 г. // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 150.
17. **Җәһпәл Мишши Ф. Н.** Пакрышню, Киев, 7 декабря 1921 г. // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 151.
18. **Җәһпәл, Мишши, Выç псалом** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 112.
19. **Җәһпәл, Мишши, Из дневника, 10 ноября 1920 года** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 144.
20. **Җәһпәл, Мишши, Из дневника, 11 ноября 1920 года** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 146.
21. **Җәһпәл, Мишши, Из дневника, запись 1921 г.** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 148.
22. **Җәһпәл, Мишши, Или! Или! Лима Савахфани!..** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 46.
23. **Җәһпәл, Мишши, Йăвăр шухăсем** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 60.
24. **Җәһпәл, Мишши, Кёпер хывăр** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 114, 116.
25. **Җәһпәл, Мишши, Паянтан** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 68.
26. **Җәһпәл, Мишши, Пурнăспа вилём** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 32.
27. **Җәһпәл, Мишши, Тёлек** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 120.
28. **Җәһпәл, Мишши, Чăваш арăмне** / Җәһпәл Мишши // Җәһпәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәһпәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 52.
29. **Җәһпәл, Мишши, Чăваш поэтне Ахаха асанса** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 43.
30. **Җәһпәл, Мишши, Чăваш чёлхи** / Җәһпәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель /

- сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 33.
31. **Җәспәл**, Мишши, Эпә вилсен / Җәспәл Мишши // Җәспәл Мишши, Паянтан. Отныне / Җәспәл Мишши. – Чебоксары, 2006. – С. 64.
32. **Җәспәл**, Мишши, Юлашки чәл алра... / Җәспәл Мишши // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 63.
33. **Хузангай**, А. Михаил Сеспель как чувашский культурный герой XX века / А. Хузангай // Сеспель М. Мильоном стих мой повторен. Эп пин чăваш. Сăвăсем. Стихи. Фрагменты дневника и писем / М. Сеспель / сост., послесл. А. Хузангай, худ. Г. Фомиряков. – Шупашкар / Чебоксары, 2012. – С. 175 – 232.
34. **Хузангай**, П. Мильон сердец / П. Хузангай // Хусанкай П. Җырнисен пуххи / П. Хусанкай. – Шупашкар, 2005. – Т. 5. – С. 341 – 345.
35. **Хумма**, Җеменё. Пирён писательсем / Хумма Җеменё // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

УДК 355.01

*Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений,
В. Н. Морозова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 224-74-02;
e-mail: ipd.vsu@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair, International
Relations Department
V. N. Morozova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 224-74-02;
e-mail: ipd.vsu@gmail.com*

В. Н. Морозова

**АФГАНСКИЙ ИЗЛОМ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕСЕН АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ
1979-1989 ГГ.**

Статья посвящена восприятию афганской войны 1979-1989 гг. ее непосредственными участниками. Образ афганской войны представлен на основе анализа солдатских песен, созданных в период военных действий. Отдельное внимание уделяется восприятию воинами-афганцами своих задач в Афганистане и проблеме переосмысления прошлого.

Ключевые слова: афганская война 1979-1989 гг., образ войны, афганские песни, афганский синдром, переосмысление прошлого.

V. N. Morozova

**THE AFGHAN BREAK: ON THE MATERIALS OF THE 1979-1989 AFGHAN WAR
SONGS**

The article is dedicated to the perception of the Afghan war in 1979-1989 by its participants. The Afghan war image is presented on the basis of analysis of soldier's songs created in the war period. Special attention is given to the perception of their tasks in Afghanistan by Afghan warriors and to the problem of the rethinking of the past.

Key words: 1979-1989 Afghan war, war image, Afghan songs, Afghan syndrome, rethinking of the past.

Советское военное присутствие в Афганистане 1979-1989 гг. продолжалось 9 лет, 1 месяц и 19 дней. В повседневном советском лексиконе его называли «афганской войной», в афганском — «советской оккупацией», эксперты предпочитали формулировку «спецоперация СССР в Афганистане» [1], солдаты использовали сочетание «война за речкой». Противоречивы были и политические оценки войны: «защита интересов отечества» и «интернациональная помощь» сменились трактовкой II Съезда народных депутатов СССР 1989 г. «преступная война» и «провальная авантюра».

Какими бы не были аргументы, приведшие в конечном итоге к вводу советских войск в Афганистан, очевидно, что «события развивались как снежный ком, когда каждое последующее решение лишь усугубляет негативные последствия от предыдущих опять-таки ошибочных действий и поступков. ...В итоге создавалось мощное и глубокое советско-афганское проблемное поле, оказавшееся политическим болотом, в которое безвозвратно канули все достижения, надежды и иллюзии Москвы и Кабула» [1].

Как отмечает М. Калашников, «мы получили практически десятилетнюю войну с очень большими затратами для экономики страны, с массой надломленных людей, раненых, искалеченных, убитых молодых парней, получили черную экономическую дыру, получили международную блокаду – противостояние [2].

Чем обернулись политические ошибки? Каковой стала цена войны? Высокий уровень сохранности военных архивов, не смотря на политические трансформации постсоветской России, позволил специалистам министерства обороны с высокой точностью оценить потери. Всего за период 1979-1989гг. в войсках, находившихся на территории Афганистана, прошло военную службу 620 тыс. военнослужащих, включая 525,5 тысяч солдат и офицеров Советской Армии, 21 тысячу гражданских служащих, 95 тысяч представителей КГБ (включая пограничные войска), внутренних войск и милиции [3]. Общее число погибших составило 15051 человек, из них – 14427 погибли в результате боевых ранений или от несчастных случаев и болезней, 417 человек пропали без вести или попали в плен [3]. С афганской стороны потери составили около 1 млн погибших [3].

После распада СССР экономический кризис, новые межнациональные столкновения привели к угасанию интереса к уже закончившейся войне. В феврале 2014 года страна отмечала 25-летие с момента вывода советских войск. Накануне Российский союз ветеранов Афганистана призвал пересмотреть политическую оценку боевых действий, которую дал съезд народных депутатов СССР в 1989 году. Как отметил ветеран войны депутат Госдумы от «Единой России» Франц Клинецвич, «политически и юридически несостоятельная оценка афганской войны как провальной авантюры, официально данная II съездом народных депутатов и не пересмотренная до сих пор» [4].

Шумные мероприятия, приуроченные к 15 февраля 2014г., сменились суровыми реалиями новых конфликтных ситуаций, вытеснивших дискуссионные оценки событий 1979-1989гг. Однако не вытеснено главное: войну можно оценивать по-разному, но отношение к участникам боевых действий должно быть одно: как к выполнявшим и выполнившим свой военный долг до конца. Сегодня они уже состоявшиеся профессионалы, даже тогдашним мальчишкам 18 лет уже более 40. Им не нужно никому ни чего доказывать. Особенно тем, кто испытал на себе «афганский синдром», нашел силы идти дальше. Возникает понимание того, что у них-то, героев-афганцев, погибших или живых, и есть первостепенное моральное право оценивать события, участниками которых они непосредственно являлись. Анализ песен, написанных в период афганской войны, – это попытка взглянуть на войну глазами советских солдат, проходивших службу в Афганистане. Речь идет о песнях, не всегда известных широкой публике, что называется «из солдатских блокнотов», у большинства из которых сложно установить автора. Для данной статьи использовались песни, размещенные на сайте «Автомат и гитара» раздела «разные афганские песни» [5].

Психологи, выделяя факторы стресса в боевой обстановке, называют, прежде всего: угрозу жизни, ранения, гибель друзей, мирных граждан, картины смерти, события, в результате которых страдает солдатская честь и достоинство, длительное состояние психологической напряженности, отсутствие контакта с близкими, повышенная ответственность за свои действия, невозможность изменить условия своего состояния [6, С. 31–32]. Влияние практически каждого из этих факторов можно проследить на примере песен.

О том, что волновало советских солдат, можно отчетливо увидеть уже по названию песен. Так, самый большой блок посвящен теме, что означает для каждого солдата-афганца Афганистан («Пароль-Афган», «Я Афганом не переболел», «Я у этих снов в плену»). Слаженная работа всех видов войск отражена в песнях «Водителям», «Лети, вертолетчик», «Батальонная разведка». Теме, как доставались ордена и медали, посвящены песни «Орден в кулаке», «Ордена не продаются». Обращает внимание частое использование в названиях песен слова «Афганистан»: «Афганский вальс», «Афганский ветер» и др.

Каким предстает перед нашими воинами Афганистан? Страной парадоксов:

«Четырнадцатый век – во цвете,

Двадцатый тоже весь в соку:

Бывают чудеса на свете –

Столетний шесть в одном веку!» [7].

Страной, где нет ни мира, ни покоя, «и банды, как зверье, попрятались в горах...» [8].

Резюме песен – хорошего в Афганистане ничего нет:

«Тот, кто ни разу не был в Афгане,
Кто не встречал с автоматом рассвет,
Пусть же он нам не завидует с вами,
Ведь ничего здесь хорошего нет» [9].

На фоне Афганистана, постепенно окрашивающегося в кровавый цвет, в Союзе «было лучше, чем в Раю» [10].

Вопрос, что делают советские солдаты на чужой афганской земле, лейтмотивом проходит практически через все песни:

«...Кто виноват, что мы сейчас не дома ?
Нигде ничьей вины не может быть.
Мы сами себе выбрали дорогу –
Быть впереди и честью дорожить» [11].

При этом солдаты не сомневаются, что исполняют свой долг до конца:
«Здесь советские парни свой долг выполняют
И надеждой живут, что вернутся домой» [12].

Что же означает *долг*? Во-первых, в большинстве песен, сколько бы не было вытерплено, служба в Афганистане воспринимается солдатами как *защита Родины*:

«...Если вдруг над Отчиной вспыхнет пламя пожарищ,
Мы опять, как один, вступим в яростный бой» [12].

Во-вторых, для солдат пребывание в Афганистане – это *воинский долг*:
«Надо ехать – позвала Отчизна,
Надо ехать – не нужны слова» [13].

При этом особо подчеркивается святость воинского долга:

«Мы выполняем долг святой,
Военный свой обет.
...У нас Россия позади,
Мы через все пройдем» [14].

В-третьих, долг – это помощь *братскому народу*:

«... мы пойдем по приказу.
Не ради наживы, не ради наград.
А ради свободы другого народа,
Чтоб не было к счастью им лишних преград» [15].

Или:

«...Мы, преклонив колено, поклялись,
Что отстоим свободу афганского народа,
Сумеет дать ему вторую жизнь» [16].

Песни говорят, что пришли не завоеватели, а те, кто искренне хочет помочь:

«Нам крови не надо, мы крови не ищем,
За братство народов всегда мы стоим.
И чтоб ни случилось, всегда мы поможем
Народу нам братской, нам братской страны» [15].

Братство отчетливо ассоциируется не с советской риторикой, а с *защитой мирных граждан*:

«Навстречу нам парней зовёт дорога
Афганских мирных граждан защищать» [17].

В том числе, афганских детей: «И детишкам афганским счастливое детство дарил...» [18].

Таким образом, солдаты в Афганистане затем, «...чтобы люди этой огненной земли не видали цвета крови и войны» [19].

Как же встретили в братском Афганистане:

«Нет здесь дружелюбных лиц, лишь волчий взгляд,

Мол, уходи отсюда, шурави-солдат.

Пуля ждет за каждым дальним кишлаком...» [20].

Мотив славы, романтики героики не отрицается в песнях, но лишь первой половины войны:

«...Ни награды, ни деньги нас манили в дорогу –

Грохот боя всегда привлекает мужчин» [21].

Затянувшееся течение войны дает о себе знать. Песни, появившиеся после 1985 года, уже не настолько единодушны. Появляются злосатиричные формулировки «*интернужный долг!*»:

«Мы в Афгане терпим муки

И кого там защищаем,

Выполняя интернужный долг?» [22].

Прямых обвинений в адрес тех, кто отправил солдат на войну, в песнях немного:

«Мы попали сюда не случайно,

Захотелось кому-то извне

Испытать наши души морально

В настоящей, реальной войне» [23].

Но вопрос, за что воюем, все чаще звучит в песнях:

«...Война войной, но все ж мне истина дороже,

Хотелось знать, за что воюю на чужой земле» [24].

Здесь же сами авторы отвечают на свой вопрос:

«...нет тех, кого убил, нет тех, кто был со мной,

нет никого – ни правых, ни виновных» [24].

Споры в обществе, за что гибнут советские солдаты, как в зеркале отражаются в песнях. Участники военных действий яростно оспаривают злые выпады тех, кто считает, что они там, говоря современным языком, из-за меркантильных соображений:

«.....А сколько платят на войне? Скажите мне, и я поеду,

Чтоб увидеть, как рядом с телом хоронят толстый кошелек» [25].

Прилагательное «чужой» – частый гость песен («... Чужое небо, чужие звезды...»), возникающий как противовес «своему», «родному», тому, что осталось в Союзе:

«Там, за горизонтом, солнце светит...

Здесь сдувает с ног афганский ветер,

Здесь ночная пыль скрипит в зубах» [26].

Или:

«Здесь совсем другое небо, здесь совсем другое солнце,

Воздух терпкий и горячий тут окрашен в красный цвет» [27].

Тоска по Родине, России, в которой в единое целое соединились любовь к Отчизне, к отчему дому, к родной природе, к народу, относится к одному из основных аспектов, объединяющих отечественную поэзию военных лет, вне зависимости от эпохи:

«...В России небо синее, меж берез дожди косые,

Как мне хочется в Россию, пусть приснится мне Россия» [28].

Или:

«Мне бы Россию любимую самую

Хочется хоть на минуту обнять» [29].

Тоска по Родине крепко связана с тоской по матерям и женам:

«Солнце жарко печет, пот глаза заливает.

Ты читаешь письмо, что пришло так давно.

Закурив сигарету, ты мать вспоминаешь

И девчонку, с которой ходил бы в кино» [30].

Или:

«Наши жены, наши дети, мы запомним ваши слезы,

Мы запомним расставанья в нашем сердце навсегда» [27].

В то же время лирические песни, типичные для Великой Отечественной войны, нечасты.

Особая тема военной поэзии и песен – как из молодых мальчишек вырастали настоящие мужчины.

Становление мужского характера начиналось с преодоления страха:

«..Но надо еще суметь
Былью пройти сквозь небыль,
Пылью сквозь первый страх» [31].

Во времена Великой Отечественной войны тема становления была характерна не столько для песен, сколько для прозы. Для песен афганской войны – эта тематика является преобладающей. Песни описывают, как после первого боя мальчишки становились «обстрелянными солдатами», «променяв на бесстрашие естественный страх» [32]. Те, которым «еще бы книжки листать» или «нежно девчонок обнимать», «ладонями сжимают автомат»:

«Еще вчера был вечер выпускной,
И неумело целовали мы девчат.
Ну а теперь, сроднившийся с рукой,
Под парашютом дремлет автомат» [33].

Именно теперь начинает познаваться настоящая мужская дружба:

«Еще вчера нам кто-то говорил,
Что настоящий друг удачлив и смешон,
Ну а теперь, когда ты выбился из сил,
Твой настоящий друг понес твой вещмешок» [33].

Война, заглушив разноцветные краски, четко расставляет акценты, убрав полутона, условности. Героям есть только одно определение. Это те, кто, жертвуя собой, спасают своих товарищей:

«Я чувствую друга локтем и плечом.
....Он грудью своей грудь мою заслонил,
Мне крикнул: "Живи, брат, живи за меня!"» [34].

Особняком при освещении героизма стоит противопоставление штабистов – и полевых командиров:

«....Сидят майоры с животами и усами,
С такими умными, усталыми глазами,
Который час не могут порешить,
Кого ж теперь им стоит наградить» [35].

Но награды зачастую достаются именно им:

«...Застыл мой полк, как на параде,
Я вижу лица боевых друзей,
И слышу я фамилии в указе
Совсем не тех людей, не тех людей!
Не тех, кто в бой ходил, не тех, кто видел смерть,
Не тех, кто соль глотал на перевале,
Не тех, кого живых еще мы знали, –
Не их сейчас мы слышим имена!» [36]

Законы дружбы – неписанные, но от этого еще более непреложные, – четко указаны в песнях.

«...Мы вывели закон, не писанный по сводам,
Вопросы на земле решает вся семья,
А в воздухе закон становится суровым:
Путь должен умереть ты, но жить должны друзья!» [8].
И случае, описанные ниже, не единичны:
«....Не ругай, командир,

За лишний заход.
Там внизу, под скалой,
Строчит пулемет.
Там внизу помирает
Советский народ» [37].

Постепенно солдаты привыкали к войне: «...Ночью проклинаем этот ад, а днем: ничего, друзья, переживем» [20]. Но привычка к войне нелегко дается солдатам, они осознают, что «...умирать так просто, убивать – трудней!» [38]. Привыкание к войне, как четко можно проследить в песнях, сменяется чувством *усталости от войны*:

«Как написать, что от войны устал,
И что порой лишь хочешь одного:
Чтоб поскорей замены день настал,
И чтоб живым увидел ты его» [39].

Устают не только люди, но и металл, а война все продолжается:
«И видим мы сквозь прорези прицелов
То трупы, то разрушенный дувал.
Как, духи, вам война не надоела,
Ведь даже автомат стрелять устал!» [40].

Каким представляется Афганистан в песнях второй половины 80-х гг.? Все чаще эпитетами войны становятся «*необъявленная война*» или «*война под чужими знаменами*», «*неправедная война*» (в сравнении с Великой Отечественной войной):

«На афганских землях, *под чужими знаменами*,
Мы по плечи врывались в *чужие* пески.
И от жаркого солнца выгорали погоны,
Сединой слишком рано покрывались виски» [41].

Теперь Афганистан воспринимается без «идеологических прикрас»:
«И чёрное, злобное, смерти подобное,
Имя «АФГАН», имя «АФГАН»...» [42].

Все больше встречается песен со словом «смерть»:

«Афганистан – звучит как гром,
Афганистан – кошмарный сон,
Афганистан – страна смертей» [43].

Так открывается целый ряд песен, объединенных горькой фразой: «Милое Отечество родное, Сколько же узнало ты потерь?» [13]:

«...Не вернешь их к жизни – больно, тяжело.
Каждый понимает, что беда.
Молодые мальчики в тельняшках
В дом свой не вернутся никогда» [13].

Криком отчаяния звучат слова: «Сколько русских парней здесь в земле закопали...» [12], «и сколько вас, российские мальчишки, не дожило до утренней зари..» [44].

Сухая статистика о потерях не сможет передать, как ... «Тюльпаны» горе каждый день везут в Союз...» [45].

С какими чувствами советские солдаты покидают Афганистан?

«Прощай, Афганистан, живи спокойно,
Твоя земля полита не водой.
Она пропитана друзей погибших кровью,
Отдавших свою жизнь за твой покой» [11].

Горечь потерь друзей смешивается с опасением, оценит ли Афганистан принесенные жертвы:

«Афганистан ты наш печальный ...
.....Афганистан, ты хоть скажи спасибо
Сынам России, моему народу» [46].

Потрясает глубина поэтических строк, написанных в период Великой Отечественной войны Н.П. Майоровым, которые актуальны и сейчас, когда спустя десятилетия переоцениваются события прошлого. Они как предостережение и наказ бережного обращения с прошлым, с оценками тех или иных событий: «И пусть не думают, что мертвые не слышат, когда о них потомки говорят!» [47. С. 184].

Суд времени: кто прав, кто виноват?! Невольно всплывают слова из песни «Афганский ветер»:

«...Кого судить теперь, кто прав, кто виноват?
Десяток лет месили кровь с афганской пылью.
... Да, мы сражались не на праведной войне,
Да, мы стреляли и друзей своих теряли...
Теперь за судьбы их обидно нам вдвойне,
За что же жизнь тогда они свою отдали?» [48].

Политические спекуляции вокруг темы «праведности войны», необходимости/ошибочности участия наталкиваются на жесткий ответ из этой же песни: «Не мы послали и не нам ответ держать...» [48]. Воевавшим в Афганистане принципиально другое: им больше обидно за погибших друзей: «Спасибо, мать, тебе, родимая земля, – Кого хранишь в себе, об этом не услышат» [48].

Им важно, чтобы при всех пересмотрах прошлого неприкосновенным оставалось понятие святого воинского долга. Как справедливо отметил ректор Восточно-европейского института психоанализа М. Решетников, «независимо от степени справедливости той войны, в ней было место героизму выживших и павших, которое заслуживает нашего уважения» [49].

Так может ни к чему ворошить прошлое? И на этот вопрос есть ответ:

«Порой твердят: "Довольно песни распевать!
От ваших тем военных мы давно устали!"
Ну что ж, вы можете о нас не вспоминать,
Но вот с историей у вас пройдет едва ли» [48].

Поражает пророческие строки одной из афганских песен:

«...Но мать-история несетя
Вперед, опять на «всех парах»,
И прошлый век от страха жметя,
Злым демоном сидит в горах» [7].

Последствия ошибок XX века приходится разрешать XXI веку. К концу 2014 года теперь уже американские солдаты уйдут из Афганистана. А между миром и стабильностью в стране по-прежнему лежит непреодолимая пропасть.

Библиографический список

1. **Нессар, О.** 1979 год: Роковые ошибки афганской войны / О. Нессар. – (<http://www.mgimo.ru/afghan/132497.phtml>)
2. **Калашников, М.** Спустя 25 лет ветераны требуют пересмотреть негативную оценку Афганской войны / М. Калашников. – (<http://www.odnako.org/blogs/spustya-25-let-politicheskuyu-ocenku-afganskoy-voyni-trebuyut-peresmotret/>).
3. **Мендкович, Н.** Потери в войне 1979-1989 гг. / Н. Мендкович. – (<http://afghanistan.ru/doc/14905.html>)
4. Новостной ресурс. — (<http://lenta.ru/news/2014/02/11/afgan/>)
5. Разные афганские песни // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz.html>)
6. **Абдурахманов, Р.А.** Психологические трудности в общении, их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане: дисс... канд. психол. наук / Р.А. Абдурахманов. – М., 1994. – 223 с.

7. [Просмоленное небо – в ключья] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
8. [В стране афганской мира нет, покоя] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
9. [Мы из Союза сюда прилетели] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
10. [Это было прошлым летом] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
11. [Как далеко сейчас до тихой, мирной речки] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>
12. [Вертолеты боятся к нам сюда прилетать] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>
13. [Звезды над Кабулом не живые] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>
14. [Мы по чужой идем земле] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>
15. [В небо уходит десант по приказу] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>
16. [Приказ получен и собран вещмешок] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
17. [Проходят дни, а мы все крепче духом] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz6.html>
18. [Я хотел бы увидеть всех вас через лет двадцать пять] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
19. [Здравствуй, мама, возвратился я домой] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
20. [Осенью промозглой нам пришел приказ] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
21. [Посвящается тем, кто уже не вернется] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
22. [Кто виноват, что ты небрит?] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz3.html>
23. [До свиданья, Кабул, до свиданья] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
24. [Вот дан приказ вперед] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
25. Баль, А. Горжусь своей свободой слова / А. Баль // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz6.html>
26. [Там, за горизонтом, солнце светит] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz6.html>
27. [Зазнобило, зазнобило, здесь совсем другая осень] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz4.html>
28. [Над Кабулом, над Кабулом солнце пыльное садится] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>
29. [Вдали от России] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz8.html>
30. [Вертолеты боятся к нам сюда прилетать] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz5.html>
31. Чужие звезды // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
32. [Ветер яростно выл, камнепадом хлестал] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz9.html>
33. [Еще вчера мне снился отчий дом] // Автомат и гитара. – <http://avtomat2000.com/afganraz7.html>

34. [Солдатская ночь склонила парней] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
35. [Сидят майоры с животами и усами] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz7.html>)
36. [Застыл мой полк, как на параде] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz7.html>)
37. [Не брани, командир, за крутой мой взлет] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz7.html>)
38. [Мы живем в Кабуле, говорят, не так] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
39. [Опять я вам урывками пишу] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
40. Бой под Кандагаром // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz6.html>)
41. [Посвящается тем, кто уже не вернется] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
42. Обычный автобус // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
43. [Здравствуй, мама, возвратился я домой] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
44. [Бежит машина, устали не зная] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz8.html>)
45. [Ах, сколько слез и горя ты принес, Афганистан!] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
46. [Весь вечер и всю ночь напролет] // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
47. Майоров, Н.П. Нам не дано спокойно сгнить в могиле / Н.П. Майоров // Антология военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!» / сост. Г. Красникова. – М.: Вече, 2013. – 592 с.
48. Афганский ветер // Автомат и гитара. – (<http://avtomat2000.com/afganraz9.html>)
49. **Решетников, М.** Афганский синдром – это навсегда / М. Решетников. – (<http://www.rosbalt.ru/piter/2009/02/14/618431.html>)

УДК 929

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологи и истории

А. В. Погорельский.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: pogorelsky@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

A. V. Pogorelsky.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: pogorelsky@mail.ru

А. В. Погорельский

Л. П. КАРСАВИН – ИСТОРИК ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена анализу исторических взглядов выдающегося отечественного историка Л.П. Карсавина. Автор статьи показывает жизненный путь и научную деятельность Карсавина, а также оценивает его вклад в развитие российской исторической науки.

Ключевые слова: средние века, медиевистика, историческая антропология, история средневековой культуры.

A. V. Pogorelsky

L. P. KARSAVIN AS A HISTORIAN OF EUROPEAN MIDDLE AGES

This article analyzes the historical views of the outstanding Russian historian L.P. Karsavin. The author shows the life and the Karsavin's scientific activity and estimates its contribution to the development of the Russian historical science.

Keywords: the Middle Ages, medieval studies, historical anthropology, history of medieval culture.

Имя историка и философа Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) вернулось из забвения лишь в самые последние годы. Его труды много лет были недоступны российскому читателю. Только в 90-е годы XX столетия появились первые биографические очерки о нём, а также были опубликованы по авторским рукописям или же воспроизведены с дореволюционных изданий несколько небольших его сочинений. До сих пор главное внимание научному наследию Карсавина уделяют историки отечественной философской мысли. Но Карсавин был отнюдь не только философом или богословом. Он историк по образованию, и занятия западноевропейским средневековьем имели для него куда большее значение, нежели являлись просто подготовкой к последующим философским сочинениям. Они во многом сформировали саму личность учёного, стиль его восприятия чужих культур и культуры собственного народа. Ну и, наконец, эти занятия привели к созданию ярких исторических исследований, которые занимают важное место в русской медиевистике.

В отличие от богословских сочинений Карсавина или, скажем, трудов по философии истории, его книги по религиозной жизни в средневековой Европе не ссылались в библиотечный спецхран. Их читали все, кто этого хотел и имел доступ в крупные библиотеки. Но вот упоминаний имени Карсавина в печатных текстах длительное время – с 20-х и до начала 60-х годов – избегали. Надо сказать, что советской исторической науке работы Карсавина были не особенно нужны. Они не вписывались в идеологический контекст советского режима ни методологией, ни проблематикой, связанной с историей религии и средневековой религиозностью.

В. П. Бузескул в труде «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», вторая часть которого увидела свет в 1931 году [1. С. 87-89], отвел характеристике научного творчества Л.П. Карсавина менее двух страниц, указав при этом, что «средний человек», которого имеет в виду Л.П. Карсавин, говоря о средневековой религиозности, «понятие слишком неопределенное, расплывчатое, скорее фикция, абстракция» [2. С. 89].

С начала 60-х годов в немногочисленных историографических трудах стали появляться небольшие очерки о Л.П. Карсавине, правда, с характеристиками типа «мистик и реакционер», «белоземigrant», «оказался в рядах врагов революции» [3. С. 2], Л.П. Карсавин и близкие к нему по духу историки стали «наиболее ярким выражением идейного кризиса русской медиевистики» [4], причем отмечалось, что это течение «стояло в прямой связи с усилением субъективизма и мракобесия в тогдашней русской буржуазной философии и науке вообще» [5]. В работе «Очерки истории исторической науки в СССР» Л.П. Карсавин показан как «пример того, к чему может привести историка увлечение религиозными идеями», а его труды оценены как «предел мистического бреда» [6. С. 597]. О. Л. Вайнштейн категорически не соглашался с определением Л.П. Карсавиным истории как «психически-социального развития человечества», осуждал его «метод вживания» или «сопереживания». Все это, по мнению видного советского специалиста-историографа, «наносило ощутимый вред задачам культурной революции и марксистско-ленинского воспитания молодежи» [7. С. 32].

В 70-е годы XX века политические ярлыки стали исчезать. Исторические работы Карсавина характеризуются подробнее и внимательней, хотя оценки их по-прежнему резко критические. Первым из историков, осмелившимся признать в печати свое «историческое родство» с Л.П. Карсавиным, был А.Я. Гуревич. Впрочем, он не только с почтением упомянул «труды видного русского медиевиста Л.П. Карсавина, незаслуженно забытые в последующей историографии» [8. С. 10], но и продолжил в собственных исследованиях заложенную Карсавиным традицию.

Известный историк-медиевист А.Л. Ястребицкая, оценивая научное творчество Л.П. Карсавина, писала: «Карсавин в своих работах опустил историка с метафизических высот на землю – к деятельному человеку и его социокультурной практике, возвысив тем самым одновременно историю до уровня подлинно научной дисциплины, оперирующей специфической системой понятий и методов, учитывающих своеобразие именно предмета своего изучения - человечества в его развитии» [9. С. 3].

Однако во многом идеи, изложенные в работах Л.П. Карсавина, остаются не осмысленными до конца и в начале XXI века. В научных трудах, посвященных отечественной историографии XX столетия, его фамилия зачастую даже не упоминается. А ведь Лев Платонович Карсавин – мыслитель, историк культуры, философ, по праву занимает место в ряду тех, кто, как М. Блок и Л. Февр во Франции, стоит у истоков европейской «Новой исторической науки». Карсавин – один из предшественников того ее направления, которое сегодня называют исторической антропологией, а в последние годы все чаще – «культурной историей».

Лев Платонович Карсавин родился в Санкт-Петербурге в 1882-м году. Его отец, Платон Константинович Карсавин, был известным танцовщиком Мариинского театра, учеником Мариуса Петипа. Воспитание и образование сына стали предметом особых забот матери Карсавина – Анны Иосифовны, урожденной Хомяковой, дочери двоюродного брата знаменитого философа, основателя славянофильства А.С. Хомякова. Склонная к размышлениям, ощущавшая в себе словно бы силу духовной традиции семьи, мать Карсавина надеялась увидеть в нем наследника и продолжателя этой традиции [10. С. 92]. Надежды матери оправдались. Блестяще окончив гимназию, Карсавин поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Способный студент попал в семинар к Ивану Михайловичу Гревсу – одному из самых известных русских медиевистов и великолепному педагогу, о котором с единой душой признательностью вспоминали впоследствии целые поколения его бесчисленных учеников [11. С. 3]. Но к

Карсавину Гревс явно благоволил особенным образом и возлагал на него самые серьёзные надежды [12]. В семинаре И.М. Гревса Карсавин делает доклад об уставах ордена францисканцев, ставший тем зернышком, из которого в конце концов выросли все главные исторические труды. Областью его интересов стали религиозные движения в Италии и во Франции в эпоху позднего средневековья.

Еще будучи студентом, в 1904г. Карсавин женился. После окончания университета сразу начинает много работать: преподает в гимназиях (гимназии Императорского человеколюбивого общества и частной женской гимназии Прокофьевой), печатает статьи по истории конца Римской империи. В 1901–1912гг. Л.П. Карсавин работает в различных архивах и библиотеках Франции и Италии, а вскоре выходит его первая книга – магистерская диссертация «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков», которую он защищает в мае 1913г. [13]. Месяц спустя его назначают экстраординарным профессором Петербургского университета. В это же время Карсавин – преподаватель на Высших (Бестужевских) женских курсах, на Высших курсах Лесгафта, в психоневралгическом институте, учитель истории в гимназии Императорского человеколюбивого общества, казначей Исторического общества при Петербургском университете [14]. Он пишет статьи в Новый Энциклопедический Словарь (всего 39 статей), печатается в нескольких журналах («Вестник Европы», «Церковный вестник», «Голос минувшего», «Исторический вестник» и др.) [15. С. 5].

В марте 1916г. он защищает докторскую диссертацию – «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» [16. С. 6]. По существу эта работа Л.П. Карсавина стала источником идей для современной культурологии. Замечательно, что кроме степени доктора истории Карсавин получил, как мирянин – что представляло большую редкость, – и степень доктора богословия в Петербургской духовной академии [17]. А в апреле 1918г. его избирают экстраординарным профессором Петроградского университета. 1918–1923гг. стали временем исключительно интенсивной творческой жизни для Л.П. Карсавина.

Новый этап творчества Карсавина открывается двумя «очерками» 1918г.: «Культура средних веков» и «Католичество». Обе книги вроде бы предназначались для сугубо популяризаторских, просветительских серий, но эти «синтетические», по определению Карсавина, очерки вовсе не являются приспособленным для широкого читателя изложением принятой в научных кругах точки зрения на тот или иной предмет. «Несерьезность» жанра позволила автору раскрепостить свою мысль и выпустить её на простор обобщений и поиска внутренних закономерностей исторического развития. Две эти книги – заявка на позицию, на определённую точку зрения, а не попытка её обосновать сколько-нибудь фундаментально. Суть авторского подхода, пожалуй, можно усмотреть в одной из вводных фраз к «Культуре средних веков», где человеческая культура, да и шире – история в целом рассматриваются как «раскрытие некоторой основной психической стихии, проявляющейся через индивидуальные осуществления во всех сферах жизни изучаемой коллективности – от социально-экономических отношений до высот мистико-философского умозрения» [18. С.5].

В начале 20-х годов Л.П. Карсавиным заинтересовались власти. Поводов для этого оказалось немало. Подозрительным было его участие в «проникнутом духом идеализма» «Вольном философском обществе», возродившемся в 1919г. при университете в Петрограде, и в деятельности Православного богословского института [19. С. 8]. Раздражение вызвала брошюра «Введение в историю (теория истории)» (1920), все основные положения которой были далеки от постулатов исторического материализма. Но чашу терпения властей переполнили статьи 1922 г. «О свободе» и «О добре и зле», опубликованные в журнале «Мысль». Недавно образованные журналы «Книга и революция» и «Под знаменем марксизма» стали из номера в номер давать решительный отпор «зарвавшимся буржуазным интеллигентам», и далеко не в последнюю очередь Л.П. Карсавину. Это не было случайным совпадением. Руководство РКП(б), вынужденное согласиться на экономические уступки «товарной стихии», больше всего боялось, чтобы это «временное отступление» не привело к

размыванию идейной основы диктатуры пролетариата. Поэтому и имело смысл, опираясь на занятые командные высоты, нанести упреждающий удар против «философской реакции». В марте 1922 г. В.И. Ленин заканчивает статью, принципиально ставящую вопрос о борьбе с «поповщиной» – «О значении воинствующего материализма» [20. С. 265]. В мае его записка Ф.Э. Дзержинскому вменяла в обязанность членам Политбюро «уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий» [21. С. 8]. Там же шла речь о планировавшейся высылке «контрреволюционных» интеллигентов из страны. В июне того же года вышло подписанное А.И. Рыковым «Положение об управлении по делам литературы и издательств», создавшее печально знаменитый Главлит. На этом фоне внимание большевистских журналов к трудам и личности Л. П. Карсавина было вполне естественным. Видный деятель большевистской партии В. Тер-Ваганян опубликовал статью под названием «Учёный мракобес», в которой он круто расправляется с Карсавиным: «Стать в истории попом, а в поповском ремесле схоластиком – нужно же быть действительно мракобесом» [22. С. 9]. Анализируя брошюру Л.П. Карсавина «Введение в историю», автор обнаруживает в ней, помимо прочего, «яркий признак невежества либо мошенничества, сознательного или бессознательного - все равно». Он выясняет, что ради «хлеба, одежды, топлива и т.д.» г. Карсавин, «будучи на службе у хозяина-капиталиста сознательно или бессознательно приспособливал науку к интересам хозяйского кошелька» [23. С. 10]. Большевик Владимир Невский, осудив «средневековое мракобесие и сомнамбулическое бессмысленное бормотание» Карсавина, вместе с тем указал, что «нельзя рассматривать средневековые бредни Карсавина как, скажем, плод расстроенного воображения профессора, поверившего в шабаш ведьм и средневекового козла» [24]. В действительности же творчество Карсавина, по мнению В. Невского, есть выражение того, что «не только философская, но и научная мысль переживает глубокий кризис, причем кризис этот, перелом знаменует не преддверие новых научных достижений, а, как нам кажется, бесповоротную и решительную гибель буржуазной науки» [25].

В августе 1922г. Лев Платонович Карсавин был арестован и приговорен к высылке за границу без права возвращения. В ноябре 1922 г. вместе с группой из сорока пяти таких же «дипломированных лакеев поповщины» (Н. Бердяевым, С. Франком, И. Ильиным, Н. Лосским, С. Булгаковым, Н. Трубецким и др.) и членами их семей он был выслан за границу на знаменитом «философском пароходе» [26].

В 1926г. Карсавин переезжает в Париж. В этот период он издаёт книгу «Святые отцы и учителя церкви» (Раскрытие православия в их творениях) (1926), предназначенную в качестве учебника для русской семинарии, «Церковь, личность и государство» (1927), публикует статьи на немецком, итальянском, чешском языках, принимает довольно активное участие в евразийском движении, публикуя статьи в газете «Евразия» (выходила по субботам в Париже в 1928–1929 гг.). Евразийское движение было определено, с одной стороны, задачами и проблемами новой, послереволюционной России, а с другой – осознанием глубокого кризиса современной европейской культуры. Евразийство призывало все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры (забывая, правда, об англосаксонской) и обратиться к Востоку. На первом своем этапе (1921–1924) оно представляет собой некоторую совокупность религиозных и исторических суждений и оценок, в основе которых, по собственному признанию представителей движения, «катастрофическое мироощущение», «трагическая концепция мира». Они призывают к созданию «православной культуры», к возрождению «православного быта», ставят задачу одухотворения ожившей верой и религиозным сознанием глубин народного бытия. Постепенно в евразийском движении сближались религиозные и политические мотивы, и вскоре оно в значительной степени трансформировалось в весьма жесткую политическую идеологию. Причем решающая сила в этой трансформации принадлежала Л.П. Карсавину, который, прежде не скрывавший своего критического отношения к евразийству, в 1925–1926 гг. становится одним из идеологов движения. Однако ни интенсивная работа мысли, ни

заботы эмигрантских общин в Берлине и Париже, ни увлечённость публицистическим творчеством под знаменем «евразийства», по-видимому, не приносили Карсавину душевного удовлетворения. Последовал ещё один резкий поворот в биографии этого человека.

В 1927г. Л.П. Карсавин получил приглашение в Оксфорд, но, к огорчению всей семьи, этого приглашения не принял. В 1926г. в Литве становится премьер-министром А. Вольдемарс, бывший приват-доцент Бестужевских курсов в Петербурге, и в 1927г. Карсавин был призван в Каунасский университет на кафедру всеобщей истории. На постоянно задававшиеся впоследствии вопросы о причинах сделанного им выбора Карсавин отвечал примерно в одном ключе: «В Оксфорде хватает профессоров и без меня» [27. С. 3]. Действительно, на то, чтобы по-настоящему самоутвердиться в стенах славнейшего британского университета, надо было затратить, наверное, куда больше сил, чем в молодом университете Литвы. Как бы то ни было, Карсавин никогда не жалел о сделанном выборе. Литва стала для него вторым домом, второй родиной и он всегда с благодарностью и почтением отзывался о приютившей его стране. В Каунасском университете он читал несколько основных («История Средних веков», «История XIX века», «История Нового времени») и эпизодических курсов. Последние были подчас даже важнее, чем основные, так как были посвящены прошлому того или иного государства (например, Англии, Франции, США), отдельной исторической эпохе (Ренессансу, Реформации) или явлению (революции) [28. С. 4]. Общие курсы играли роль вводных. Специальные курсы требовали особой подготовки и освоения нового материала. Карсавин как медиевист мог читать общий курс по истории Средних веков, но его уже читал профессор Йонас Ичас. Декан объяснил Карсавину, что два параллельных курса нецелесообразны, и предложил подготовить какой-нибудь специальный курс по истории Средневековья. Весной 1928г. Карсавин специального курса не читал, а преподавал историю Нового времени. Его специальные курсы весной 1928г. – «Ренессанс и Реформация», «История XVIII–XIX веков: революция и империя», «Теория государства». К осеннему семестру он подготовил новые курсы – «История Римской империи», «Теория государства». Кроме того, он продолжал начатый весной курс по истории Ренессанса и Реформации и вел семинары по Новой истории. Спектр интересов ученого был очень широк – от античной истории до XX века. Древней Греции был посвящен курс лекций 1929–1930гг., а в 1929, 1930, 1934, 1936, 1937 гг. – Древнему Риму [29]. Особое внимание ученый уделял позднеимперской эпохе и раннему Средневековью. В 1931г., после смерти профессора Ичаса, Карсавин получил курс по истории Средних веков и читал его с небольшими перерывами до осени 1939 г. Кроме того, он преподавал много дополнительных курсов. Осенью 1939 г. он читал лекции по духовной культуре Средневековья, а в 1928–1931 гг. преподавал историю Нового времени. Этой эпохе было посвящено несколько его курсов – кроме вышеупомянутых, это были «История Европы XVI–XVII веков» (1929), «История Европы Нового времени» (1930).

Л.П. Карсавин стремился к тому, чтобы у студентов вырабатывался широкий взгляд на всемирную историю и культуру; этому были посвящены обобщающие лекции (1937–1939) и специальные курсы по истории Европы и европейской культуре. Его интересовали не только исторические факты, но и историческая наука как объект изучения. Ученый полагал, что историк обязан уметь пользоваться различными методами исследования, свободно оперировать такими универсальными категориями, как «государство», «общество», «культура», «цивилизация», ибо только так возможно осознание закономерности исторических явлений: «историк, познающий историческое развитие и в нем - субъект этого развития, сам есть индивидуация этого субъекта» [30. С. 5]. Этот взгляд ученый прививал и студентам, читая теоретические курсы – «Теория исторической науки» (1928, 1930), «Теория государства» (1929, 1930, 1932), «Наука об обществе и государстве» (1935–1939), «Методология и историософия» (1932, 1934–1935гг.)

После включения Литвы в состав СССР началось разрушение европейской модели высшего образования и замена ее советской. Была ликвидирована автономия университета,

запрещены корпорации студентов, официально закрыты издания гуманитарного факультета, в том числе редактированные Л.П. Карсавиным.

В 1940г. Карсавин перебирается из Каунаса в Вильнюс и там продолжает руководить кафедрой всеобщей истории. Ученые-эмигранты новой властью трактовались как неблагонадежные. Карсавин это осознал и начал прятать написанные им работы как опасные, не читал никакого курса по истории Европы. Он читал лекции по истории Египта и Востока, которые опасными не казались. Когда создавалась Академия наук Литвы, на звание академика гуманитарных наук выдвигалась кандидатура Л.П. Карсавина, но он не был избран [31. С. 11]. Одним из неприятных моментов для профессора была потеря семинарской библиотеки, указом ректора перешедшей в прямое ведение директора библиотеки университета. Карсавин против своего желания подписал акт передачи. Жизнь ученого в Каунасе и Вильнюсе существенно различалась. В Каунасе он свободно творил, планировал свою работу, общался с коллегами; в Вильнюсе была совсем иная, чуждая ему атмосфера, Вильнюсский университет ему как человеку и ученому был враждебен [32]. Правда, в Вильнюсе послушать лекции профессора также собиралась огромная публика, аудитории были переполнены, однако власти не были к нему благосклонны.

Послевоенная администрация Вильнюсского университета считала сомнительными ученую степень доктора и профессорское звание Карсавина, полученные им еще в 1916г. в Петрограде. Весной 1946г. указом декана историко-филологического факультета К. Корсакаса была назначена комиссия для оценки научной деятельности Л.П. Карсавина. Комиссия (И. Йонинас, В. Сеземан, Б. Унтулис) дала высокую оценку, вкратце описав жизненный путь и работы ученого. Однако по предложению министра просвещения окончательное решение по признанию научных званий Карсавина ученый совет университета отложил до тех пор, «пока не будет издано отдельное постановление о присвоении ученой степени доктора» [33]. Карсавину пришлось согласиться работать без ученой степени: «Надеюсь, что долголетняя моя работа в Литовском университете может быть достаточным основанием для удовлетворения моей просьбы. А мотив моей просьбы - то, что на признание меня профессором без ученой степени я смотрю как на оскорбление меня самого и моих бывших учителей профессоров Ленинграда, которые присвоили мне научные звания магистра (соответствует теперешнему доктору) и доктора» [34. С. 13]. Для улаживания дела Карсавин поехал в Москву и обратился в Высшую аттестационную комиссию. Пробыв в Москве несколько недель, Л.П. Карсавин вернулся в Вильнюс. Вскоре из Москвы ему прислали дипломы доктора и профессора. Тогда Вильнюсский университет вновь пригласил его работать и даже предлагал стать академиком. Однако Карсавин отказался от этого предложения, мотивируя отказ тем, что ничего общего не желает иметь с людьми, которые все решают большинством голосов, и оставлять свою фамилию в протоколах таких решений [35]. Отказался он и читать лекции.

С 1944г. Карсавин работал в вильнюсском Художественном музее, в 1947г. стал его директором. Энциклопедически образованный полиглот, он оказал большое влияние на коллектив музея. Во время проводимых им семинаров работники музея должны были читать сообщения, после этого проходили дискуссии. Доклады самого профессора были настоящим праздником. В Художественном музее ученый работал до ареста 9 июля 1949г. Еще в 1948г. была арестована его дочь Ирина, которую обвиняли в сотрудничестве с английской разведкой. Поводом для абсурдного обвинения было то, что в независимой Литве она работала секретарем в посольстве Великобритании. Карсавина посещали подозрительные личности, называвшие себя журналистами. Профессор неосторожно критиковал советскую власть.

Лев Платонович Карсавин был арестован 8 июля 1949г., ровно через год после ареста его старшей дочери Ирины. В постановлении на арест Карсавина указывалось, что он, находясь в Париже, «являлся с 1925 по 1928гг. одним из руководителей белогвардейской организации «Евразия», финансируемой британской разведкой «Интеллидженс сервис». С помощью антисоветских организаций внутри Советского Союза они рассчитывали свергнуть

Советское правительство и захватить власть в свои руки» [36. С. 20]. В обвинительном заключении по делу Карсавина говорилось, что еще в годы буржуазной Литвы Карсавин в каунасском журнале «Светоч» в статье «Государство и кризис демократии» писал, что в СССР не существует подлинной демократии, поскольку свобода подавляется диктатурой пролетариата и компартией, что Советская Конституция существует на бумаге, фактически свободы для народа нет. Борьбу с морганистами-менделистами он рассматривал как гонение на науку со стороны коммунистов. Утверждал, что колхозы не приживутся в Литве, так как они убивают у крестьян частную инициативу.

Особым совещанием при Министре Госбезопасности СССР Льву Карсавину вынесли приговор: за преступную связь с белоэмигрантами, пособничество международной буржуазии, а также за хранение и распространение антисоветской литературы Карсавина Л.П. заключить в Исправительный Трудовой Лагерь сроком на 10 лет [37. С. 11]. Перед вынесением приговора ученый четыре месяца находился в следственной тюрьме литовского МГБ. Допросы велись почти непрерывно, такое могло сломить и более молодого человека, а Л.П. Карсавину было 67 лет. Когда профессора везли в декабре 1949 года в товарном вагоне по этапу Вильнюс-Ленинград-Вологда, он был бодр духом и ободрял других. Литовцы, ехавшие вместе, готовились к медленной гибели в голой тундре от голода и непосильного труда. «Мне легче, – говорил кому-то Карсавин, – все-таки я возвращаюсь на Родину» [38].

В заключении Лев Платонович держался мужественно и твёрдо. Карсавин вел философские беседы с другими заключёнными, благо, уровень интеллектуальной элиты лагеря был весьма высок. Он писал стихи – сонеты и терцины, создал несколько философских и богословских статей и фрагментов на русском и литовском языках. Здоровье Л.П. Карсавина давно уже оставляло желать лучшего, а тюрьма его окончательно подорвала. 12 июля 1952г. Лев Платонович Карсавин скончался [39].

Только сейчас, по прошествии десятилетий после смерти ученого, его работы вновь начали широко переиздаваться и привлекать внимание самого широкого круга читателей.

В своих трудах Л.П. Карсавин разработал концепцию истории как истории культуры. Развертываемая в разных ракурсах эта идея пронизывает работы Карсавина по истории религиозности, церкви и средневековья в целом.

История культуры не сводится для Л.П. Карсавина к традиционному пониманию, как воплощение творческого духа избранных. Для Льва Платоновича культура – это и определенная фаза всемирно-исторического развития, и каждая конкретно-историческая общность. История человечества, по мнению Карсавина, есть процесс преодоления и взаимодействия культур. Хотя Лев Платонович не оперирует такими терминами как «диалог» культур, эта мысль является центральной в его рассуждениях о развитии и движении истории. Карсавин писал, что полное исчезновение какой-нибудь культуры – явление чрезвычайно редкое, а может быть, и небывалое. Каждая после своей видимой гибели переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в ее традициях, продолжающих свое существование в лоне других культур, в их памяти о ней.

Л.П. Карсавин полагал, что понять иную культуру возможно лишь раскрыв «идею культуры», обуславливающую историческое развитие и проявляющую себя в практике людей во всех сферах жизни изучаемой эпохи – от социально-экономических отношений до высот философского умозрения. Наиболее плодотворными для понимания культуры и ее специфики Карсавин считал изучение ее религиозных основ, поскольку в них отражается самоосмысление исторической общности, понимание ею проблем мироздания и собственной идентичности. Раскрывая в своих работах господствующие религиозно-метафизические представления, присущие той или иной исторической общности как культуре, Карсавин не ставил целью объяснение истории воздействием Промысла, или сведение «идеи культуры» к Богу как к высшей ценности, а лишь указывал на элемент, структурировавший массовое и индивидуальное сознание данной эпохи и, соответственно, образ жизни и поведенческие формы. В связи с этим он подчеркивал важность изучения различных форм религиозности, как формы массового социального сознания средневековья.

В этом отношении работы Л.П. Карсавина о религиозном средневековом мировоззрении – первый в России опыт написания культурно ориентированной истории религиозности, свободной от апологетики клерикального или атеистического подходов. В центре внимания Карсавина – историка не церковь как социальный институт, не перипетии ее политической истории, а религиозность - средневековый католицизм как специфическая форма социального сознания и как господствующая система мировоззрения средневековья, для которого христианство было основной идеей культуры.

В своих работах Л.П. Карсавин старался не просто создать портрет внутреннего мира определённого человека, а найти то, что объединяет и ортодокса, и еретика, и простого прихожанина. Это объединяющее начало он называл «духом средневековой религиозности». Для того, чтобы добиться своей цели Карсавин создает понятие «среднего человека», логическую абстракцию, использование которой помогает свести в целостную картину крупницы материала, собранные им в самых разных памятниках прошлого.

Основная заслуга Льва Платоновича Карсавина как историка состоит, в том, что при охватившем исследователей начала XX в. скепсисе в отношении каких-либо широких теоретических обобщений, он пытался на основе синтеза отдельных фактов проложить дорогу к построению общих моделей развития истории средневековой культуры.

Библиографический список

1. **Бузескул, В.П.** Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В.П. Бузескул.- Л.,1931. Ч. 2.
2. Там же.
3. **Бойцов, М.А.** Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / М.А. Бойцов. - М.: Высшая школа, 1992.
4. Там же.
5. Там же.
6. Очерки истории исторической науки в СССР. М.,1966. Т.IV.
7. **Вайнштейн, О.Л.** История советской медиевистики. 1917-1966 / О.Л. Вайнштейн. - Л.,1968.
8. **Гуревич, А.Я.** Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. - М., 1989.
9. **Ястребицкая, А.Л.** Историк культуры Лев Платонович Карсавин: У истоков истор. антропологии в России // Диалог со временем. Историк в меняющемся мире / А.Л. Ястребицкая. - М., 1996.
10. **Карсавина, Т.П.** Театральная улица / Т.П. Карсавина. - Л., 1971.
11. **Бойцов, М.А.** Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / М.А. Бойцов. - М.: Высшая школа, 1992.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. **Карсавин, Л.П.** Культура средних веков / Л.П. Карсавин. - М.: Книжная находка, 2003.
19. **Бойцов, М.А.** Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / М.А. Бойцов. - М.: Высшая школа, 1992.
20. **Ленин, В.И.** О значении воинствующего материализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 54.
21. **Бойцов, М.А.** Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / М.А. Бойцов. - М.: Высшая школа, 1992.

22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. **Ласинскас, П.** Русские историки-эмигранты в Литве: Л. П. Карсавин / П. Ласинскас - Вильнюс, 1996.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. **Бойцов, М.А.** Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л. П. Монашество в Средние века / М.А. Бойцов. - М.: Высшая школа, 1992.
35. Там же.
36. **Ласинскас, П.** Русские историки-эмигранты в Литве: Л. П. Карсавин / П. Ласинскас - Вильнюс, 1996.
37. **Арефьева, И.** Дело «Алхимика» Карсавина / И. Арефьева // Православная Москва. - 2001. - №2.
38. Там же.
39. Там же.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
А. А. Радугин.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: aradugin@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
A. A. Radugin.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: aradugin@yandex.ru

А. А. Радугин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

Цель статьи проанализировать проблему кризиса этнонациональной культурной идентичности, выявить возможности и условия ее сохранения для россиян в процессе глобализации.

Ключевые слова: глобализация, консолидация, этнонациональная культурная идентичность, кризис, безопасность.

A. A. Radugin

GLOBALIZATION AS A CONSOLIDATION FACTOR OF THE RUSSIANS ETHNO-NATIONAL CULTURAL IDENTITY

The purpose of the article is to analyze the problem of ethno-national cultural identity crisis, to identify the possibilities and conditions for its preservation for the Russians in the globalization process.

Key words: globalization, consolidation, ethno-national cultural identity, crisis, security.

Современный мир переживает серьезные трансформации, обусловленные нарастающим процессом формирования глобальной цивилизации. В этом процессе подвергаются преобразованию экономические, политические, социальные, технические, культурные основы жизни различных народов, государств, цивилизаций. Выявление сущностных черт и тех вероятных последствий, которые процесс формирования глобальной цивилизации несет человечеству, одна из наиболее актуальных проблем современных научных исследований. Проблема глобализации носит многоаспектный характер, и вследствие этого является предметом исследования различных отраслей социогуманитарного знания; теории экономики, социологии, политологии, культурологи, социальной философии и т.д. Поскольку глобализация представляет собой, по сути, целый комплекс процессов, интенсивно протекающих в настоящее время в различных сферах общественной жизнедеятельности, внимание исследователей фокусируется на конкретных аспектах глобализации – хозяйственно-экономических, социокультурных, информационно-коммуникативных, политических, образовательных.

С позиций философии культуры, наибольшую актуальность в проблематике глобализации имеют процессы, происходящие в сфере межкультурного взаимодействия, в ходе которых интегрируются, универсализируются идеи, стили жизни, ценности различных культур, народов. Эти процессы зачастую порождают кризис этнонациональной культурной

идентичности, ослабление чувства принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре. Иными словами, кризис этнонациональной культурной идентичности означает утрату населением той или иной страны своего исторически сложившегося представления о самом себе. Кризис этнонациональной культурной идентичности, сопровождающийся целым рядом негативных явлений и тенденций, проявляется как на личностном, так и на социальном уровнях: потеря ориентировки в историческом пространстве времени, утрата идеалов, личностных смыслов бытия, фрустрация, межличностные конфликты, ломка дисциплинарной социализации.

В оценке перспектив сохранения этнонациональной культурной идентичности различных народов мира в условиях развивающегося процесса глобализации преобладают пессимистические ноты. По мнению культурологов в XX – начале XXI века, кризис национальной идентичности приобрел такие формы и масштабы, что его преодоление для многих из них означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратился в вопрос национального выживания» [1. С. 293].

Цель данной статьи проанализировать проблему кризиса этнонациональной культурной идентичности, выявить возможности и условия ее сохранения для россиян в процессе глобализации.

В начале исследования, уточним некоторые базовые понятия. С психологической точки зрения, Я-идентичность – это свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях, она является результатом осознания индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других людей. Я-идентичность имеет индивидуальное, личностное и социальное содержание. Социальная идентичность индивида есть та часть «я», которая производна от осознания и оценки им своей принадлежности к социальной группе, общности, коллективу и обусловлена личностными, групповыми, общественными связями человека с социумом, проявлением чего становится солидарность, чувство «общей судьбы», коллективной ответственности, принадлежности к определенной культурной традиции, через ассимиляцию мировоззренческих ценностей. При формировании целостной конфигурации социальной идентичности базовую роль выполняет «символический универсум» (надличностные смыслы, ценности, установки), который задает динамику жизнеотношений человека с социумом, личный контур социальных связей, смену социальных ролей, последовательность, длительность и смысл ведущих жизненных событий и ситуаций. Культурная идентичность человека есть осознание человеком своего «я» как субъекта культуры, которое связано с его устойчивым включением в вычлененные культурой смысловые поля с их языковыми формами, ценностями, традициями, ориентирами поведения. «Матрица» культурной идентичности задается «ядерными» компонентами (язык, культурная традиция, мировоззренческие ценности), причастность к которым дает человеку ощущение стабильности и незыблемости бытия, и «периферийными компонентами» (нормы, обряды, ритуалы, обычаи), имеющие вариативный, изменчивый характер. Социологическое истолкование идентичности связано с работами американского социолога М. Кастельса. Кастельс различает три формы построения идентичности: легитимизирующую идентичность, связанную с социальным фактором принадлежности к доминирующим социальным институтам; идентичность сопротивления, возникающую у тех социальных факторов, которые формируют механизмы сопротивления и выживания на основе принципов, отличающихся от распространенных в данном обществе или противостоящих им; наконец, проектирующую идентичность, когда социальные факторы конструируют новую идентичность, заново определяющую их положение в обществе, и пытаются изменить всю структуру социальных отношений [2. Р. 6].

В философии культуры культурная идентичность может быть осмыслена как соответствие личности определенному социальному образу культурной объективации, связь со специфическими образцами и с критериями различия и узнавания, результат идентификации субъекта культуры. Главная задача культурной идентификации – культурное

самоопределение субъекта, выявление субъектом своей социокультурной «самости». Культурное самоопределение субъекта предполагает активную интерпретацию моделей культурного развития, представляющие другие общности и индивидуальности и соотнесение с ними.

При использовании понятия «этнонациональная культурная идентичность россиян», мы исходили из принципа неразделимого этносоциокультурного единства русской и российской цивилизации, прошедшей длительный исторический путь эволюции. Российская цивилизация – это исторически длительно существующее и относительно локально развивающееся сообщество русского и других народов России на едином евразийском пространстве в рамках изменяющихся форм государственности, сформировавшее самобытную материальную и духовную культуру, менталитет, имущественные, государственно-властные, социально-структурные и духовно-мировоззренческие нормы и принципы культурной организации и практической жизни его субъектов.

Глобализация – это, прежде всего, процесс детерриториализации, распространение новых форм нетерриториальной социальной деятельности, взаимодействия и отношений. Территория как географически идентифицируемое место в условиях глобализации больше не является тем социальным пространством, в котором осуществляется деятельность, взаимодействия и отношения. Исследователи отмечают, что глобализация порождает проблему снижения адекватности и эффективности нормативной регуляции социальной жизнедеятельности. В силу развивающейся детерриториализации происходит релятивизация национального государства как субъекта правовой регуляции, формируются наднациональные и внетерриториальные структуры правового регулирования и управления, размывается идентификационная граница между «своими» и «чужими» нормами, происходит размывание и релятивизация в сознании населения социально непривлекательных норм национальных правовых систем, что подрывает их объективную эффективность.

Вместе с тем, следует согласиться с мнением Дж. Томильсона, что преувеличивать значение детерриториализации в современном мире было бы ошибочным, поскольку значительная часть человеческой деятельности все еще связана с конкретным географическим местом. Поэтому более значимый аспект глобализации состоит в том, как события, происходящие в отдаленных местах, воздействуют на деятельность на местном и региональном уровне [3. Р. 9]. Как справедливо отмечает Д. Нельд, глобализация относится к «процессам изменения, трансформирующих организацию человеческой деятельности путем объединения и расширения ее в регионах и на континентах» [4. Р. 15]. В этом смысле глобализация – это вопрос степени или меры, поскольку любая социальная деятельность может повлиять на события, происходящие на большем или меньшем удалении от этой деятельности, хотя все большее число видов деятельности взаимосвязаны с событиями на дальних континентах, некоторые ее виды остаются по своему масштабу преимущественно локальными или региональными.

Важным аспектом процесса глобализации является ускорение и интенсификация социальных процессов на основе взаимопроникновения экономик и культур. В философском литературе данный феномен был зафиксирован термином «сжатие пространства», в котором разворачиваются человеческая деятельность и отношения. Исследователи отмечают, что глобализация предполагает фундаментальные изменения в пространственных и временных контурах социального существования, в котором значимость пространства или территории меняется в силу огромного ускорения во временной структуре важнейших форм человеческой деятельности. Географическое расстояние обычно измеряется во времени. Когда время, необходимое для прибытия в различные географические регионы сокращается, расстояние или пространство как бы «сжимается». Ощущение пространства тесно связано с временной структурой той деятельности, с помощью которой мы это пространство воспринимаем. Изменения во временном характере человеческой деятельности неизбежно порождают иное восприятие пространства или территории. Сжатие пространства

предполагает скоростные технологии; изменения в нашем восприятии территории зависят от сопутствующих изменений в темпоральности человеческих действий. Детерриториализация и расширение взаимозависимости тесно связаны с ускорением социальной жизни, тогда как само социальное ускорение приобретает многие различные формы [5, 6]. Скорость потоков, перемещений и взаимообменов может варьировать не в меньшей мере, чем их величина, влияние или регулярность.

На основе этих объективных социальных процессов идет процесс глобализации культурного пространства, который сопровождается трансформацией этно-национальной культурной идентичности. Трансформации этно-национальной культурной идентичности в условиях глобализации культурного пространства происходят на основе двух разнонаправленных векторов: интегрирующего и дифференцирующего. Интегрирующий вектор проявляется, в частности, в тенденции к формированию некой наднациональной или сверхнациональной идентичности, которую можно обозначить как «цивилизационная идентичность», при этом формирование цивилизационной идентичности имеет в современном мире множество сценариев, специфика которых определяется тем, какой из факторов доминирует в основании культурной идентичности той или иной цивилизации. Примером интегрирующего вектора может послужить процесс объединения западно- и центрально-европейских государств в Евросоюз, который сопровождается отказом от традиционных национальных символов, в частности, национальных валют в пользу евро, созданием общего правового поля и единой Конституции, единого экономического пространства и т.д. Другим примером расширения оснований этнокультурной идентичности является формирование международных сетевых религиозных организаций. Преимущественно, эта тенденция характерна для мусульманских стран. Возрождение религиозных чувств и актуализация этноконфессиональной идентичности в «исламском мире» создает базис для сохранения самобытности в форме совместной причастности к исламской конфессионально ориентированной цивилизации. Интеграция, как правило, сопровождается разрушением культурных идентичностей. По мнению М. Кастельса, формирование глобальной культуры возможно только на основе деструкции этнокультурного своеобразия, следовательно, деструкции идентичности, растворения ее в океане глобальной культуры.

Под влиянием интеграционных, гомогенизирующих процессов формируется тенденция к этнонационально культурной маргинализации. Этнонационально культурная маргинализация характеризуется тем, что происходит ослабление связи человека со своей культурой; он готов вписаться в любой контекст, независимо от мировоззрения. Зачастую таким контекстом выступает социоэкономическое пространство. Тенденция к этнонационально культурной маргинализации в условиях России проявляется, в частности, в феномене российской общегражданской идентичности, формирование которой постепенно происходит в современном российском обществе. В структуре общегражданской идентичности этнокультурные основания носят маргинальный характер, а в основе социальной идентичности оказывается не общая культура, а институты гражданского общества.

Давление интегративных процессов на локальные этнонациональные культуры зачастую порождает ответную реакцию в форме растущей консолидации оснований этнонациональной культурной идентичности. Иными словами, на базе этого ответа формируется дифференцирующий вектор в динамике процесса глобализации. Дифференцирующий вектор характеризуется тенденцией к локализации и консолидации оснований этнокультурной идентичности. Он проявляется в росте этнического самосознания народов во всем мире, в возрастании значимости региональной идентичности, которую следует рассматривать как одну из актуальных форм этнокультурной идентичности, предполагающую осознание принадлежности к общей региональной культуре, экзистенциальное переживание этой принадлежности, а также различные культуурообусловленные формы ее манифестации. Актуализация регионального

самосознания, однако, не означает полной нивелировки этнических, национальных и других оснований в структуре культурной этнокультурной идентичности личности, а свидетельствует об ее усложнении. Это приводит к тому, что человек в условиях глобализации одновременно осознает и переживает свою принадлежность множеству различных культурных сообществ: региону, этносу, нации, цивилизации и т.д. При этом этнические и национальные основания в структуре культурной идентичности личности не нивелируются, но теряют доминирующее положение и обретают характер «факультативных». Актуализация региональной идентичности характеризует, в частности, динамику современной российской идентичности и возникает как реакция на кризис российского национального самосознания и ослабление национальных оснований в структуре российской идентичности. При этом с точки зрения культурологического подхода, граница региона определяется общей или схожей культурой, близость которой обусловлена сходством в образе жизни, независимо от административно-территориальной принадлежности. Таким образом, в процессе глобализации идут одновременные процессы объединения и фрагментации мира. С этих позиций глобализацию можно интерпретировать как арену конфликтующих процессов, которая и объединяет, и разделяет мировое сообщество.

Таким образом, кризис этнонациональной культурной идентичности не означает ее полного разрушения, а лишь существенные трансформации, которые проявляются в различных противоречивых тенденциях, порой взаимоисключающих, порой взаимодополняющих друг друга. Трансформации во многом происходят на периферии этнонационального менталитета и на первых этапах не разрушают его ценностно-смыслового ядра. Для того, чтобы само ядро подверглось существенному преобразованию, должна накопиться критическая масса трансформаций.

Однако при не контролируемом развитии деструкционных процессов, кризис этнонациональной культурной идентичности несет в себе угрозу поражения ценностно-смыслового идентификационного ядра, хранящего наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетиями и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих. Развитие кризиса этнонациональной культурной идентичности, как, отмечалось выше, несет в себе угрозу национальной безопасности. Поэтому важнейшая задача национальной безопасности состоит в сохранении и укреплении этого ядра, поскольку национальная идентичность является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации. Причем для многих стран это не только означает выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национального выживания.

Библиографический список

1. **Кортунов, С.В.** Национальная идентичность: Постижение смысла. / С.В. Кортунов. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 589 с.
2. **Castells, M.** The Power of Identity. 2nd ed. / M. Castells // The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. 2. – Malden–Oxford–Carlton, 2004.
3. **Tomlinson, J.** Globalization and Culture. / J. Tomlinson. – Cambridge, 1999. –301 p.
4. **Held, D.** Global Transformations: Politics, Economics and Culture. / D. Held, A. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton. – Stanford, 1999. – 150 p.
5. **Eriksen, T.H.** Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age / T.H. Eriksen. – London, 2001.
6. **Scheuerman, W.E.** Liberal Democracy and the Social Acceleration of Time / W.E. Scheuerman. – Baltimore, 2004.

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет *Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории *PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair*
О. А. Радугина. *O. A. Radugina.*
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04; *Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;*
e-mail: radugina@yandex.ru *e-mail: radugina@yandex.ru*

О. А. Радугина

**КУЛЬТУРНО–ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСТВА ПО
ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В статье обосновывается идея, что основными направлениями культурно-творческой деятельности российского дворянства по формированию российской цивилизации были следующие: формирование сильной государственности, наращивание экономической, военной, политической и духовной мощи Российской империи; формирование ценностной системы, референтной для других сословий.

Ключевые слова: дворянство, культурно-творческая деятельность, ценности, идеология, российская цивилизация.

O. A. Radugina

**CULTURAL AND CREATIVE ACTIVITY OF THE NOBILITY IN THE
FORMATION OF THE RUSSIAN CIVILIZATION**

The idea that the main areas of cultural and creative activity of the Russian nobility on the formation of the Russian civilization such as the formation of a strong state, escalating the economic, military, political and spiritual power of the Russian empire and the formation of the value system serving an example to the other classes is presented in the article.

Key words: the nobility, cultural and creative activities, values, ideology, Russian civilization.

Актуальность данной темы определяется как социальными запросами современного общества, так потребностями углубления научных исследований по философско-культурологической тематике. Социальные запросы, в значительной мере, детерминированы, с одной стороны, стремлением российского общества найти адекватный ответ на риски и негативные последствия включения нашей страны в мировые глобализационные процессы, с другой стороны, деформациями всех сфер общественной жизни, связанными с происшедшей в 90х годах сменой общественного строя. Под влиянием этих процессов в общественном сознании граждан России сформировалась убеждение, что адекватным ответом на эти вызовы является опора на российские национально-культурные традиции. Но для того, чтобы осуществить намерение опираться на российские национально-культурные традиции в формировании общественных отношений, необходимо выяснить: какова российская национально-культурная традиция, какие социокультурные институты ее формировали и реализовывали в социальных практиках. В российской истории эта традиция, прежде всего, формировалась и осуществлялась дворянством как привилегированной социокультурной группой.

Цель нашей статьи: осуществить философско-культурологический анализ дворянства как субъекта культуры российской цивилизации, выявить потенциалы и основные направления культурно-созидательной активности дворянства.

Прежде всего, определимся с исходными понятиями: «цивилизация», «российская цивилизация», «культура», «ценности», «дворянство». Мы разделяем интерпретацию понятия «цивилизация, сформулированную Е.Б. Черняк: «В широком понимании цивилизация – это целостная саморазвивающаяся система сущностных отношений между людьми, микрогруппами, крупными коллективами, взятая со средой обитания и создаваемыми материальными и духовными благами и, особенно, системой ценностей» именуемой культурой» [1. С. 11]. С позиций систематики, Российская цивилизация относится к классу локальных цивилизаций. Локальная цивилизация – это тип организации общества, основанный на этнической и духовной общности, объединенный социально-политическими, экономическими и культурно-психологическими характеристиками. В научной литературе подчеркивается, что локальная цивилизация, в первую очередь, представляет собой своеобразное уникальное пространственно – географическое явление, связанное со средой обитания, совокупность социально-экономических, духовно-нравственных жизнедеятельности конкретного этноса в неповторимости функционирования и развития присущих ему (этносу) черт и отношений. Именно этническое начало составляет основу локальной цивилизации, на котором формируются все остальные ее элементы (производство, религия и т.д.) [2. С. 50]. В определении понятия «российская цивилизация», используя методологию цивилизационного подхода, мы исходим из принципа неразделимого этносоциокультурного единства русской и российской цивилизации, прошедшей длительный исторический путь эволюции. Российская цивилизация – это исторически длительно существующее и относительно локально развивающееся сообщество русского и других народов России на едином евразийском пространстве в рамках изменяющихся форм государственности, сформировавшее самобытную материальную и духовную культуру, менталитет, имущественные, государственно-властные, социально-структурные и духовно-мировоззренческие нормы и принципы культурной организации и практической жизни его субъектов. Основными субъектами российской цивилизации выступают индивиды, этнические общности, большие и малые социокультурные группы.

Далее, необходимо уточнить наше понимание Культуры и ее содержательного стержня – ценностей. В нашем понимании, Культура – это человечески содержательный аспект и параметр общественного бытия, универсальный способ творческой самореализации человека, в процессе которого формируется постоянно актуализируемый совокупный духовный опыт человечества, воплощаемый в предельно разнообразных ее продуктах, и реализуемый в общественной и личной жизни самыми различными способами. Все предметы культуры по своему способу существования, по своему наличному бытию вещественны, материальны, но по своей сущности, по происхождению идеальны, ибо в них воплощено коллективное мышление, «всеобщий дух» человечества. В бытийственном выражении Культура представляет собой идеальный конструкт. Этот конструкт «собирается» из множества явлений, черт, параметров, характеристик, особенностей, абстрагированных от всех элементов человеческого бытия: материальных вещей, знаний, действий, отношений, эмоций, чувств и т. д. В духовном измерении, Культура – это универсальный способ творческой самореализации человека через полагание смысла, стремление вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соотнесенности его со смыслом сущего.

Базовым структурным элементом культуры является такая существенная и устойчивая ее духовная сфера, как ценности. Ценности – это аспект Культуры, выражающий значимость и смысл для того или иного субъекта конкретных феноменов культуры. Ценности служат смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающим направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности. Создает ценности в ценностно-творческом процессе субъект. Этот субъект в ценностно-творческом процессе имеет многоуровневый характер. В качестве такого субъекта в этом процессе выступают, прежде всего, индивиды. Но индивиды участвуют в этом процессе в

рамках надындивидуальных субъектов: человечества, общества, социумов, больших и малых социальных групп. Среди социумов наибольшее значение в этом процессе имеют национально-государственные образования, а среди больших и малых социальных групп – этносы, нации, сословия, роды. Абсолютным субъектом ценностно-творческого процесса выступает человечество. Человечество через индивидов и надындивидуальных субъектов в процессе общественно-исторической, предметно-практической и духовно-практической деятельности на основе процессов опредмечивания и распределмечивания, объективации и символизации создает мир Культуры и осуществляет оценочное отношение. А конкретные субъекты оценочного отношения – социальные общности (социумы, этносы, нации, сословия, и иные большие и малые социальные группы) через входящих в их состав индивидов в соответствии с особенностями своей культуры в ценностно-творческом процессе выражают свои потребности, интересы, стремления, цели, идеалы.

Следующий круг вопросов, на которые необходимо дать ответ: «Кто является субъектом культуры в мировом историческом процессе, в целом, и в Российской цивилизации, в частности?» Исходя из сформулированной выше концепции субъектности, мы считаем, что субъектом Культуры в историческом процессе является тот, кто обладает способностью принимать решения посредством самостоятельно выработанных или усвоенных в процессе социализации программ поведения, инициирует активность, которая направлена на преобразование действительности, и располагает ресурсами для реализации своих целей. Мы разделяем точку зрения тех философов, которые считают, что быть субъектами исторического развития, могут только сами конкретные человеческие индивиды. Однако данная позиция не исключает признания существования надындивидуальных субъектов. Но эти надындивидуальные субъекты действуют не помимо этих индивидов и не наряду с ними, а через них, то есть реализуют свою субъектность на основе социального действия индивидов. Для того чтобы обосновать эту позицию мы попытались раскрыть содержание понятия «надындивидуальный субъект социального развития». По нашему мнению, надындивидуальный субъект формируется на основе социального взаимодействия индивидов. В социальном взаимодействии людей происходит обобщение и сведение индивидуального к социальному. Совокупная деятельность людей, она – не сумма деятельностей индивидов, а качественно новое социальное образование, характеризующее особенности жизнедеятельности группы людей как социального целого. Группа интегрирует социальные свойства составляющих ее индивидов, объединяет их в единое целое и выступает в общественной жизни как социальная сила, которая направлена, с одной стороны, на включенных в него индивидов, а с другой – на другие группы общества. Они становятся ее социальными субъектами. Таким образом, быть субъектом исторического развития не в состоянии ни один индивид, непосредственно взятый как таковой, вне общественных связей взаимодействий и отношений. Субъектом исторического развития является общественный, все цело и без остатка социальный индивид, который в своем становлении весь опосредован социальным целым и представляет собой индивидуализированную тотальность общества. Его непосредственное бытие «снято» в его бытии чисто социальном, всецело сотканном из связей с другими человеческими индивидами и одновременно – бытии историческом, вобравшем в себя результаты всего прошлого прогресса человеческой культуры.

Следующая задача, которую мы стремились решить, состояла в обосновании положения, что субъектом Культуры в социально-дифференцированном обществе выступает надындивидуальный субъект – национальная элита. Элита обычно определяется как господствующая общественная группа, вырабатывающая и осуществляющая государственную, социально-экономическую и культурную политику. В различных элитаристских концепциях в соответствии с этимологическим смыслом термина «элита» от французского *elite* – «лучший», «отборный», «избранный» элита интерпретируется как социальная группа, состоящая из наиболее талантливых, подготовленных к общественной деятельности людей. По нашему мнению, главный признак элиты не в том, что ее члены лучшие, отборные по каким-то психофизиологическим или социальным признакам, а

потому, что они способны и реально выполняют функции субъекта, обладают субъектными качествами и способностями. Именно субъектность делает тот или иной социальный слой элитой.

В элите как социальной группе заложены возможности реализации сущностной характеристики надындивидуальной субъектности, предполагающей тесное взаимодействие индивидуально-личностного и коллективного начала. Иными словами, элита как субъект проявляет свою субъектность через деятельность личностей, входящих в состав данной элиты. Таким образом, национальную элиту можно определить как большую социальную группу, члены которой в силу своего формального либо неформального социального статуса пользуются в обществе значительной известностью и влиянием, выполняют существенные управленческие и культурообразующие функции, и тем самым оказывают существенное воздействие на характер и направление развития общественных процессов в данной стране. Однако такое взаимодействие индивидуально-личностного и коллективного начала в большой социальной группе, каковой является национальная элита, невозможно непосредственно, а осуществляется через опосредствующие уровни: малые социальные группы, из которых состоит национальная элита.

И следующая задача нашего исследования состоит в том, чтобы выявить субъектные ресурсы дворянства и обосновать положение, что в сословном обществе субъектом Культуры является дворянство как ядро национальной элиты. Анализ процесса становления дворянства в качестве субъекта культуросозидательного процесса показывает, что в истории российской цивилизации в течение многих веков происходило становление дворянства как большой социокультурной группы, содержание и статус, которой на разных этапах истории этой цивилизации претерпевали значительные трансформации. В связи с этим, можно выделить четыре основных этапа становления дворянства как большой социокультурной группы: доклассический, классический, постклассический и современный. На каждом из этих этапов, при сохранении основополагающих характеристик дворянства как социокультурной группы, образуются в определенном смысле разные социокультурные группы, каждая из которых располагает различными возможностями культурно-созидательной деятельности. Первые три этапа характеризуют дворянство в сословном обществе. Дворянское сословие в сословном обществе – это исторически сложившееся доминирующее привилегированное сословие, состоящее на государственной службе, имеющее исключительное право земле – и душевладения, располагающее необходимыми политико-юридическими, социальными, культурными и духовно-нравственными ресурсами для активного влияния на все сферы общественной жизни, имеющее развитое самосознание, сформировавшее оригинальную ценностную систему, институты внутри и межсословного взаимодействия и отношений, оригинальный жизненный уклад и менталитет. Цивилизационная деятельность дворянства в доклассический период осуществлялась, главным образом, по таким направлениям: укрепление государственности и создание единого хозяйства; освобождение от татаро-монгольского ига и объединение русских земель; сохранение и расширение территории страны, совершенствование общенационального языка, утверждение православия как ведущего элемента духовности народа и фактора политической стабильности. В классический и постклассический периоды дворянство становится главным субъектом отечественного культурно-созидательного процесса. Его функции и направления деятельности охватили внутреннюю и внешнюю политику государства, основные сферы жизни и систему социально-культурных связей. Особенно успешно и преемственно многие поколения дворянства проявили себя на государственной административной и военной службе, в международных дипломатических отношениях. Новыми направлениями культурно-созидательной деятельности дворянства стали формирование на основе этнической культуры оригинальной национальной культуры как в сфере повседневности, так и через институты образования и воспитания, обеспечивающие воспроизводство дворянской культуры, создание дворянской идеологии, определяющей идейно-ценностные установки общественного сознания российского общества. На основе анализа можно дать следующее определение

дворянства как субъекта Культуры: дворянство как субъект Культуры – это привилегированная большая социальная группа, базирующаяся на наследственном праве, ценностно-нормативных регуляторах, располагающая политико-юридическим и экономическим, социальным, культурным и символическим капиталами, обладание которыми и реализация их в деятельности и общественных отношениях позволяют ему играть активную роль в социальном и культурном развитии государства.

Следует отметить, что в современном российском обществе дворянство существует не как сословие, а как большая социокультурная группа, в которую входят потомки дворянских родов, осознающие свою генетическую и духовную связь со своими предками, стремящиеся следовать их культурным традициям, сформировать каналы внутригруппового взаимодействия и коммуникации и осуществлять культурную миссию по заветам своих предков. Однако, у современного российского дворянства иной по сравнению с прошлым социальный статус и иные ресурсные возможности. Поэтому оно не может выступать субъектом культурно-созидательной деятельности в тех сферах, в которых эту роль играло сословное дворянство. Роль современного дворянства в качестве субъекта культуры состоит в организации преемственности прежнего культурного наследия российской цивилизации.

Дворянство на протяжении длительного времени в российской культуре выступало как субъект ценностно-творческой деятельности.

Наряду с ценностно-творческой деятельностью, дворянство на протяжении многих столетий являлось субъектом идеологического процесса в российской цивилизации, определяя идейно-ценностные установки общественного сознания российского общества. Идеология как форма общественного сознания целенаправленно формируется особой группой людей – идеологами. Она служит способом организации духовного производства. В самом общем виде, идеология может быть охарактеризована как идейно-ценностная система, обеспечивающая социально-групповые интересы на основе институциональных норм. Опираясь на систему институциональных норм, идеология определяет не только то, как члены сообщества должны относиться к тому или иному действию, но и то, почему они должны действовать определенным образом и почему они иногда недостаточно активно действуют или совсем не участвуют в действии. Основное предназначение идеологии заключается в выражении и защите интересов социальных групп и классов.

Идеология дворянства формировалась на основе общих принципов формирования идеологии. В ней существенным образом присутствует социально-заинтересованный поход, выражение и защита интересов дворянского сословия. Дворянство на протяжении длительного времени в российской культуре выступало как субъект ценностно-творческой деятельности. Ценности являются одной из ведущих структур дворянской культуры, ее основополагающим основанием. В систему ценностных оснований дворянства входят такие основополагающие ценности как ценность Бога, Православия, Государя, Родины, Отечества, Государства, службы – служение (Отечеству, обществу, роду, семье, женщине), долг, честь, честность, благородство, верность данному слову и обязательству.

Наряду с ценностно-творческой деятельностью, дворянство на протяжении многих столетий являлось субъектом идеологического процесса в российской цивилизации, определяя идейно-ценностные установки общественного сознания российского общества. Основное направление идеологии дворянства – закрепить в общественном сознании российского общества идею о правомерности привилегированного положения дворянства, его права на обладание определенным социальным, политическим, экономическим и культурным преимуществом перед другими слоями населения.

Идеология дворянства как господствующего сословия российского государства выполняла функцию идейно-ценностной «скрепы» общества и государства, консолидирующую общество вокруг государства. Идеология дворянства имела обобщающую идею, отражающую служебную функцию дворянства и выражающуюся в идеологеме – готовность «положить свою жизнь за Веру, Царя и Отечество». Однако в дворянской идеологии представлен широкий спектр идейно-теоретических направлений от

революционного либерализма до консерватизма. Господствующая идеология получает целостное, системное обоснование в идеологических системах консерватизма.

Таким образом, дворяне российского общества проявляли активность во всех сферах общественной жизни по созиданию, сохранению и совершенствованию российской цивилизации. Основными направлениями культурно-творческой деятельности стали: формирование сильной государственности, наращивание экономической, военной, политической и духовной мощи Российской империи как условий и факторов обеспечения ее целостности и независимости, организация воспроизводства материальной и духовной культуры с учетом изменяющихся требований мирового и отечественного развития; формирование ценностной системы, референтной для других сословий, идеологическое обеспечение существующего общественного строя.

Библиографический список

1. **Черняк, Е.Б.** Цивилизациография: наука о цивилизации. / Е.Б. Черняк. – М., 1996. – 323 с.
2. **Каньшин, А.Н.** Российская цивилизация во взаимодействии поколений: социально-философская концепция: дис. на соиск. учен. степ. д.филол.н.: спец. 09.00.11 / А.Н. Каньшин. – М., 2005. – 443 с.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

УДК 970

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
С. А. Коршунова.
Студентка строительного факультета
А. А. Икрамова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
skorsh5@gmail.com

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
S. A. Korshunova.
Student of Civil Engineering Faculty
A. A. Ikramova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
skorsh5@gmail.com

С. А. Коршунова, А. А. Икрамова

ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ

В статье рассматривается языковая ситуация в современных мегаполисах. На примере Лос-Анджелеса анализируются проблемы, связанные с существованием в одном городе различных этнических групп, говорящих на разных языках. Авторы приходят к выводу, что многонациональность и языковое разнообразие становятся основными чертами современного мегаполиса.

Ключевые слова: языковая ситуация, мегаполис, языковая идентичность, этнические группы, доминирующий язык, пиджи.

S. A. Korshunova, A. A. Ikramova

LANGUAGES IN THE MODERN METROPOLIS

The language situation in modern cities is discussed in the article. On the example of Los Angeles the authors analyze the problems associated with the existence of different ethnic groups in the city and the use of different languages. The authors conclude that multinational and linguistic diversity are the main features of the modern metropolis.

Keywords: language situation, metropolis, linguistic identity, ethnic groups, the dominant language, pidgin.

Современные глобальные процессы, происходящие в мировой культуре в настоящее время, формируют специфическую языковую ситуацию, особенно характерную для крупных мегаполисов. Очевидно, что культурное и социально-этническое многообразие мегаполиса всегда рассматривалось как результат общемировых экономических, политических и социальных процессов. Не только сосуществование, но также столкновение различных культур, традиций, обычаев, религий, языков стало привычным явлением для современных крупных городов. Однако, процессы глобализации мира, в частности, увеличение интенсивности движения миграционных потоков населения в крупнейшие города актуализируют прогностические возможности культурологических исследований в сфере языкового общения. Особенно важно проводить такие исследования в крупных мегаполисах, характеризующихся языковым многообразием, поскольку население в них состоит из представителей различных этнических сообществ. В таких городах можно насчитать до 300 различных языков, поэтому они (города) являются интересными объектами не только лингвистического, но и культурологического исследования.

В последнее время появился ряд работ, посвященных проблеме языковой идентичности в многонациональном мегаполисе. Большинство из этих исследований рассматривает языковую ситуацию как комплекс механизмов функционирования языков в их социальном взаимодействии в пределах выделенного ареала. Однако, если раньше ареал исследования языковой ситуации приближался к географическим границам государств, то в настоящее время объектом исследований становится языковая ситуация в мегаполисах, поскольку здесь происходит более тесное взаимодействие разнородных в языковом, социальном и культурном плане коллективов, а число этнических языков, функционирующих в городах может превысить количественные показатели государства.

Значительную роль в формировании языковой ситуации в городе играют сферы и среды употребления языков, которые определяются социальными, экономическими, политическими и культурными условиями существования этноязыкового сообщества.

К сферам употребления относятся: быт; личная переписка; обучение; работа; средства массовой информации; общение, осуществляемое посредством глобальной сети Интернет; печатные издания; религия; социально-культурная деятельность; общественно-политическая деятельность и т.д.

Основными средами употребления языков являются:

- общение внутри этноязыкового сообщества;
- общение за пределами этноязыкового сообщества: с представителями других сообществ, а также коренным населением города;
- семейное общение;
- культура – как родная для этноязыкового сообщества, так и культура принимающего общества;
- групповое общение – общение с членами одного и того же коллектива.

Для того чтобы анализировать языковую ситуацию в современных мегаполисах необходимо учитывать:

роль мегаполиса в глобальных экономических и социальных процессах, его «привлекательность» для иммигрантов;

этническое многообразие и социально-политический статус этнических групп в городе;

существование в городе районов с максимальной концентрацией представителей того или иного этнического сообщества;

наличие доминирующего языка, выполняющего функции государственного;

культурную и языковую политику государства в отношении миноритарных языков. [1. С. 12].

Приведенные социокультурные и этнолингвистические параметры формируют определенную модель языковой ситуации в современном мегаполисе.

Исключительное языковое разнообразие, характерное для крупнейших городов нашей планеты – Лондона, Нью-Йорка, Парижа и других, можно рассмотреть на примере Лос-Анджелеса.

Обладая определенными специфическими особенностями, этот крупнейший мегаполис мира может рассматриваться не только как символ современной глобальной культуры, но и как прообраз городов будущего. В Лос-Анджелесе практически отсутствует центр, он состоит из отдельных районов со своей историей и достопримечательностями. Эти районы когда-то были отдельными городками, и сейчас они входят в состав Большого Лос-Анджелеса. Особый колорит городу придает многонациональность населения. За последние 40 лет в Лос-Анджелес приехало больше иммигрантов, чем в любой город мира. В настоящее время Лос-Анджелес представляет собой типичный мегаполис, в котором, благодаря наличию компактных этнических групп, сохраняется языковое многообразие. В городе представлены 224 языка, наиболее распространены и используются в средствах массовой информации 11 языков. В 1990 году Лос-Анджелес стал первым американским мегаполисом, где ни одна этническая группа не составляет абсолютного большинства населения.

Как считает В. Иванов, первоначальными языками той местности, где возник город Лос-Анджелес, были америндейские языки юто-ацтекской группы [2. С. 121]. Но, по мере распространения языка иммигрантов языки коренного населения были почти вытеснены.

Самой многочисленной языковой группой в городе, включающей в себя чуть меньше половины населения, является испаноязычная. Испанский язык представлен основными латиноамериканскими вариантами, прежде всего, мексиканским (на нем говорят *chicanos*), сальвадорским, гватемальским и аргентинским диалектами. Последние результаты переписи населения Лос-Анджелеса свидетельствуют об увеличении численности испаноязычного населения, главным образом за счет нелегальных иммигрантов из Мексики. Испанский стал единственным иностранным языком, чья лексика массово заимствуется в английский, это язык, который американцы массово изучают, и довольно хорошо знают.

Вторым по числу говорящих, но первым по значимости в политической, экономической, административной сферах города остается американский стандарт английского языка. Основной объем телевизионной, кинематографической продукции, средств массовой информации использует английский язык. Продолжая оказывать существенное влияние на другие языки в городе, английский язык может искажаться и упрощаться, становясь основой для пиджинов. Пиджины – языки, возникающие в результате смешивания нескольких языков и использующиеся как средство межэтнического общения в среде разноязычного населения, в Лос-Анджелесе представлены англо-«чиканским», англо-корейским, англо-японским и другими.

Третьей по численности частью населения города является армянская диаспора, говорящая на двух вариантах армянского языка: восточном, распространенном в Армении, и западном, распространенном в Ливане и соседних с ним странах. Свообразным местом для объединения данной этнической группы является армянская библиотека, действующая в Гленделе и функционирующая как армянский культурный центр.

Четвертым из индоевропейских языков, представленных в Лос-Анджелесе большими группами населения, является фарси, объединяющий американцев иранского происхождения. О распространении этого языка в мегаполисе свидетельствует тот факт, что в городе существуют три радиостанции, вещающие на фарси.

Особый интерес для российских исследователей представляет пятая по численности группа населения Лос-Анджелеса, говорящая на русском языке. Первые носители русского языка в городе были молокане, преследовавшиеся в России православной церковью и переселившиеся в США из Мексики. Они говорят на «молоканском» диалекте, который считают отдельным языком. Еще одна немногочисленная группа представляет собой потомков первых эмигрантов, оказавшихся в Америке после революции, к ним примыкают представители семей эмигрантов второй (послевоенной) волны. Все они объединяются вокруг православных церквей (в городе их три). Однако основная часть населения, говорящего по-русски, связана с третьей, так называемой, еврейской волной эмиграции, которая произошла в 70-80гг. 20 века. Поэтому для таких эмигрантов средствами коммуникации являются одновременно Еврейский культурный центр и русский язык, на котором и происходит общение в этом центре. В русско-еврейских семьях может использоваться идиш (как средство общения пожилого поколения между собой) и иврит (в тех семьях, которые приехали в США из Израиля). В то же время русский язык подвергся серьезным искажениям, которые связаны: во-первых, с сильным английским влиянием на него, во-вторых, с теми диалектными, чаще всего, южно-русскими особенностями, которыми владели выходцы из СССР, и которые закрепились в языке эмигрантов как нормативные.

Из языков Восточной Азии в Лос-Анджелесе наиболее распространены китайский (район China Town), японский (район Малый Токио в Даун-Тауне), корейский, вьетнамский и кхмерский языки. Эти языки претерпевают сильнейшие изменения, не только испытывая на себе влияние английского, но и оказывая взаимное воздействие друг на друга. Так, например, представители старшего поколения кхмерской диаспоры владеют английским,

кхмерским, французским и китайским языками. Китайские слова использует в своем сленге кхмерская молодежь. Смешение языков и создание на этой основе пиджина стало характерной особенностью населения Лос-Анджелеса, эмигрировавшего из Восточной и Юго-Восточной Азии. [3. С. 114].

Малочисленные языковые группы в мегаполисе имеют тенденцию к общекультурному объединению, когда религиозные, политические, образовательные учреждения составляют единое целое. Ядром такого объединения часто становится школа, дающая, в том числе, языковое образование. В Лос-Анджелесе около 90 языков преподаются в школах, не только общественных, но и частных. Некоторые, как например, французская школа, где ведется преподавание всех предметов на французском языке, являются очень престижными учебными заведениями.

В Лос-Анджелесе, как и в других крупных городах, традиционно важную роль в объединении языковых групп играют религиозные центры и храмы, при которых действуют церковные школы. В них преподаются древние языки священных текстов: древнееврейский, церковнославянский, классический арабский, коптский и даже классический тибетский язык. Так, духовный лидер Тибета Далай-лама, выступая в феврале 2014 года в Лос-Анджелесе перед тибетцами, живущими в Южной Калифорнии, обратился к ним с просьбой мотивировать своих детей говорить дома по-тибетски, чтобы сохранить тибетский язык.

Таким образом, можно констатировать определенную парадоксальность языковой ситуации в таких крупных мегаполисах, как Лос-Анджелес. Господство английского языка является уникальным культурным продуктом смешения различных языковых групп, а не следствием этнического доминирования, поскольку выходцы из англоязычных этносов были в Америке всегда меньшинством со слабо развитым этнокультурным самосознанием [4]. Наличие удивительного языкового многообразия в мегаполисе подпитывается постоянным притоком новых иммигрантов. В то же время государственная культурная политика в США направлена на поддержку английского языка через систему программ интеграции иммигрантов в американское общество, что обеспечивает государственному языку доминирование в иерархии престижности распространенных в мегаполисе языков.

Библиографический список

1. **Леонова, Е.В.** Языковая ситуация в мегаполисе (на примере языковой ситуации в Лондоне). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2011. – 24 с.
2. **Иванов, В.В.** Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
3. **Там же.**
4. **Волозов, В.Б.** Языковая ситуация и языковая политика в США. Международный научно-практический (электронный) журнал «Inter-Cultur@I-Net». - 2004. - №3. - Режим доступа: <http://www.ebbs.english.vt.edu/hel/hel.html>

УДК 903

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологи и истории

Л. И. Маслихова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

L. I. Maslikhova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Л. И. Маслихова

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНИХ ВЕЩЕЙ

В статье дается краткий историографический обзор работ посвященных анализу семантики древних вещей. Рассматриваются механизмы закрепления за вещью в традиционной культуре знакового содержания. А также приводятся возможные способы семантической интерпретации древних вещей.

Ключевые слова: традиционная культура, материальная культура, археология, семантика, семиотический статус, орнамент, орнаментальные композиции.

L. I. Maslikhova

THE ISSUE OF THE SEMANTIC INTERPRETATION OF ANCIENT ARTIFACTS

A brief overview on the historiographical works devoted to the analysis of the ancient artifacts semantics is provided in the article. The ways of fixing the sign content of thing in the traditional culture are being considered and some possible ways of semantic interpretation of ancient artifacts are presented.

Key words: traditional culture, material culture, archeology, semantics, semiotic status, ornament, ornamental compositions.

При изучении культуры возникает много сложных проблем, одной из которых является проблема интерпретации знаковой сущности древних вещей. Древняя вещь на современном этапе развития науки изучается в первую очередь археологией, однако, в сложившейся практике исторического исследования вне поля зрения исследователей обычно остается один из важнейших ее аспектов – знаковая сущность. Долгое время вопрос о «вещном коде» как об одном из равноправных в жизни древних и традиционных обществ, способов передачи информации затрагивался, преимущественно, в исследованиях по теории и истории знаковых систем [1], и в некоторых трудах широкого культурно-исторического профиля. Но исходным материалом для авторов этих работ служат, как правило, не сами древние вещи, а сведения о них, черпаемые из письменных памятников. Представители же тех областей знания, которые специально ориентированы на изучение объектов материальной культуры – археологи, этнографы – в меньшей степени касаются этого вопроса.

В 80-90-е гг. XX века значительно увеличилось количество работ археологов, посвященные семантике древних вещей, в том числе и семантике более или менее богато декорированного керамического материала. Из общетеоретических исследований последней четверти XX века следует отметить работы А.К. Байбурина, специально подчёркивающего высокий семиотический статус «бытовой вещи», а также разработки по знаковой сущности вещей и проблемам её интерпретации Е.В. Антоновой, Д.С. Раевского., и др. В них отражается новый подход к культурной истории, в котором важная роль отводится вещественным памятникам, ранее традиционно относимым исключительно к сфере

«материальной культуры», понимаемой как сфера сугубо автономная от культуры духовной. Этот подход обеспечивает иное восприятие фактов «материальной культуры» - в них обнаруживается информация о мире «культуры духовной», и это наглядно показывает условность устоявшейся дихотомии.

В частности, А.К. Байбурин, разрабатывая свою концепцию, исходит из того, что всякая модель культуры содержит в себе разделение окружающей человека действительности на «мир фактов» и «мир знаков». Это разделение не абсолютно, т.к. всегда существуют объекты, занимающие промежуточное положение (т.н. квазисемиотические явления). К их числу принадлежат элементы «материальной культуры», при вхождении в некоторую семиотическую систему (например, ритуал, этикет) они осознаются знаками, а при выходе из неё – вещами. Другими словами, такие явления потенциально могут быть использованы и как вещи и как знаки. В зависимости от того, какие свойства актуализируются («вещность» или «знаковость»), они приобретают тот или иной *семиотический* статус. Тот факт, что одни вещи (например, орудия труда) включаются в область «материальной культуры», а другие, не менее материальные (например, предметы культа, различного рода изображения), – в область «духовной культуры», свидетельствует о том, что им приписывается различный семиотический статус [2. С. 217]. При этом, соотношение «вещности» и «знаковости» не предполагает постановки вопроса, «что первично, а что вторично», в силу комплиментарности этих свойств (как левое – правое, верх – низ и т.п.). Данное обстоятельство заставляет настороженно отнестись к тем гипотезам, в соответствии с которыми происхождение вещей связывается исключительно с практическими или исключительно с символическими потребностями человека [2. С. 218]. Однако подход, при котором действует принцип «или – или» (или «вещь», или «знак») до сих пор остаётся господствующим в практике и этнографических, и семиотических исследований (но здесь следует оговорить ряд исключений для предметов сугубо культового назначения, не имеющих утилитарных функций – амулеты, культовые статуэтки людей и животных и т.п.).

Насколько сильна эта своеобразная магия доминирующих функций, можно судить по музейным экспозициям, в которых культура народа представлена в виде «функциональных блоков»: одежда, жилище, пища, религия, верования и т.п. При распределении экспонатов по рубрикам учитывается лишь одна из функций, причём, как правило, утилитарная. В том случае, если предмет не идентифицируется с точки зрения его бытового применения, он или вовсе не выставляется, или помещается в раздел «верования», «религия», «обряды». Это лишний раз подтверждает предложенное Г. Чайлдом определение понятия «ритуальные предметы»: «научное выражение того, что мы не знаем, для чего они предназначались» (цитата по Байбурину А.К., 1981. С. 216).

В известной степени продолжением развития данной идеи можно считать работу Е. В. Антоновой и Д.С. Раевского «О знаковой сущности вещественных памятников и о способах её интерпретации». Они также придерживаются мысли о том, что каждый предмет обладает тем или иным семиотическим статусом. Исходя из этого, они выделяют два уровня интерпретации вещественных памятников: первый – это «знак лишь для нас», т.е. – та знаковая функция, которую вещь обретает лишь в качестве объекта научного анализа. В культуре же, к которой исследуемая вещь принадлежит, она создавалась отнюдь не как носитель той информации, получение которой составляет смысл исследовательской процедуры, и в этом отношении древняя вещь изначально не обладала знаковой функцией, поэтому существует второй уровень интерпретации – «знак лишь для них». При этом второй уровень полностью включается в первый, но не исчерпывает его, а задача исследователя состоит в том, чтобы уяснить сущность знаковых функций, которыми вещь обладала в самой создавшей её культуре, а так же наметить способы их постижения

Исходной посылкой для осуществления исследований в указанном направлении служит тот факт, что вещь помимо чисто утилитарных функций, порожденных её

производственным, бытовым или иным прагматическим назначением, всегда в той или иной мере выступает как знак.

Для человека традиционной культуры знаковая функция – неотъемлемое качество вещи как атрибута мировоззрения, она не только не альтернативна прагматическим её функциям (т.е. вещь не создаётся и не воспринимается лишь как утилитарный предмет или лишь как носитель некоего значения), но и не автономна от них: то, что вещи присуща знаковость, есть одно из важнейших условий обеспечения успешного выполнения ею своих прагматических функций [3. С. 210–212].

В культурах ранних обществ полностью отсутствуют искусственные знаковые системы, предназначенные исключительно для хранения и передачи информации, классическим примером каковых является письменность. Поэтому любая упорядоченная система, не теряя своей утилитарной ориентировки, неизбежно выступает и средством коммуникации.

В полной мере присуща эта функция и миру вещей. Достаточное однообразие событий общественного бытия, повторяемость однотипных ситуаций приводят к закреплению за каждой обращающейся в социальной среде вещью стабильного для неё знакового содержания. По тем же принципам, что и коммуникативные отношения между сородичами, строится коммуникация между человеческой группой и всякого рода потусторонними силами: им адресуются словесные обращения, жесты, мимика, что сопровождается вещными атрибутами. Поскольку общение с потусторонними силами для первобытного человека было не менее важно, чем общение с сородичами, постольку оно должно было осуществляться не только в моменты непосредственного совершения обрядов, отсюда следует, что вещные атрибуты обрядов, в качестве хранителя памяти о них, оказываются сосредоточением обрядовой ценности и «хранилищем» содержания обряда. Поэтому «язык» вещей оказывается более приспособленным к передаче ритуальной информации, нежели вербальный, хотя они и могут выступать как взаимодополнительные языки [2. С. 224].

Рассмотрев механизм закрепления за вещью в традиционной культуре знакового содержания, следует подчеркнуть, что для современного человека это содержание может оказаться практически недоступным, или доступным в крайне малой степени. Но в вещи-знаке помимо символических черт, содержание которых недоступно для современного исследователя, появляются также и индексальные, и иконические. Это-то обстоятельство и делает правомерными попытки частичной интерпретации знаковой сущности древней вещи [3. С. 214].

Естественно, весь спектр, придаваемых вещи значений, наиболее отчетливо проявляется в экземплярах специализированных – обрядовых, т.е. предназначенных для использования в те моменты, когда все мифологические связи предмета максимально актуализируются [3. С. 216]. Однако сказанное в полной мере относится не только к вещам, специально предназначенных для обрядового использования, но и к предметам утилитарного (с современных позиций) назначения [4. С. 17].

Теперь обратимся непосредственно к вопросу о расшифровке текстов т.н. «вещного кода». Существует несколько уровней интерпретации. Когда археолог извлекает из археологического слоя изделие, которое называет «керамический сосуд», «ритон» или «статуэтка», – это уже первичная интерпретация. Следующий уровень интерпретации включает выявление функций предмета. На следующем этапе предпринимаются попытки по определению семантики древней вещи.

Работа археолога в сфере семантической интерпретации непременно требует такого же обращения к массовому материалу, какое давно признано необходимым при изысканиях в сфере хронологии, этнокультурной атрибуции, других традиционных направлениях археологии. Но любое толкование вещи будет неполным, если, ограничившись объяснением того, что объединяет её с аналогичными вещами, оно оставит вне поля зрения её индивидуальные характеристики, и не объяснит, почему эти индивидуальные характеристики именно такие, а не какие-то иные. Между тем, зачастую, если

индивидуальная черта не согласуется с общей гипотезой о семантике вещи, её легко объявляют случайной, незначимой, если же, напротив, она - несмотря на свою уникальность - вполне отвечает такой гипотезе, то эта черта воспринимается как один из самых весомых аргументов в защиту выдвигаемой интерпретации [3. С. 218].

Поэтому, несмотря на исключительную роль, которую играет анализ массового материала в изучении семантической значимости предметов, нельзя отказываться от попыток интерпретации отдельно взятых вещей, хотя нужно признать, что при этом возможны весьма произвольные толкования. Но анализ массового материала тоже даёт лишь гипотезы, в которых есть та или иная степень достоверности.

По существу, любой признак вещи-знака, представляется ли он современному исследователю семантически нагруженным или нет, выступает как носитель - реальный или потенциальный - информации о семантике этой вещи. При этом в качестве таких значимых признаков в равной мере могут выступать особенности конструкции вещи, элементы её декора и контекстные связи (последние – в том случае, когда совокупность вещей формировалась целенаправленно, например, в погребальном обряде).

Но даже при самом тщательном учете всех указанных моментов не всегда удаётся проникнуть в семантику вещи без привлечения внешней по отношению к ней информации. Эта необходимая внешняя информация в условиях полной утраты вербальной традиции изучаемой культуры может базироваться на наличие общих черт в моделировании мира даже культурами ни генетически, ни ареально между собой не связанными [3. С. 219]. И.М. Дьяконов отмечал, «обнаружить общее в мифах первобытных и древних народов сравнительно не трудно; эта общность объясняется одинаковыми средствами, с которыми разные древние народы подходили к познанию мира, и одинаковостью наиболее важных явлений, требующих осмысления [5. С. 15].

Примером опять же может служить древняя глиняная посуда - традиционный объект исследования археологов, для которых она является одним из главных индикаторов сложных перипетий истории в первую очередь дописьменных народов. Не меньшее значение имеет она и для историков культуры, для искусствоведов. Целостность, нерасчленённость первобытной культуры позволяет видеть в сосудах того времени нечто более значительное, чем простые приспособления для хранения, приготовления и потребления пищи. Невыделенность в рамках древних культур изолированных сфер – утилитарной и ритуально-мифологической - делает каждую вещь полем реализации широкого круга представлений и мифологических образов [6. С. 35].

Поэтому наиболее простым примером, приложимым, по сути, к материалам любой культуры, начиная с эпохи неолита, является знаковая интерпретация сосуда как совокупности структурных и декоративных характеристик. Вряд ли случайно, что большинство керамических форм древности демонстрируют четкое конструктивное различие трёх зон: горловины, тулова и придонной части. Столь же не случайно, что в ряде языковых традиций, в том числе древних, термины, используемые для обозначения этих зон перекликаются с обозначением человеческого тела [3. С. 221].

Сосуд только для человека новоевропейской культуры стал вместилищем вообще, предназначенным для любого содержимого, лишь бы его субстанция соответствовала форме сосуда. В современной культуре сосуд – это форма почти в чистом виде; он, как правило, свободен от образных ассоциаций, а изображения на его поверхности воспринимаются нами как украшение, не имеющее прямого отношения к функции вещи. Недифференцированное образное (мифологическое) мышление, по мнению Антоновой Е.В., не допускало такой произвольности. Функция сосуда, т.е. его предназначение для определённого содержимого, и его оформление составляли неразделимое целое. Разные виды пищевых продуктов имели свою мифологию, которая находила отражение в особенностях сосудов, их форме, в орнаментации и т.д. Личность мастера в произведениях традиционной культуры проявлялась в минимальной степени. Его творчество было вариативно лишь в пределах

традиционных форм. Поэтому практически невозможно найти совершенно одинаковые сосуды, хотя схема построений орнаментов однотипна [6. С. 38].

Обратимся непосредственно к анализу декоративных характеристик древних вещей, наиболее ярко проявляющихся в орнаментации. Для исследования орнамента, относящегося к древней синкретической форме отражения действительности невозможно опираться только на археологический материал и такие категории как «искусство», «значение», «символ» и т.д. в том смысле, который им придается обыденным сознанием. Невозможно плодотворно изучать эволюцию и семантику орнамента и даже классифицировать его, если не представлять закономерностей бытования орнамента как вида искусства. Такие законы известны и должны применяться к изучению орнаментального искусства древности, подобно тому, как они применяются в этнографических исследованиях [7. С. 5].

При анализе орнаментальных композиций необходимо учитывать то, что орнамент подчинён форме вещи, с чем связано ритмическое повторение одних и тех же его элементов. «Создавая орнамент, человек руководствуется не только образами и художественными переживаниями, но и также чувством меры порядка, расчета» [8. С. 7]. Подчинённое положение орнамента, необходимость соотнесения его элементов с формой вещи, его декоративное назначение – всё это приводит к трансформации исходных орнаментальных мотивов. Поэтому при выделении семантически значимой единицы орнамента, видимо, следует учитывать крупные и целые его элементы, сохраняющиеся более или менее стабильными в течение значительных промежутков времени. Выделение семантически значимых единиц орнамента должно корректироваться другими предметами, элементами природного окружения.

Существенным для изучения семантики орнамента является выявление его композиции, поскольку именно структурный костяк различных явлений культуры наиболее стабилен и связывает явления, давая возможность проникнуть в сферу их значения. Значение отдельных орнаментальных фигур может быть понято только в том случае, если они встречаются в сочетаниях с более ясными по значению мотивами. К примеру, элементы геометрического орнамента для их осмысления нуждаются в изобразительных, которые более ясно могут указать направление поисков. Иными словами, для понимания отдельных фигур или целых композиций необходим контекст, и, чем он больше и разнообразнее, тем больше возможностей для его понимания [7. С. 8].

В качестве такого контекста могут выступать сведения, полученные из письменных источников, (что, впрочем, не всегда возможно), включая и письменные традиции других культур и народов. Одним из первых к этому методу прибегнул Б.А. Рыбаков, анализируя орнаментику и пластику Триполья, он в качестве одного из семиотических ключей использовал гимны и обряды индоарийской Ригведы [9. С. 33, 40–41]. Р азумеется, когда речь идёт об интерпретации в этом ключе памятников первобытных бесписьменных обществ, даже при обеспеченности большим количеством информативных данных нельзя рассчитывать на реконструкцию мифологии исследуемого общества. Речь может идти лишь о проникновении в принципы мировосприятия носителей этой мифологии.

В 90-е гг. XX века особенно возросло количество публикаций, связанных с интерпретацией орнаментальных схем вещественных памятников древних обществ на основе письменных источников [10]. Методически оправданным это может быть только в том случае, когда богатая совокупность материальных памятников может быть сопоставлена с нарративными текстами, сложившимися если и не в культуре, создавшей эти памятники, то у их соседей, обладавшей хорошим знанием этой культуры. Возможно и привлечение для этих целей письменных текстов относительно позднего времени, принадлежащих традиции, этногенетически родственной изучаемой, а это возможно лишь при наличии достоверного знания об этноязыковой принадлежности носителей изучаемой культуры, что, в свою очередь, предполагает хотя бы минимальное знание их лексики. Любой из этих путей требует привлечения данных письменных источников, что оказывается возможным лишь

при интерпретации памятников, принадлежащих относительно поздним стадиям истории традиционных обществ, синхронным существованию письменности [3. С. 223–224].

Но если для понимания с современной нам точки зрения схематизированных геометрических орнаментов (хотя в древности, они частично могли рассматриваться как иконические) необходим широкий культурный контекст, то с безусловно иконическими знаками дело другое, так как «имея сходство с изображаемым предметом, иконический знак может познакомить получателя информации с характеристиками этого изображаемого, иными словами, он может иметь информационную ценность» [7. С. 8]. Но и в этом случае разговоры о реконструкции древнего мифа остаются лишь на уровне предположений.

При интерпретации знаковой сущности древних вещей также важен и археологический контекст. Принципиальным здесь является вопрос о природе археологического памятника с точки зрения его формирования (одно дело – сочетание вещей в культурном слое поселения, а другое – инвентарь погребения, в котором все признаки призваны выражать некую идею). Обращение к совокупности вещей также важно по той причине, что именно в них наиболее отчётливо проявляются связи, обретаемые вещами в обряде (так, констатация факта помещения сосуда в погребении существенно обогащается при учёте его места в могиле). Поэтому, ещё одним путём исследования знаковой функции первобытных вещей является выявление тех элементов материальной культуры, с которыми они имеют сходство или систематически соседствуют в комплексах, и благодаря этому могут связываться [6. С. 38].

В качестве примера, опять таки, обратимся к сосуду, который часто рассматривается как форма способная вмещать что-либо, но это же свойство присуще телам живых существ, постройкам, земле, вмещающей тела покойных и семена растений. Как правило, сосуд в плане круглый, а в культуре могли быть и другие круглые сооружения и предметы – очаги, украшения, постройки; круг мог считаться образом течения времени. Сосуды могли иметь в плане квадратную форму или орнаменты на них повторяться четырёхкратно – на эту особенность могут пролить свет представления древних о структуре пространства (следует отметить, что соотнесение 4-х элементов или 4-х раппортов орнамента со сторонами света, а также временами года – самое распространённое).

Таких связей сосудов и их элементов с другими реалиями соответствующих культур может быть выявлено очень много. Однако стремление избежать произвольных построений заставляет крайне осторожно подходить к отбору материалов, которые могут привлекаться для выявления семантики сосудов. Так, понимание сосуда как человекообразной формы – явление широко распространённое, тем не менее, говорить о его актуальности в системе представлений носителей определённой культуры можно лишь в том случае, когда в комплексе встречаются антропоморфные сосуды, сосуды, с антропоморфными элементами в декоре или же, сосуды, заменяющие в ритуальных контекстах антропоморфные изображения. В иных ситуациях такое положение остаётся лишь правдоподобной гипотезой [7. С. 4].

Подводя итог, нужно отметить, что при интерпретации семантической нагрузки древних вещей нужно учитывать, как минимум, следующие факторы:

1. массовость материала, что не исключает возможности, в некоторых случаях, интерпретации отдельно взятых вещей;
2. при выделении семантически значимой единицы орнамента, следует учитывать, прежде всего, крупные и целые его элементы, сохраняющиеся более или менее стабильными в течение значительных промежутков времени;
3. выделение семантически значимых единиц орнамента должно, по возможности, корректироваться другими предметами, элементами природного окружения;
4. интерпретация элементов геометрического орнамента требует сопоставления с изобразительными элементами, или иконическими знаками, которые имеют сходство с изображаемым предметом;

5. для понимания отдельных фигур или целых композиций, по возможности, использовать археологический, культурный, исторический контекст.

Другими словами, наиболее полной и убедительной может быть та реконструкция знаковой сущности предметов (изображений, сооружений), которая базируется на привлечении совокупности данных об их структуре, декоре, способах применения в быту и обряде, и на других аспектах их существования в культуре.

Библиографический список

1. **Иванов, В.В.** Очерки по истории семиотики в СССР / В.В. Иванов. – М., 1976. – 303с.; **Топоров, В.Н.** Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 124-145; **Лотман, Ю.** Символ в системе культуры / Ю. Лотман // Уч. записки Тартутского университета. Труды по знаковым системам XXI. – Тарту, 1987. – Вып. 754. – С. 10-21.
2. **Байбурин, А.К.** Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Материальная культура и мифология (Сб. МАЭ, XXXII). – Л., 1981. – С. 215-226.
3. **Антонова, Е.В.** О знаковой сущности вещественных памятников и о способах её интерпретации / Е.В. Антонова, Д.С. Раевский // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., 1992. – С. 207-231.
4. **Топоров, В.Н.** Первобытные представления о мире (общий взгляд) / В.Н. Топоров // Очерки по истории естественнонаучных знаний в древности. – М., 1982. – С. 31-43.
5. **Дьяконов, И.М.** Архаические мифы Востока и Запада / И.М. Дьяконов. – М., 1990. – 246 с.
6. **Антонова, Е.В.** К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев / Е.В. Антонова // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986. – С. 35-66.
7. **Антонова, Е.В.** Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) / Е.В. Антонова // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. – М., 1981. – С. 5-22.
8. **Арнхейм, О.** Искусство визуального восприятия / О. Арнхейм. — М., 1976. –392 с.
9. **Рыбаков, Б.А.** Космогония и мифология земледельцев эпохи энеолита / Б.А. Рыбаков // СА, 1965, – №1-2. – С. 24-47, 13-33.
10. **Андреев, В.Н.** Интерпретация орнамента на сосуде срубной культуры из погребений близ г. Васильевка Запорожской обл. / В.Н. Андреев, О.В. Тубольцев // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1991; **Шилов, Ю.А.** Прародина ариев. – Киев, 1995. – 742с.

УДК 159.9.01

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Доктор филос. наук., профессор кафедры философии, социологии и истории
М. В. Черников.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: ch@vmail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
M. V. Chernikov.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: ch@vmail.ru

М. В. Черников

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЧУВСТВА ЛЮБВИ

В статье освещается вопрос о глубинных психологических детерминантах человеческого чувства любви. Разбор вопроса осуществляется на базе психоаналитической теории К.Юнга с привлечением философски-культурологического материала.

Ключевые слова: глубинная психология, психоаналитическая теория К.Юнга, анима (анимус), психофизиология гадания.

M. V. Chernikov

DEPTH PSYCHOLOGY OF THE FEELINGS OF LOVE

The issue of the deep psychological determinants of human feelings of love is highlighted in the article. Analysis of the problem is carried out on the basis of Jung's psychoanalytic theory involving philosophical and cultural material.

Key words: depth psychology, the psychoanalytic theory of Carl Jung, the anima (animus), psychophysiology of the divination.

Эксперименты, проведенные в психологической лаборатории Дэвида Перрета из шотландского университета Сент-Эндрюс доказывают, что более всего нас привлекают люди, похожие на наших родителей или на нас. Перрет и его коллеги применяли следующую методику. Они фотографировали своих испытуемых и с помощью специальной компьютерной программы изменяли им пол. Затем предлагалось выделить из серии фотографий людей противоположного пола наиболее приятные лица. К удивлению ученых, практически все участники эксперимента наиболее привлекательными находили свои измененные изображения, причем никто пока ни разу не узнавал собственное лицо с измененными признаками пола [1]. Однако серьезных объяснительных моделей того, почему так происходит, сами экспериментаторы, по сути, не выдвигают. Попробуем более глубоко разобраться в этом вопросе.

Вообще говоря, идея о том, что любовь возникает как влечение к моему второму Я, имеет глубокие корни. Древняя орфическая легенда, воспроизведенная Платоном в диалоге «Пир», гласит, что предками людей были существа, имевшие по два лица, четыре ноги и четыре руки. Они были трех родов: мужчины, женщины и андрогини, обладающие признаками обоих полов. Эти существа были могущественны, горды и столь самонадеянны, что Зевс решил наказать их, разрубив каждого напополам. Так возникли современные – половинчатые – люди. В тоске по прежней целостности обречены они на то, чтобы искать свою половинку. И когда это происходит, вспыхивает любовь – Эрос (правда, дети рождаются только от разнополых половинок – потомков андрогинов).

Это, конечно, миф, но в нем отражены реальные и весьма показательные моменты человеческой природы. В XX веке идея о двух половинках нашла свое подтверждение на психофизиологическом уровне. Как было установлено, человек на самом деле не является женщиной или мужчиной стопроцентно. В организме любого человека присутствуют как

мужские, так и женские гормоны и можно говорить лишь о статистическом их преобладании у различных полов. В каждой женщине есть мужское, в каждом мужчине скрыто женское. В еще большей степени это справедливо для психоэмоциональной сферы человека. Как отмечал еще З. Фрейд, психика человека бисексуальна и физиологией отнюдь не предопределено, кем будет чувствовать себя человек – мужчиной или женщиной. Примеры транссексуалов убедительно доказывают, что может быть мужской дух в женском теле и наоборот.

Формирование половой самоидентификации – это длительный, социокультурно обусловленный процесс. Уже начиная с младенческого возраста, окружение и, в первую очередь, родители формируют, буквально навязывают маленькому человеку соответствующую половую роль. При помощи поощрения и наказания из первичной бисексуальной психологической структуры выковывается моносексуальная. Другая же – противоположная – грань человеческой природы всячески подавляется, запрещается и в результате вытесняется на уровень бессознательного, где концентрируются все вытесненные, отвергнутые цензурой сознания представления и чувства. Именно там констеллируется второе половое Я человека, его другая половинка.

Как показал второй наряду с З. Фрейдом классик психоанализа К. Юнг, наше бессознательное личностно структурировано и может быть представлено в виде системы архетипических образов, которые обладают своей особой символикой и оказывают необычайное эмоциональное воздействие на человека. В недрах нашей души функционируют своего рода «отщепленные» личности, т.н. *фигуры*, воплощающие в себе глубинные бессознательные мотивы и влечения. Фигуры выступают как универсальные для людей «полые формы», заготовки, которые заполняются индивидуально-конкретным содержанием в процессе личностного развития человека.

Юнг выделяет целый ряд фигур: «Тень», «Персона», «Анима» и «Анимус», «Самость» и др. Тень, например, – это отщепленная личность, констеллирующая в себе все негативные черты индивида, отвергнутые его сознанием. «Тень, – пишет Юнг, – это... та скрытая, вытесненная, по большей части неполноценная и преступная личность, которая своими последними ветвями достигает мира звериных предков и таким образом объемлет весь исторический аспект бессознательного». [2] Если Тень – мое «плохое Я», то Персона – это мое Я, обусловленное принятием, как правило, вынужденным, определенной социальной роли, это та маска, которую человек должен усваивать под давлением общества (вспомним, что исходно слово «персона» как раз и обозначало маску, которую надевал на себя актер древнего греческого театра для исполнения определенной роли). Самость – это, наоборот, подлинное Я человека, движение к которому (путь индивидуации) есть, по Юнгу, главная задача человеческого развития.

Но нас в данном случае более интересуют фигуры, которые получили у Юнга названия Анимы и Анимуса. Анима – это личность женщины в психике мужчины, его женское Я; Анимус – это, соответственно, мужская личность в психике женщины, ее мужское Я. Сам Юнг трактует фигуру Анимы достаточно широко, определяя ее как природный архетип, коренящийся в коллективном бессознательном и проявляющийся в самых различных ипостасях. Анима, по Юнгу, может выступать как в виде определенной личности, так и неким обобщенным образом: богиней, ведьмой, небесной госпожой или церковью. При этом, – пишет Юнг, – «не нужно забывать, что речь идет об Аниме как факте внутренней жизни, а в таком виде она никогда не представала перед человеком, всегда проецировалась за пределы собственно психической сферы и пребывала вовне» [3].

Не обсуждая сейчас всю символическую глубину, которой, по Юнгу, нагружена Анима, дадим ее более рационалистическую трактовку. Как можно полагать, образы Анимы и, соответственно, Анимуса действительно существуют в человеческом подсознании, причем их формирование идет постепенно. На первом этапе, в период раннего детства фигура Анимы (Анимуса) лишь намечается, вбирая в себя нейрофизиологические предпочтения,

определяемые гормональной структурой организма, и инфантильные представления о любимых людях, в первую очередь, представления о матери – для мальчика, и представления об отце – для девочки. По мере общего полового развития и кристаллизации личности, Анима и Анимус, вбирая в себя вытесняемые в подсознание наши индивидуальные черты другого пола, все более оформляются и в дальнейшем бессознательно, невидимой, но тем более властной, рукой направляют эротические предпочтения мужчин и женщин. В этом смысле Анима и Анимус как раз и представляют собой те половинки, о которых говорится в древней легенде. Анима (Анимус) выступает как бессознательно сформированный образ нашего второго Я другого пола, и это второе Я необходимо найти, чтобы обрести соответствующую целостность, восстановить личностную полноту. Храня в своем подсознании Аниму (Анимус) как образ нашей любви, мы постоянно проецируем этот бессознательный образ на всех встречаемых нами людей, и когда (и в той мере, в какой) появляется сходство, возникает резонанс, наше сердце начинает биться учащенно, наша душа тянется к этому человеку, божественный Эрос вступает в свои права и овладевает нами.

При этом фигуры Анимы и Анимуса обнаруживают свою динамику личностного роста. Они развиваются вместе с общим развитием человека. Анима двенадцатилетнего подростка менее определена и конкретизирована по сравнению с Анимой этого же человека в тридцатилетнем возрасте. Соответственно, эротическое чувство в ранней юности мало дифференцировано и, наоборот, очень сложно по настоящему полюбить в солидном возрасте. Зрелая душа капризна и весьма разборчива в избранниках. Анима и Анимус на этом этапе, как правило, уже сформированы, и найти человека, который бы полностью вписался в бессознательно отлитый образ (а именно такое совпадение срывает эмоциональную лавину любви) отнюдь не просто. Но и не безнадежно. Кроме того, надо учесть, что настойчивого ждет награда. Уточнение, конкретизация облика Анимы ведет к фокусировке эмоциональной энергии. Если у молодого человека она распределена по целому спектру возможных избранников, то у зрелой личности есть уникальная точка резонанса, и попадание в нее производит потрясающий эффект.

И последний сюжет. Он связан с вопросом о возможности непосредственно увидеть, осознать свою (своего) Аниму (Анимуса). Можно ли это сделать? Стандартный ответ – нет, увидеть свое вытесненное Я невозможно, именно потому, что оно вытеснено, осознанию препятствует т.н. цензура сознания. С другой стороны, чисто теоретически понятно, что нужно делать. Чтобы увидеть человеку свое вытесненное бессознательное надо хотя бы временно «отключить» цензуру сознания. Это, в частности, можно сделать путем гипноза. Но проблема заключается в том, что при гипнозе гипнотизируемый слушается не себя, а трансфера, то есть гипнотизера. А гипнотизер и гипнотизируемый, как правило, – разные лица. Задача же заключается в том, чтобы создать ситуацию, когда гипнотизер и гипнотизируемый представляли бы одно лицо.

Но такая ситуация действительно может быть сконструирована, более того, практики такого рода весьма характерны для нашей традиционной культуры. Речь идет, как это ни покажется удивительным, о практиках любовного гадания.

На Руси разнообразного вида гадания были весьма широко распространены. Особенно популярны были т.н. святочные гадания [Святки – народный календарный праздник, начинающийся сразу после Рождества (25 декабря или – по новому стилю – 7 января) и длящийся вплоть до Крещения (6 – 19 января)]. У В.А. Жуковского в балладе «Светлана» (1812 г.) есть этнографически точная картинка:

*Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;*

*Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны.*

Сегодня мало кто уже знает, что, например, гадание, называвшееся «слушанием», состояло в подслушивании звуков, по которым старались угадать будущее, а башмачок, снятый девушкой обязательно с левой ноги, бросали за ворота, дабы определить суждено ли ей в этот год идти замуж и если – да, то в какую сторону. Направление указывал носок башмачка. Песенки подблюдны – это уже другой тип гадания. В блюдо с водой гадалщицы клали принадлежащие им предметы, как правило, кольца и серьги. Блюдо покрывалось платком и девушки начинали петь специальные песни, каждая из которых предвещала определенный поворот в судьбе: свадьбу или вечное девичество, счастье или смерть, богатство или бедность. Распорядительница гаданием доставала из блюда один предмет за другим. Чей предмет будет вынут под ту или иную песню, такая судьба и ожидала его владелицу.

Но нас в данном случае интересует особый, можно сказать – королевский, вид святочного гадания, а именно гадание на суженого при помощи свечи и зеркал. Тишина, полумрак, закрытая комната. Перед зеркалом с одинокой зажженной свечой сидит девушка и напряженно всматривается в отраженный огонек. Она гадает на суженого. И вдруг там, за спиной у девушки, где клубятся какие-то тени, возникает лик... Он приближается... Он все ближе... Девушка вскрикивает и лишается чувств.

Приблизительно так в художественной литературе описывается это гадание. Специальная литература более обстоятельна. В ней отмечается, что гадать следует в особом помещении, где нет икон, отпугивающих нечистую силу, – на чердаке, в бане, в пустой неосвещенной избе и т.п. Гадалщица должна снять с себя все оберегающие ее предметы и не креститься. На столе ставятся два зеркала – одно напротив другого, а по бокам – зажженные свечи. Взаимно отражающиеся зеркала (считается, что необходимо достичь двенадцатикратного отражения) образуют светящуюся галерею, в которой и должен появиться образ суженого. Рассмотрев его черты, гадалщица должна воскликнуть «чур меня!» – и тогда образ исчезнет. Если же девушка не «зачурается», не совладеет с собой, может произойти самое худшее.

Взглянем теперь на это гадание с позиций глубинной психологии. Если отбросить всю религиозно-фольклорную аранжировку можно обнаружить весьма рациональное зерно. Действительно, что такое напряженное всматривание в блестящую, отражающую поверхность плюс концентрация внимания на точечном светящемся объекте (свеча)? Это – классическая техника погружения в гипноз. Как известно, в гипнотическом состоянии сознание гипнотизируемого становится не критичным и беспрекословно слушается трансфера, то есть гипнотизера. Причем гипнотизируемое сознание, вопреки бытующим мнениям, отнюдь не отключается полностью, но в нем доминирует лишь часть, осуществляющая связь с трансфером. Диктат этой связи и определяет поведение гипнотизируемого.

Но при такого рода гаданиях, что уникально, в роли трансфера выступает сам гипнотизируемый. В качестве трансфера человек задает себе программу действий, а в качестве гипнотизируемого – выполняет ее. Именно таким образом целевое напряженное

желание увидеть своего суженого, свою половинку поднимает из глубин бессознательного скрывающийся там образ Анимы (Анимуса), а не критическое, находящееся в гипнотическом состоянии Я-сознание беспрепятственно пропускает этот образ в сферу осознанного восприятия. Скрытое в подсознании становится явным. Фактически здесь бессознательное выступает в роли приглашенной театральной труппы, которая по заказу играет спектакль, показывает живую картину на сцене сознания. Так при свете свечи оказывается возможным заглянуть в тайны собственной души.

Все вышесказанное, как представляется, должно быть учтено, когда мы разбираем вопрос о глубинной психологии чувства любви.

Библиографический список

1. «Ломоносов» (научно-популярный журнал), 2002, сентябрь. – С. 51-53.
2. Цит. по: Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы, 1970, № 3. – С. 128.
3. **Юнг**, К.-Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 118.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

УДК 130.121

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. М. Бочарова.

Ст.преподаватель кафедры философии, социологии и истории

Э. Н. Платонова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. M. Bocharova.

Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair

E. N. Platonova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. М. Бочарова, Э. Н. Платонова

Н. ЛОССКИЙ О ГЛАВНОЙ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА РОССИЙСКОГО ЭТНОСА

В статье рассматриваются взгляды Н. Лосского на особенности характера российского этноса, его связь с христианством, православием, а также его исканий абсолютного добра, справедливости и смысла жизни.

Ключевые слова: православие, церковь, религиозное мышление, религиозность, российский этнос, нравственные ценности.

I. M. Bocharova, E. N. Platonova

N. LOSSKY ABOUT THE MAIN FEATURES OF THE RUSSIAN ETHNOS CHARACTER

N. Lossky's views on the Russian ethnos special features, its connection to Christianity, Orthodoxy, as well as its strivings for absolute goodness, justice and the meaning of life are considered in the article.

Key words: Orthodoxy, church, religious thinking, religious, Russian ethnicity, moral values.

Н. Лосский – выдающийся представитель русской философии, творивший до 60х годов XX в. Он создал оригинальную философскую систему, отличающуюся глубиной и последовательностью мысли. Б.П. Вышеславцев отмечал, что Н. Лосский принадлежал к плеяде русских философов эпохи Возрождения [1. С. 156]. С.Л. Франк считает, что «лишь с работы Лосского «Обоснование интуитивизма» возникает русская научно-специфическая философская школа, которая может позднее превратится в своеобразный эталон для русской научно-философской традиции» [2. С. 84]. Сфера интересов Лосского постепенно смещалась от философии теоретической к философии практической. В неразрывности теории и практики отвлеченной мысли и жизни заключалась одна из главных особенностей русской философии. На эту особенность указывал и Н. Лосский: «может показаться, что проблемы, исследуемые религиозной русской философией имеют теоретический интерес, однако всякая деталь религиозной метафизики ведет за собой практические следствия и разрабатывается в виду своего практического значения» [3. С. 121].

Именно те философы, которые выросли в XIX веке, вобрав положительное, пережив революцию 1917 года, большевизм, творившие в эмиграции (Н. Бердяев, о. С. Булгаков, С. Франк, П. Струве, И. Ильин, Н. Лосский) внесли большой вклад в национальную

философию. Уже в эмиграции с 30х годов XX века Н. Лосского начинают интересоваться духовные, религиозно-нравственные основы общества, в первую очередь Российского. Его глубоко волнует проблема России, души русского человека, роль православия в формировании нравственных ценностей, русский характер. По своим духовным воззрениям он был ближе всего к тем, кто стремится восстановить утрачиваемый религией авторитет.

Он считает, что философская вера всех народов, в том числе и русского «задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, т.е. к Богу». Христианство с самого начала попало на Русь на благодатную почву.

Сознание народа практически было девственным, античные традиции в их истории отсутствовали и языческого мировоззрение древних славян не могло долго противостоять духовному богатству христианства.

«Поток прометеевского мироощущения тремя волнами развивался в России. Он тек через европеизаторскую политику Петра I, через французские революционные идеи, и наконец, атеистический социализм. Реакция русской души на этот прометеевский дух – иногда аскетизм, но больше мессианство [4. С. 241]. Русский народ хотел оформить внешний мир «согласно небесному внутреннему «образцу», его идеал не чистая посяторонность, а Царство Божие» [5. С. 245].

Важнейшее выражение характера религиозности русского этноса осуществлено в Русской православной Церкви, – считал Н. Лосский. Он согласен с Н. Бердяевым, что русское православие сосредоточено на эсхатологии, на стремлении к Царству Божию, т.е. к сверхличному абсолютному добру» [6. С. 245]. Н. Лосский вводит понятие Божества как абсолютной нравственной самооценки и признает перспективу полного торжества добра над злом. Характер православия выражен во всем богослужении. Православная церковь при выработке догматов и основ церковной жизни не должны подчиняться «внешнему авторитету» [7. С. 245]. Высокое достоинство православия состоит в том, что принцип соборности в нем осознан как более высокая основа Церкви, чем земные авторитеты. Ее духу соответствует понимание того, что поведение, «руководимое совершенной любовью к Богу и ближнему» [8. С. 245], само по себе есть блаженство.

В основе православной Церкви лежит принцип любви, которой выражается в благом характере и даже внешности многих духовных лиц. «При всей простоте, вмещающей и мудрость, и кроткую волю, а главное – удивительную мягкость, широту и любовь без конца» [9. С. 171].

Многие иностранные авторы отмечали выдающуюся религиозность русского народа. Французский ученый Леруа-Болье считал, что народные массы русских «не утратили чувства связи с обитателями невидимого мира» [10. Р. 11]. В русском народе, по его мнению, происходит своеобразное сочетание реализма и мистицизма, почитание креста, признание ценности страдания (страстотерпцев) и покаяния. «Оригинальность России может проявиться в реализации евангельского духа» в применении этики Христа в общественной, не менее, чем в частной жизни [11. С. 252]. Англичанин С. Грахам считал, что русская идея – «это христианская идея и на первом плане у нее любовь к страдающим, жалость, внимание к индивидуальной личности» [12. С. 252], так как религия есть основа жизни большинства русских людей, но «пульс этой жизни не забота о теперешней, а о небесной жизни» [13. С. 252].

Профессор Сорбонны Ж. Легра характеризует русский народ влечением к высшему и по-своему – это глубокая религиозность [14. С. 171]. Русская православная церковь идет путем Марии и древние восточные традиции прекрасно в не сохраняются, поэтому все, что происходит в храмах во время богослужения вызывает самые высокие чувства у тех, кто там присутствует.

Глубокие религиозные чувства российского этноса связаны с поиском абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве Божием. Великий мученик русской земли Ф. Достоевский находил синтез и завершение добрых свойств русского народа в его

христианском духе, отмечая, что единственная любовь русского народа есть Христос [15. С. 135].

Религиозность и любовь тесно переплетены в национальном характере российского этноса. В числе своих сторонников Н. Лосский называет светлые имена Л. Толстого, С. Франка, Н. Бердяева, Л. Карсавина. Л. Толстой, в частности пишет, что русский народ «кроткий, мудрый, святой» [16. С. 243]. Н. Бердяев, как известно, считал, что русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего. В православии сильнее всего была выражена эсхатологическая сторона христианства [17. С. 144].

Русскому народу вообще присуще искание абсолютного добра и смысла жизни, что нашло отражение в русской культуре и русской истории.

Русский народ в своих исканиях абсолютного добра и смысла жизни в течение веков удовлетворяется теми ответами, которые дает христианская религия, особенно православное богослужение в обстановке православного храма, с его иконами и переживаниями непосредственной связи с Богом и Царством Божиим [18. С. 257].

Ответ на вопрос об абсолютном добре, получаемый в религии имеет характер истины, выраженный в конкретной форме, т.е. в форме полнокровной жизни.

Н. Лосский связывает поиски добра с совестью, считая, что она особенно свойственна русским. Именно совесть позволяет четко различать добро и зло, влечет к совершенному нравственному состоянию, которое может восходить только к Богу.

Однако русский характер включает самые противоречивые черты. Русские писатели совершенно наивно связывали особенности характера российского этноса (особенно великороссов) «с бескрайним простором восточноевропейской равнины и климатом: своеобразие климата и почвы обманывают самые скромные его ожидания и привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову» [19. С. 257].

Российский этнос весьма одарен способностью к высоким формам бытия, более значительным, чем чувственный. Самый высокий вид опыта – религиозный. Православная религиозность тесно связана с мистическим религиозным опытом [20. С. 256]. Как и многие другие русские философы Н. Лосский разделяет точку зрения, что «Богословие Восточный Отцов Церкви имеет мистический созерцательный характер» [21. С. 254]. Об этом, в частности, также писал С. Булгаков: «Все православное богослужение, весь культ имеет какой-то мистический характер и пользуется любовью русского народа, потому что в нем осуществляется переживание близости к Богу. У русских крестьян способность к религиозному опыту проявляется в их восприятии природы как творения Божьего» [22. С. 129].

Религиозность Н. Лосский считает основной, наиболее глубокой чертой характера русского народа. Именно с ней он связывает и присущие русскому народу искания абсолютного добра, полностью осуществимого лишь «в Царстве Божиим»: «Высокое развитие нравственного опыта сказывается в том, что все слои русского народа проявляют особый интерес к различению добра и зла и четко различают примеси зла к добру» [23. С. 257].

Религиозность тесно связана с исканием абсолютного добра, побуждает задуматься о смысле жизни и выбрать самое что ни есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы капризу собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось [24. С. 267].

В русском характере есть «страстность и могучая воля, но есть и обломовщина» [25. С. 269]. Причину лени Н. Лосский объясняет через отрицательные эмоциональные состояния и те поступки, которые возникают у человека: «Не Бог, а мы сами своим эгоистическим поведением создали систему природы, полную несовершенства и разных видов зла; природу в которой существенное значение имеет материальная телесность. Человек, стремящийся к идеалу абсолютного совершенного бытия, живущий в мечтах и зорко подмечающий несовершенство нашей жизни вообще и недостаток собственной деятельности, и разочаровывается на каждом шагу и в других людях и их предприятиях. Он берется за одно,

за другое, ничего не доводит до конца и перестает бороться за жизнь, погружается в лень» [26. С. 270].

Исторически сложилось, что российский этнос дольше, чем какой-нибудь народ Европы находился в крепостной зависимости, но Н. Лосский считает вполне допустимым отнести «любовь и свобода» и высшее ее выражение – «свободу духа» к первичным свойствам русской души. Это связано, по его мнению, с «исканием добра» [27. С. 274].

Славянофил Хомяков считает также необходимым отметить, что русские склонны к демократии. У православных даже существует большая свобода от предписаний Церкви, чем у католиков [28. С. 279]. Для российского этноса свойственно стремление освободиться от оков всего происходящего и брэнного.

Русский человек хочет действовать « всегда во имя чего-то абсолютного или абсолютизированного» [29. С. 243]. Но если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может прийти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему. Он способен пройти от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта [30. С. 15]. Пары противоположностей – положительных и отрицательных черт таятся в русской душе: «Русский человек вследствие некоторых черт своего характера часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок» [31. С. 289]. Совершив тяжелое преступление, он кается всенародно.

К числу первичных свойств русского народа Н. Лосский причисляет «выдающуюся доброту его». Она поддерживается и усугубляется исканием абсолютного добра и связанной с нею религиозностью народа. Его доброта проявляется во всех слоях общества его незлопамятностью. «Народ великорусский», создавший в исторических условиях великое государство в высшей степени мужественен: но «в нем примечательно сочетание мужественной природы с женственной мягкостью» [32. С. 290]. Доброта русского человека свободна от сентиментальности, от наслаждения своим чувством, от самолюбования. Она есть непосредственное принятие чужого бытия в свою душу [33. С. 292]. Положительное качество «доброта» имеет нередко отрицательную сторону: она заставляет русского человека лгать. Жестокость также нередко проявляется в русской жизни, даже в поступках людей вовсе не злых.

О высокой одаренности народа свидетельствует не только способность к высшим формам опыта, наблюдательность. Об одаренности русского народа свидетельствует красота и богатство языка.

Т.о. в своей работе «Характер русского народа» Н. Лосский пытается решить задачу – вывести формулу души российского этноса. Сложность и неоднозначность проблемы он понимал. Под характером русского народа он понимал то представление, которое прочно присуще массовому сознанию: единый комплекс специфических, нравственных, религиозных, психологических черт народа. Религиозность он считает наиболее глубокой чертой характера русского народа. Именно с религиозностью, а если быть более точными, с православием он связывает поиски добра. Добро тесно связано с совестью, считая, что именно она тесно связана с русским характером, потому этот народ принял «Христа в свое сердце как наиболее близкого ему человеколюбца» [34. С. 259].

Отмечая религиозность как основную нравственную черту характера русского народа, Н. Лосский в качестве аргумента приводит высказывания Ф. Достоевского, Л. Толстого, П. Флоренского, Г. Федотова, С. Франка, Л. Карсавина, Н. Бердяева и др.

Библиографический список

1. **Вышеславцев, Б.П.** Этика преображенного Эроса. / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
2. **Франк, С.Л.** Сущность и ведущие мотивы русской философии / С.Л. Франк // Философские науки. 1990. - № 5. - С. 81-91.

3. **Лосский, Н.** Условия абсолютного добра. / Н. Лосский. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 378 с.
4. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
5. Там же.
6. **Лосский, Н.** Условия абсолютного добра. / Н. Лосский. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 378 с.
7. Там же.
8. Там же.
9. **Марцинковский, В.Ф.** Записки верующего: Из истории религиозного движения в Советской России (1917-1923). / В. Ф. Марцинковский. – Прага: Изд. авт., 1929. – 322 с.
10. **Leroy-Beaulieu, A.** L'Empire des Tsars et les Russes. / A. Leroy-Beaulieu. – Paris, 1889. – 425 p.
11. Там же.
12. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
13. Там же.
14. **Legras, Jules.** J'ame russe. / Jules Legras. – Paris, 1934. – 209 p.
15. **Достоевский, Ф.М.** Дневник писателя. / Ф.М. Достоевский. – Санкт-Петербург, 1873. – Кн. V. – 405 с.
16. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
17. **Бердяев, Н.А.** Русская идея: Основные проблемы русской философской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре. / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – 361 с.
18. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. **Булгаков, С.Н.** Свет невечерний. / С.Н. Булгаков. – М., 1991. – 402 с.
23. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. **Карсавин, Л.** Восток, Запад и русская идея. / Л. Карсавин. – СПб., 1922. – 305 с.
31. **Лосский, Н.** Условия абсолютного добра. / Н. Лосский. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 378 с.
32. **Лосский, Н.** Характер русского народа. / Н. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
33. Там же.
34. Там же.

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

А. А. Радугин.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

О. А. Радугина.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

A. A. Radugin.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

O. A. Radugina.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: radugina@yandex.ru

А. А. Радугин, О. А. Радугина

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ – ДУХОВНОЕ ОСНОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье показана взаимообусловленность процессов модернизации и секуляризации и выявляются основные направления секуляризационного процесса в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, модернизация, секуляризация, реформа церковно-государственных отношений.

A. A. Radugin, O. A. Radugina

SECULARIZATION AS THE SPIRITUAL FOUNDATION OF THE RUSSIAN EMPIRE MODERNIZATION

The article shows the interdependence of the modernization and secularization processes and identifies the main directions of the secularization process in the Russian Empire.

Key words: the Russian Empire, modernization, secularization, the reform of the relationship between the church and the state.

Актуальность данной темы определяется противоречивыми тенденциями, происходящими в мировоззренческой сфере в современную эпоху. Современная эпоха – это эпоха интенсивных перемен, происходящих под воздействием глобализации, научно-технического прогресса, информатизации, широкого распространения идеологии потребительства и других важных социальных процессов. Эти перемены обуславливают трансформацию всех сфер жизни. Особенно заметные перемены происходят в мировоззренческой сфере. Исследователи процессов в мировоззренческой сфере расходятся в оценке основного вектора происходящих изменений. Одни говорят об углублении процесса секуляризации и атеизации общества, другие заявляют, что общество вступило в фазу постсекулярности. По мнению представителей данного направления гуманитарной мысли, в современную эпоху секуляризация больше не воспринимается как непреложная закономерность развития общества, результатом действия которой должно стать доминирование безрелигиозного, то есть «секулярного» человека. В силу различных объективных причин общественного развития религиозный компонент мировоззренческой матрицы значительно усилил свои позиции. В общественной жизни якобы идет интенсивный процесс десекуляризации.

Исследователи также отмечают, что в современном российском обществе в течение последних десятилетий существенно выросло значение религиозного фактора: увеличилось

число верующих, возросла роль религии в сфере политики, в системе власти. Современные церковно-государственные отношения являются одной из наиболее актуальных тем общественных дискуссий и в научных изданиях, и в средствах массовой информации. По данным социологических опросов Русская Православная церковь находится в числе немногих социальных институтов, которые пользуются доверием граждан России. В отечественной литературе советского периода истории России с позиций понимание секуляризации как линейного однонаправленного процесса, утверждалась идея о том, что роль религии по мере развития общества будет неуклонно снижаться. Однако эта идея приходит в противоречие с современной религиозной ситуацией в России. Отсюда возникает необходимость разработки такой концепции процесса секуляризации, которая была бы способна объяснить изменение религиозного мировоззрения, происходящее в современном российском обществе. А это, в свою очередь, диктует необходимость более тщательного изучения и анализа прошлого опыта взаимоотношений церкви и государства в России с целью выявления закономерностей изменения религиозного мировоззрения общества, и последствий этого процесса для социально-политического развития страны.

Как известно, процесс секуляризации в западной христианской культуре происходил на основе идей Реформация и Просвещения. В ходе процесса секуляризации разрушается религиозное мировоззрение, и устанавливаются светские приоритеты личной и общественной жизни, укрепляются секулярные институты. Эти мировоззренческие изменения привели к становлению новых форм государственного устройства, развитию науки, промышленности, обусловивших рост военной мощи западноевропейских стран, которые значительно опередили по этим параметрам своих соседей и, используя свои преимущества, начали проводить активную экспансионистскую политику. Военная угроза со стороны стран Западной Европы, на фоне отставание в технической оснащенности войска, недостатке организационных и научных знаний, сформировала у руководства России понимание необходимости преодоления отставания на основе модернизации.

Цель данной статьи показать взаимообусловленность процессов модернизации и секуляризации и выявить основные направления секуляризационного процесса в Российской империи.

Модернизацию, в широком смысле, можно понимать как искусственное приведение каких-либо систем (независимо от их природы – это могут быть системы знаний, социальные, политические, религиозные или технические системы и т.п.) в состояние, соответствующее принятым сегодня стандартам и представлениям о должном. Говорить о модернизации возможно применительно к каким-то «отставшим» системам и, следовательно, модернизация оказывается всегда по принципу «догоняющей». Россия в классический период дворянства встала на путь «догоняющей» модернизации. В России модернизация всех сторон общественной жизни происходила на основе процесса европеизации. Процесс европеизации предполагал заимствование и принятие определенных европейских социальных и политических институтов, ценностей, образа жизни. В виду социокультурных особенностей исторического развития России, для нее закономерным стало принятие секулярного пути развития культуры. Политика модернизации послужила причиной, стимулом и, следовательно, объективной основой преобразования в духовной сфере по пути секуляризации. В свою очередь, секуляризация стала духовной основой модернизации российского общества, определяя магистральные пути общественных преобразований, формируя все аспекты его культуры.

С началом процесса модернизации в России были взяты на вооружение сложившаяся в Европе политическая модель абсолютной монархии, европейские институты управления государством (Сенат), светская европейская модель образования и светский образ жизни. На основе всех этих инноваций, российские власти ввели общество в определенную логику дальнейшего политического и социально-экономического развития по европейской модели.

Важнейшей стороной процесса секуляризации в России стала проведенная Петром I церковная реформа. Церковная реформа Петра проводилась в двух аспектах: реформа

церковно-правовых отношений и реформа церковно-государственных отношений. Петр начал церковную реформу с преобразований в сфере церковно-правовых отношений.

Указами 24 и 31 января 1701 был восстановлен Петром, закрытый в 1677г. Монастырский приказ, функцией которого было управление имуществом патриаршего и архиерейских домов, а также монастырей. По указу в Монастырский приказ должны были поступать все сборы с жителей церковно-монастырских земель. Основная цель этого направления церковной реформы поставить под контроль государства имущество церкви и регламентировать деятельность монастырей и получить возможность использовать принадлежащую им собственность в интересах государства [1. С. 538].

Важнейшей частью церковной реформы Петра было установление новой системы церковно-государственных отношений, которая вводится в России принятием 1721г. «Духовного Регламента», на основе которого произошло упразднение патриаршества и установление коллегиального управления церковью. Институт церкви утратил свой сакральный характер. Вместо патриарха, во главе церкви устанавливается, рядовое, среди других светских коллегий, государственное учреждение: Духовный Коллегиум. Члены Коллегиума, как исполнители верховной монаршей воли, получают статус чиновников и назначаются Императором. Таким образом, в соответствии с Регламентом, институт церкви становится подсистемой главного института власти – абсолютной монархии. Государство утверждает себя как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий и всякого законодательства, деятельности и творчества. В логике этой реформы все должно стать государственным, а у церкви не остается самостоятельных и независимых функций, поскольку государство все дела считает своими; у церкви также не остается власти, поскольку государство считает себя абсолютным. За церковью не признается правотворческой инициативы даже в духовных делах. Государство отбирает у церкви даже ее специфические общественные функции, включая заботу о религиозном и духовном благополучии народа, и если затем доверяет или поручает эту заботу церкви, то уже в порядке и по титулу государственной делегации («vicario nomine»), и только в ее пределах церкви отводится место в системе общественно-государственной жизни, но только в меру и по мотиву государственной полезности и нужды. Духовенство превращается в некий служилый класс, а в церкви привыкают видеть только учреждение, в котором организуется религиозная жизнь народа. Известный российский историк церкви Г. Н. Флоровский определил смысл новой системы церковно-государственных отношений – как «программу Русской Реформации» [2. С. 83] И это действительно была попытка Реформации Русской Православной церкви, предпринятая сверху и имевшая две цели – подчинение института церкви государству и рационализацию религии. Петр стремился организовать церковное управление в России таким же образом, каким оно было организовано в протестантских странах. Духовный Регламент был близок к «регламентам» и «церковным уставам», составленным после Реформации в разных княжествах Германии для вновь заведенных местных «генеральных консисторий». По Духовному регламенту в круг обязанностей Коллегиума входило рассмотрение и запрещение всяких суеверий, то есть «непотребных церемоний», «сумнительных мощей святых» и икон, а также, проверка истории святых, предполагавшая критический рациональный подход к тексту. Регламент подробно очерчивал круг дел епископов, в помощь им придавались благочинные, которые бы «все подсматривали и ему бы... доносили» [3. С. 247] Регламент определял функции епископа как рачительного государственного чиновника, осуществляющего значимую государственную работу. В свою очередь, священники должны были ежегодно сообщать епископу о тех прихожанах, которые не исповедовались и не причащались. Священники также наделялись прямыми полицейскими функциями: доносить, «где надлежит», об открытых на исповеди совершенных и замышляемых преступлениях, особенно политического характера [4. С. 248]. Впоследствии начинается реформа, самой Петровской Реформы, которой церковь пытается придать каноничность. Коллегиум был переименован, в Святейший Синод, который формально был уравнен в правах с Сенатом и вышел из-под его подчинения. Получив новый

статус, Синод успешно провел акцию возврата в свою юрисдикцию всех вотчинно-церковных дел и функций прежнего расширенного Монастырского Приказа. Действуя подобным образом, Синод постепенно завоевывал права, непредусмотренные Духовным Регламентом и приблизившие синодальную власть по широте ее ведомства к прежней власти патриархов. Но произошло это ценой отказа от своего церковного достоинства и церковной природы своей власти, которая была сведена к воле Монарха. Синод, а через него и церковь, становилась только ведомством в государстве [5. С. 368].

Для обеспечения постоянного надзора за деятельностью Синода со стороны государства в 1722г. вышел указ об установлении должности обер-прокурора Синода, который возглавлял аппарат наблюдения за духовенством на местах. Должность обер-прокурора Синода была введена по аналогии с Сенатом, где был свой генерал-прокурор. Институт синодальной обер-прокуратуры в императорской России стал очередным симптомом поглощения церковной власти государственной властью.

Таким образом, церковная реформа Петра I положила начало интенсивному процессу секуляризации российского общества. Государство перестало быть органом церкви, ведущим своих граждан к обретению потустороннего Царства Божия, спасению души. Отныне высшая цель деятельности государства и церкви не обретение Царства небесного, а улучшение земной жизни, благоденствия народа. Этой утилитарной, земной задаче должно быть подчинено все, что существует на данной территории и под данной властью. Власть государства абсолютна. Религия, церковь, духовенство – это только специальные институты нацеленные на достижение общего блага. Закономерно возникает вопрос, каковы причины того, что церковь оказалась не в состоянии оказать сопротивление процессу секуляризации, и элита российского общества конца XVII в. встала на новый путь развития. По нашему мнению, можно назвать следующие причины. Во-первых, создание Петром I регулярной армии и формирование на новых принципах бюрократического аппарата сделали самодержавие настолько устойчивым, что оно уже не нуждалось в поддержке Боярской Думы и Патриарха, что и способствовало уничтожению этих институтов власти. Во-вторых, произошедший в результате никоновских реформ кризис средневекового религиозного мировоззрения, в результате которого главная опора – идея самобытности и особого предназначения России – вера было поколеблена. В-третьих, церковь была ослаблена Расколом, разделившим российское общество и поставившим наиболее религиозно активную часть населения в оппозицию к официальной церкви. В-четвертых, произошедшим усилением позиций в руководстве церкви киевского духовенства, обязанного своим возвышением Петру I, и с симпатией относившихся к протестантизму, и поддерживающего его реформы в этом направлении. В-пятых, Петр I в ходе своих реформ изменил социальный статус дворянства в соответствии с западноевропейскими представлениями, закрепил за ним статус привилегированного сословия с наследственным и потомственным характером.

Реформа церковно-правовых отношений церковно-государственных отношений в классический период дворянства с некоторыми отступлениями была продолжена государственной властью и после Петра I. В наибольшей степени эти отступления проявились в годы правления Елизаветы Петровны и Павла I. В конце 1753г. Елизавета Петровна обнародовала указ, который предусматривал возвращение старого порядка владения церковно-монастырскими вотчинами и крестьянами. Однако, уже в 1757 году ввиду низкой доходности церковных имений, она подписала именной указ о передаче церковно-монастырских владений из ведения духовенства в ведение государства. Политика секуляризации церковно имущества была продолжена Екатериной II. В 1764г. Екатериной II был издан указ, передававший управление вотчинами монастырей, архиерейских домов и церковью возобновленной Коллегии экономии с назначением доходов в государственную казну. На содержание монастырей и архиерейских домов назначены штатные оклады по трем классам, в соответствии с которым определялись суммы на их содержание. В результате секуляризации у церкви было отобрано 8,6 млн. десятин земли. Последствием секуляризации было также огромное сокращение числа монастырей и монашествующих. Однако, в период

правления Павла I политика секуляризации церковных земель и церковной собственности, начатая Петром и продолженная при Екатерине II, была приостановлена. Напротив, церковь вновь постепенно стала увеличивать свою земельную собственность, росло денежное содержание некоторых слоев духовенства, повышался их социальный статус. Процесс наделения монастырей землями, возобновленный Павлом I, замедлился в царствование Александра I, но Николай I снова его усилил. Таким образом, мы видим, что государство не проводило последовательной политики в отношении земельного имущества церкви. Однако, следует отметить, что после Екатерины II и до Октябрьской Революции уже никто из российских Императоров не посягал на церковное землевладение.

Вместе с тем, политика секуляризации церковно- государственных отношений в духе идей Реформации и Просвещения была продолжена Екатериной II и ее приемниками. Так, Павел I, осознавая себя главой Церкви, стремился к концентрации в своих руках и светской и церковной власти. В этой роли его усилия, с одной стороны, были направлены на повышение авторитета церкви в обществе. С другой стороны он стремился активизировать аппарат церкви на службе государству. В своем Манифесте 1797г. Павел I требовал от приходских священников обеспечивать «должное послушание» крестьян и утверждать «благоденствие и повиновение господам своим» [6. С. 310].

Эту традицию продолжил Александр I. При Александре I государство осуществляет религиозное главенство более активно, законодательно закрепляя за собой функции церкви. В Основных Законах Сперанского в статье 42 записано, что император является «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоправия и всякого в церкви святой благопочитания (формулировка 1831г.); В сем смысле Император в акте о наследии престола именуется Главою Церкви». В статье 43 указано, что «в управлении церковном Самодержавная – власть действует посредством Св. Правительствующего Синода, ею учрежденного» [7. С. 368]. Таким образом, функции, права и обязанности церковной иерархической власти приписаны светской самодержавной власти, в том смысле, что государственная власть имеет прерогативу в определении направления религиозной политики: отношение к старообрядчеству, иноверцам, вводит контроль над уклоняющимися от исповеди и устанавливает частоту исповеди и причастия, требует открывать тайну исповеди.

При Александре I произошли и организационные изменения: в 1803г. обер-прокурор Синода стал непосредственно подчиняться царю, а личные доклады членов Синода царю были отменены. С 1817г. статус Синода снизился, поскольку Синод был включен в состав Министерства на правах отделения департамента. Эта реформа соединяла дела просвещения и церкви, уравнивала православную церковь со всеми другими исповеданиями. Синод вновь обрел суверенитет в 1824г.

Николай I под впечатлением от восстания декабристов, из страха перед смутой, ориентировал свою внутреннюю политику на «замораживание» России, и в этом деле приоритетное значение он придавал государственному влиянию на церковную жизнь. С первых месяцев его царствования одной из важнейших задач стало укрепление господствующего и первенствующего положения православной церкви. Николай I также стремился укрепить моральный авторитет священнослужителей всех уровней: от приходских священников до епископов, и с этой целью в начале царствования провел чистку церковного аппарата. При Николае I завершается перестройка высшего церковного управления на ведомственный лад. Синод превратился в большое и сложное «министерство» по делам православия. Передача в ведение обер- прокурора сфер деятельности Синода путем подчинения ему старых учреждений и создания новых привела к усилению института обер-прокуратуры. Из органа государственного наблюдения и надзора при Синоде обер-прокуратура становится теперь органом власти. К середине XIX в. обер-прокурор Синода играл в церковном управлении центральную роль. Как считает Литвак, сложившаяся структура церковного управления вела к строгому отделению административно-хозяйственных функций церкви, выступающей в данном случае как учреждение, ничем не

отличающееся от любого другого учреждения империи, от функции «хранителя веры», то есть религиозной и богословской. Это обстоятельство усиливало власть верховного арбитра – царя и позволяло ему диктовать свою волю в делах церкви и веры [8. С. 330].

Итак, в виду социокультурных особенностей исторического развития России для нее закономерным стало принятие секулярного варианта западной культуры и необходимость проведения политики модернизации. Политика модернизации послужила причиной, стимулом и, следовательно, объективной основой преобразования в духовной сфере по пути секуляризации. В свою очередь, секуляризация стала духовной основой модернизации российского общества, определяя магистральные пути общественных преобразований, формируя все аспекты его культуры. Процесс модернизации, а, следовательно, секуляризации был инициирован Петром I при активной поддержке и действенном участии дворянства. Центральным элементом процесса секуляризации стала реформа государственно–церковных отношений. Процесс секуляризации общества, происходил на протяжении всей истории Российской империи, с незначительными отступлениями в период царствования Елизаветы Петровны. В ходе этого процесса происходит постоянное вмешательство светской власти в дела церкви, все более и более превращая всю церковную организацию в разновидность государственного аппарата. В результате реформ была отменена политическая функция церкви: отныне Церковь не имеет права и возможности вмешиваться в государственные дела. Минимизируется культурная функция церкви: литература, искусства выходят из-под ее контроля и развиваются в светском контексте. За Церковью остаются следующие функции в российском обществе: культовая (богослужения, таинства, требы), духовного окормления верующих, ограниченная государством функция социальной интеграции, строго контролируемая и ограниченная государством экономическая, воспитательная (в духе поддержки и защиты самодержавия), а также функция социального служения в форме благотворительности. Государство придает Церкви новые функции: полицейскую (выведывать на исповеди и доносить о совершенных и планируемых преступлениях против государственной власти, о раскольниках, о неисповедующихся, непричащающихся прихожанах), благотворительную (поселение на прокормление в монастыри инвалидов, солдатских вдов и сирот), образовательную (организация при архиерейских домах цифирных школ в т.ч. и для духовенства). Значимыми для общества стали и изменения, произошедшие внутри церкви, в церковной организации, – церковь потеряла самостоятельное каноническое управление. Церковь была лишена канонического права самоуправления, законодательства и суда. В связи с потерей самостоятельности и независимости от государственной власти, фактически сведена к нулю функция морально-нравственного контроля в обществе.

Библиографический список

1. **Платонов, С.Ф.** Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – М.: Летопись, 2000. – 742 с.
2. **Флоровский, Г.В.** Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 600 с.
3. Русское православие: вехи истории. / Науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 718 с.
4. Там же.
5. **Карташев, А.В.** Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – В 2 т. Т.2. – М.: Терра, 1992. – 812 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Русское православие: вехи истории. / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 718 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 301 (470.324)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. Н. Лихорадова.

Россия, г. Воронеж, тел. 89103439777;

e-mail: lihoradova@list.ru

Студентка гр. 3831

Е. Н.Гладких.

Россия, г. Воронеж, тел. 89204051465;

e-mail: katya200863@yandex.ru

Студентка гр. 3831

А. Н.Селиванова.

Россия, г. Воронеж, тел. 89601299659;

e-mail: fibi393@rambler.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. N. Lihoradova.

Russia, Voronezh, tel. 89103439777;

e-mail: lihoradova@list.ru

Student of 3831 group

E. N.Gladkikh.

Russia, Voronezh, tel. 89204051465;

e-mail: katya200863@yandex.ru

Student of 3831 group

A. N. Selivanova.

Russia, Voronezh, tel. 89601299659;

e-mail: fibi393@rambler.ru

И. Н. Лихорадова, Е. Н. Гладких, А. Н. Селиванова

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье дается описание современного состояния среднего класса в России, приводится исследование среднего класса Воронежской области по двум объективным критериям – уровню доходов и уровню образования. На основе полученных данных производится их сравнительный анализ с общероссийскими, делаются выводы о численности среднего класса и его динамике.

Ключевые слова: средний класс, уровень доходов, уровень образования, стратификация.

I. N. Lihoradova, E. N. Gladkikh, A. N. Selivanova

THE FEATURES OF THE MIDDLE CLASS IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE VORONEZH REGION)

The description of modern status of the middle class in Russia is given in the article. A research of the middle class in the Voronezh region according to two the objective criteria – the level of education and income level is also presented. The results of this research are compared with the all-russian data and the conclusion about the middle class quantity and its dynamics is provided.

Key words: middle class, income level, level of education, stratification.

Переход к рыночной экономике в России конца XX века вызвал изменения в социальной структуре российского общества, выразившиеся в значительной поляризации населения по уровню жизни. Этому сопутствовали политическая и социальная напряженность, социокультурный раскол в обществе. Одной из главных задач руководства страны в области наиболее благоприятного развития российского общества является формирование стабильного среднего класса. Многие авторы склонны рассматривать средний класс как гарант стабильности, как интегрирующую силу современных постиндустриальных обществ, проявляющую себя в качестве таковой в различных сферах социальной жизни [1].

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года», разработанной по заказу Правительства РФ в 2011 году, доля среднего класса к концу текущего десятилетия должна составить более половины населения [2].

В связи с этим проблема изучения «среднего класса», начиная с идентификации и заканчивая его оценкой, является весьма актуальной. Она обуславливается, во-первых, крайней неустойчивостью социальной структуры российского общества в условиях социальной трансформации и соответствующей потребностью в формировании стабильного среднего класса, во-вторых, отсутствием единого теоретического подхода к определению понятия «средний класс» и методологического подхода к выделению границ среднего класса, что подтверждается существенной вариацией эмпирических оценок среднего слоя населения.

«Средний класс» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современных политических, экономических и социологических исследованиях. Различными авторами предлагаются весьма неоднозначные интерпретации данного термина:

- с одной стороны, посредством понятия «средний класс» фиксируют реальные социальные общности, выделяемые по различным критериям (уровень доходов, профессия, образование, род деятельности и др.).
- с другой стороны, «средний класс» очень часто связывают с мифом, используемым, как правило, в маркетинговых и социально-политических целях.

История изучения темы общественных классов восходит к самым ранним периодам развития социальной мысли. К проблеме выделения средних слоев обращались такие мыслители как Аристотель, К. Маркс, М. Вебер. Представление о среднем классе служит частью теорий индустриального (Р. Арон, Д. Гэлбрейт) и постиндустриального общества (Д. Бэлл). Проблеме среднего класса в той или иной мере посвящены работы Л. Беляевой, З. Голенковой, М. Горшкова, Л. Григорьева, Г. Дилигенского, Т. Заславской, Т. Малевой, Н. Тихоновой и других. Однако данную проблему нельзя считать окончательно разработанной из-за множества подходов в определении приоритетности критериев.

Ниже приведено одно из самых распространенных определений среднего класса.

Средний класс – совокупность социальных слоев, занимающих промежуточное положение между основными социальными группами в системе социальной стратификации: между богатыми и бедными. Для определения среднего класса в России исследователи используют различные критерии.

Материальные ресурсные критерии:

- уровень доходов/расходов;
- уровень потребления;
- объем накопленных сбережений;
- уровень имущественной обеспеченности.

Нематериальные ресурсные критерии:

- уровень образования;
- профессионально-квалификационная позиция;
- должностная позиция [1].

Помимо выше перечисленных критериев, традиционно относящихся к объективным, используется также и субъективный критерий – самоидентификация. Субъективная идентификация со средним классом характеризуется достаточно высокой оценкой людьми своего собственного социального положения и относительной удовлетворенностью статусом [3].

В данной работе производится анализ среднего класса Воронежской области по двум выбранным объективным критериям – уровню доходов и уровню образования, в сравнительном анализе с общероссийскими данными.

Для каждого критерия выделяются свои границы (цензы) вхождения в средний класс. Имея цензы по всем критериям, достаточно просто построить по ним комбинационную группировку и по данным конкретного обследования определить группу людей, составляющих средний класс. В условиях турбулентности и нестабильности экономической ситуации значения критериев постоянно меняются, что в значительной степени влияет на изменение границ совокупности среднего класса. Это дает основание отнести средний класс к нечетким совокупностям и применять к ним методологию исследования подобных объектов [4, 5].

Как было отмечено выше, одним из основных критериев выделения среднего класса выступает критерий уровня доходов, где применяется общеустановленный ценз (от 2-х до 6-ти прожиточных минимумов). Существующий ценз прост в расчетах, однако не достоверно определяет границу между бедными и средним классом в виду дискуссионности вопроса определения как размера прожиточного минимума, так и величины интервала. Кроме того, в условиях резкой региональной дифференциации населения по уровню жизни у населения разных регионов свои представления о критериях отнесения к среднему классу.

Для оценки дифференциации населения по социальным классам рассмотрим расслоение населения по уровню доходов. Для этого используются децильный коэффициент (коэффициент фондов, коэффициент дифференциации доходов) и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов).

Децильный коэффициент (коэффициент фондов) характеризует степень расслоения общества и показывает отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных. По рекомендациям ООН он не должен превышать 8 - 10, иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами [6]. Данные для России и Воронежской области приведены на рис. 1.

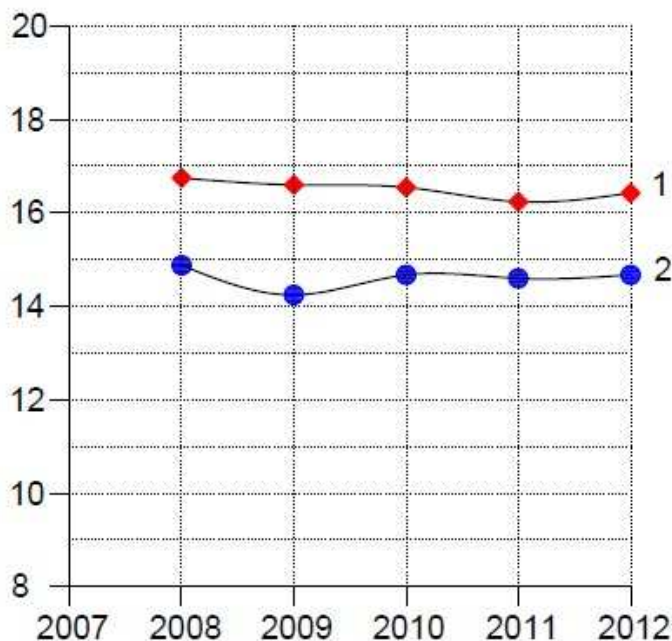
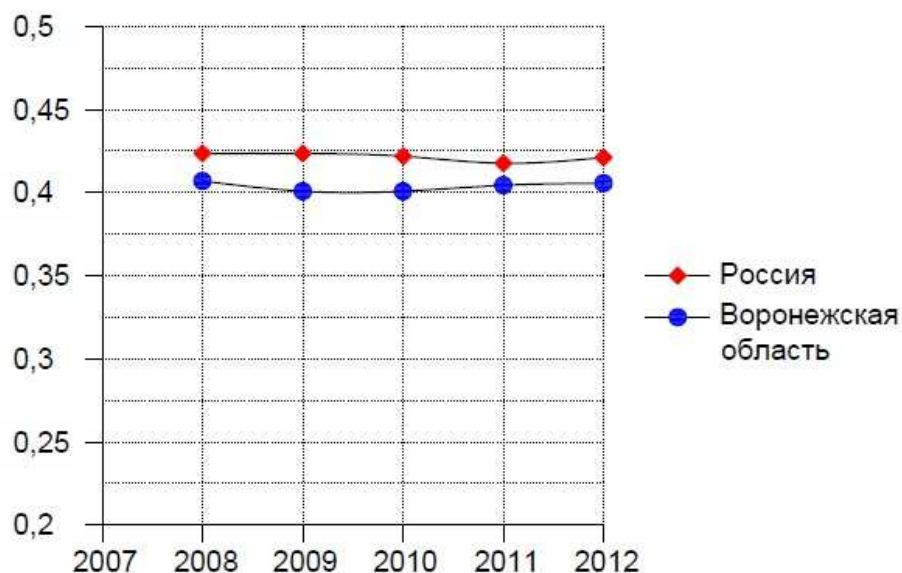

Рис. 1. Коэффициент фондов в России (1) и в Воронежской области (2).

Источник: для России – [3]; для Воронежской области – [7].

Коэффициент Джини (рис. 2) определяет степень отклонения распределения доходов по группам населения от равномерного. Чем он ближе к нулю, тем более равномерное распределение доходов; чем ближе коэффициент Джини к единице, тем больше доходы концентрируются самой богатой группой граждан. Таким образом, по рис. 2 видим сильное расслоение населения по уровню доходов [5].

Рис. 2. Коэффициент Джини.

Источники: для России – [3]; для Воронежской области – [7].

Если в качестве критерия выделения среднего класса по уровню доходов рассматривать интервал от 2 до 6 прожиточных минимумов, то получим следующие результаты, учитывая данные табл. 1 [7].

Таблица 1

Величина прожиточного минимума за IV квартал 2012 года в Воронежской области

Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения, в месяц), руб			
на душу населения	для трудоспособного населения	для пенсионеров	для детей
5756	6214	4675	5690

Согласно расчетам нижняя граница доходов среднего класса находится в диапазоне 11 512 руб. – 34 536 руб. в среднем на душу населения, в месяц.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области, распределение населения области по среднедушевому денежному доходу в 2012 году представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение населения Воронежской области по среднедушевому денежному доходу в 2012 году

Среднедушевой денежный доход в месяц, тыс. рублей	Численность населения с соответствующим доходом, тыс. человек	Удельный вес численности населения с соответствующим доходом, %
до 5	190,1	8,1
св. 5 - 7	211,5	9,1
св. 7 - 10	343,5	14,7
св. 10 - 14	402,6	17,3
св. 14 - 19	370,6	15,9
св. 19 - 27	357,5	15,3
св. 27 - 45	311,8	13,4
свыше 45	143,9	6,2
Итого:	2331,5	100,0

По состоянию на 2012 год, исходя из данного распределения денежного дохода, можно сделать вывод о том, что население со среднедушевым денежным доходом свыше 45 тыс. руб. можно отнести к высокообеспеченному. Тогда, если в качестве верхней границы выделения среднего класса по уровню доходов принять среднедушевые денежные доходы до 45 000 руб., получим процент среднего класса в Воронежской области, который составит 44,6%.

Следующим критерием выделения среднего класса является уровень образования населения.

Уровень образования характеризуется распределением населения в возрасте 15 лет и более по высшему из достигнутых образовательных уровней: профессиональное образование (послевузовское, высшее, неполное высшее, специальное, начальное), общее образование (среднее, основное, начальное, не имеющие начального образования). Возрастная граница 15 лет определена требованиями обязательности получения населением Российской Федерации основного общего образования согласно Федеральному закону «Об образовании» от 13 января 1996 года №12-ФЗ.

Данные по результатам переписи населения Российской Федерации 2010 года составили 110,6 млн. человек в возрасте 15 лет и более [8].

Численность населения Воронежской области в возрасте 15 лет и более, указавшие уровень образования, составляет 1948,0 тысяч человек (табл. 3).

Таблица 3

Уровень образования населения Воронежской области по результатам переписи населения Российской Федерации 2010 года

На 1000 человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования							
имеют профессиональное образование (на 1000), человек				имеют общее образование (на 1000), человек			Не имеют начального общего образования (на 1000), человек
высшее	неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
220	40	281	48	227	109	67	8

Таким образом, если в качестве одного из критериев выделения среднего класса в Воронежской области выбрать уровень образования не ниже среднего профессионального, то получатся следующие результаты: согласно расчетам, 54,1% населения Воронежской области имеет образование не ниже среднего профессионального, а значит, могут быть отнесены к среднему классу.

При этом из общей численности населения Российской Федерации (в возрасте 15 лет и более) 69,6 млн. человек имеют уровень образования не ниже среднего профессионального, что составляет 62,9% населения по выше указанному критерию.

Таким образом, процент населения Воронежской области, относимого к среднему классу по критерию наличия уровня образования не ниже среднего профессионального, ниже общероссийского на 8,8%.

Стратификация в России все больше принимает вид поляризации. Это наиболее заметно проявляется в растущем социальном неравенстве и бедности, которая разразилась в обществе. Часть этого населения уже живет в «культуре бедности». В это же время на другом полюсе общества формируется «культура сверхбогатых». Средний класс разделяет два противоположных полюса – богатых и бедных и в экономически развитых странах является опорой гражданского общества, социальной основой политической стабильности. Чем меньше прослойка среднего класса, тем ближе полярные точки стратификации, тем вероятнее их столкновение и наоборот.

Средние слои россиян сегодня отличает готовность предпринимать шаги по улучшению своего положения и добиваться заметных положительных сдвигов в жизни, использовать открывающиеся возможности.

Социальная мобильность общества – противоречивый процесс. Если общество позволяет активной, талантливой личности безболезненно и легко двигаться по ступеням лестницы социального восхождения, то самому индивиду всегда трудно приспособиться к новым условиям, налаживать новые связи и бороться со страхом потерять новый статус. Вместе с тем для общества открытый путь вверх, большое число достигаемых статусов – единственный путь развития, ибо в противном случае возникают социальное напряжение и конфликты.

Тенденции и факторы формирования отдельных социальных страт являются основой для выработки социальной политики государства. Социальная политика в самом общем виде представляет собой деятельность различных социальных групп, обладающих финансовыми и властными ресурсами по удовлетворению социальных потребностей населения.

Объектами социальной политики являются все социальные слои и группы. Содержание по отношению к каждой из этих групп различается в зависимости от их качественных характеристик. Сильные социальные слои и группы государство стимулирует к дальнейшему увеличению совокупного общественного богатства, являющегося материальной базой любой политики, для средних социальных слоев государство создает условия самообеспечения и саморазвития, слабые социальные слои нуждаются в социальной защите и поддержке со стороны государства.

Библиографический список

1. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т.2 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 863с.
2. Стратегия 2020 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/>. – Загл. С экрана.
3. **Кулиджоглян, К.О.** Критерии принадлежности и проблема оценки среднего класса / К.О. Кулиджоглян // Бизнес-статистика, финансы и банки: Теоретические и методические аспекты исследования: сб. науч. тр. Новосибирск, НГУЭУ, – 2011.– 220 с.
4. Глинский В.В., Серга Л.К. Нестабильные совокупности: концептуальные основы методологии статистического исследования // Вестник НГУЭУ. 2009. – № 2. – С. 137-142.
5. **Серга, Л.К.** Об одном подходе к определению пороговых значений в решении задачи классификации / Л.К. Серга // Вестник НГУЭУ. 2012. – № 1. – С. 54-60.
6. **Калабеков, И.Г.** Российские реформы в цифрах и фактах / И.Г. Калабеков. – Москва: Русаки, 2010.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/statistics/standards_of_life/ – Загл. С экрана.
8. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года/ Федер. служба гос. Статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183с.

УДК 301-053.8

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
И. Н. Лихорадова.
Россия, г. Воронеж, тел. 89103439777;
e-mail: lihoradova@list.ru
Студентка СФ гр.3831,
Е. А. Савенкова;
Студентка СФ гр.3831,
Е. А. Соловьева.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(919) 233-44-05;
e-mail: katy.savenkova@gmail.com*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
I. N. Lihoradova
Russia, Voronezh, tel. +7(910) 343 97 77;
e-mail: lihoradova@list.ru
Student of Civil Engineering Faculty, group 3831,
E. A. Savenkova;
Student of Civil Engineering Faculty, group 3831,
E. A. Solov'eva.
Russia, Voronezh, phone +7(919) 233-44-05;
e-mail: katy.savenkova@gmail.com*

И. Н. Лихорадова, Е. А. Савенкова, Е. А. Соловьева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ МОЛОДЕЖИ НОВОЙ РОССИИ

Портрет молодой части нашего общества, представленный Институтом социологии, основан на репрезентативных общероссийских опросах. Уникальность доклада, главные положения которого мы публикуем, заключается в сопоставлении данных 2014 и 2007 гг. и в анализе ценностей современной молодежи г. Воронежа и молодежи России в целом.

Ключевые слова: ценностные ориентации, современная молодежь, культура современной молодежи, социологическое исследование, опрос.

I. N. Lihoradova, E. A. Savenkova, E. A. Solov'eva

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VALUES AND PRIORITIES OF YOUNG PEOPLE OF NEW RUSSIA

The portrait of the young people in our society is based on the representative nationwide surveys provided by the Institute of Sociology. The uniqueness of the report, the main issues of which we publish, is to compare the data in 2014 and 2007, and to analyse the values of today's youth of Voronezh and Russia in general.

Keywords: value orientations, modern youth, modern youth culture, sociological research, quiz.

Портрет молодой части нашего общества, представленный Институтом социологии, основан на репрезентативных общероссийских опросах. Уникальность доклада, главные положения которого мы публикуем, заключается в сопоставлении данных 2007 и 2014 гг. и в анализе ценностей современной молодежи г. Воронежа и молодежи России в целом. Проблема трансформации ценностных ориентаций российского населения, особенно подрастающего поколения и молодёжи, уже многократно обсуждалась на международных и всероссийских конференциях. Как ни парадоксально, но смысл и социальная значимость этого процесса определяются разными авторами диаметрально противоположным образом. Так, одни подчёркивают, что российская молодёжь, как и общество в целом, переживает кризис ценностей, что происходит разрушение нравственных ценностей и культуры русского народа, угрожающее целостности и безопасности нашего государства [3]. Другие же называют подобные утверждения мифом, третьи же, отмечая «отдельные недостатки», пишут, что моральный уровень нынешней молодёжи в целом достаточно высок [1]. Как известно, наблюдения могут быть поверхностными, а опыт общения ограничен самой средой такого общения. Вот почему наиболее эффективный метод проникновения

массовых социальных явлений и процессов – это репрезентативное социологическое исследование.

В результате происходящих за последние два десятилетия в стране серьезных социальных изменений, идеалы и ценностные ориентации также меняются. При этом наиболее уязвимой к негативному моральному транзиту признается молодежь. Для выяснения этого вопроса, авторами было проведено самостоятельное социологическое исследование, позволяющее провести сравнительный анализ общероссийских данных за 2007 год и соответствующих данных по Воронежской области за 2014 год. За основу взяты общероссийские данные, полученные в результате исследований Н.М. Давыдовой [2]. Объект исследования, проведенного по специальной социологической анкете, включал группу молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (всего опрошено 300 человек) Воронежского ГАСУ, из которых 36% опрошенных – мужчины и, соответственно, 64% – женщины.

Попробуем выяснить, как изменилось отношение молодежи к идеалам за последние семь лет. Для этого сопоставим ответы на вопрос: «Насколько Вы тяготеете к высоким идеалам», за 2007 и 2014 года. Данные в виде диаграммы представлены на рис.1.

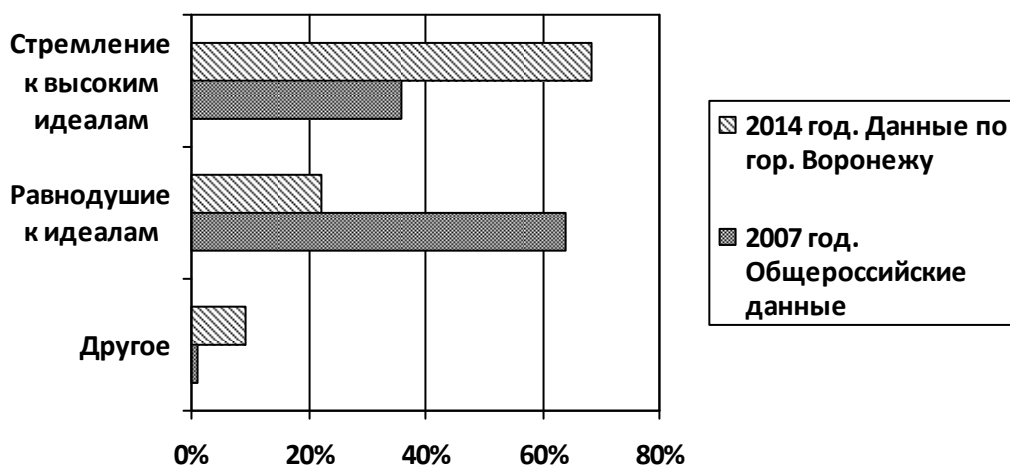

Рис.1 Отношение молодежи к идеалам, %

По мнению большинства опрошенных, причем как людей старшего возраста, так и самой молодежи, для современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам. Эту точку зрения разделяет 64% молодых респондентов. И только треть россиян придерживаются оптимистичного взгляда на ситуацию, полагая, что молодежь тянется к высоким идеалам – 36% [2].

В результате социологического исследования, проведенного среди молодежи г. Воронежа на вопрос, насколько тяготеет молодежь к высоким идеалам, 68,44 % ответили «я тянусь к высоким идеалам, позволяющим жить осмысленно, и только 22,26% дали ответ «по натуре я циник, равнодушен к существующим идеалам».

Следует заметить, что после анализа опроса, опубликованного Н.М. Давыдовой [2], было принято решения добавить вариант ответа «другое», на который ответили 9,30% опрошенных. Представим некоторые из них (орфография автора): «Я каждый день становлюсь лучше и предела не будет!»; «Я думаю, что самое главное в человеке - это добродушие, искренность и отзывчивость. К этому стоит стремиться»; «У каждого свои идеалы». Анализируя ответы «другое», можно сделать вывод, что мнения разделились. У большинства есть стремления к идеалам в будущем, а оставшиеся не смогли ответить на поставленный вопрос.

Данные, полученные на вопрос об отношении молодежи к идеалам в 2007, существенно отличаются от ответов, данных в 2014 году, следовательно, можно отметить

рост интереса молодежи к высоким идеалам, позволяющим прожить жизнь осмысленно, при этом значительное уменьшение доли цинизма и равнодушия к идеалам.

Далее проанализируем отношение современной молодежи к российской и западной культуре. В рамках исследования респондентам было предложено выбрать наиболее подходящий для них вариант ответа: «я интересуюсь русской историей и культурой»; «мне гораздо интереснее знать историю зарубежных государств и зарубежную культуру, чем историю и культуру России», так же в рамках опроса был введен вариант ответа «другое». Данные в виде диаграммы представлены на рис.2.

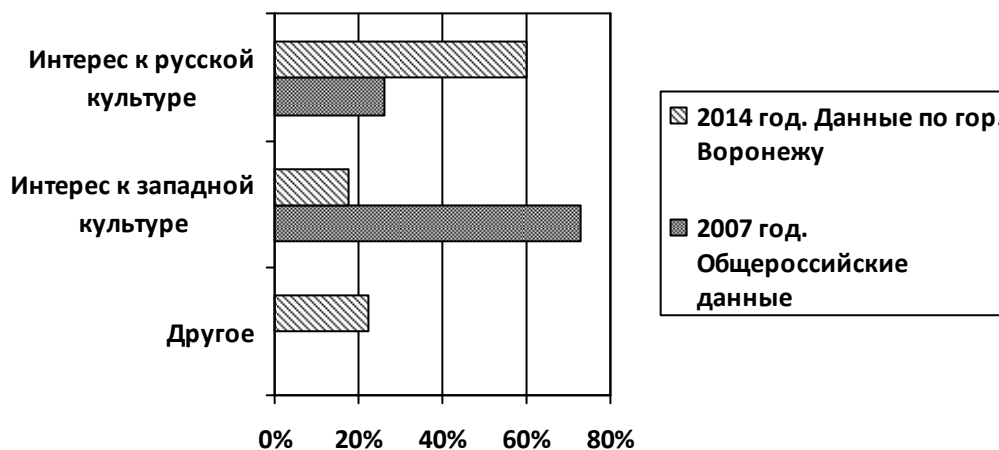

Рис. 2 Ориентация молодежи на российскую или западную культуру, %

Во многом настроения пессимизма обусловлены наличием «второй реальности» – телевидения, где существует свой особый мир, мало имеющий отношение к окружающей людей действительности, но, которое, тем не менее, формирует представление очень многих о безнравственности современной молодежи и в целом, о том, что российская культура, а с ней и исконные традиции, моральные и нравственные устои постепенно деградируют, уступая место образцам западной массовой культуры. По результатам опроса 2007 года, 73% мало интересуется русской историей, культурой, они ориентированы преимущественно на западные ценности. В меньшинстве оказываются те, кто полагает, что русская история и русская культура по-прежнему интересны и актуальны для молодежи – 26% [2].

По результатам опроса 2014 года прослеживается значительное увеличение числа интересующихся русской культурой – 60,13%; уменьшения до 17,61% тех, кому гораздо интереснее знать историю зарубежных государств и зарубежную культуру. Аналогично вопросу об отношении молодежи к идеалам, был введен дополнительный ответ «другое», чтобы расширить диапазон ответов и сделать их не такими критичными и однозначными. В соответствии с этим образовалась группа молодежи 22,26%, большинство из которых давали следующие ответы: «Я изучаю и свою историю, и зарубежную с равным интересом. Русская история не существует отдельно, она – часть мировой. То же можно сказать и про культуру. Такой подход позволяет лучше понимать причины и следствия исторических событий и явлений»; «Я не интересуюсь историей». Суммируя ответы на открытые вопросы, можно выделить две группы. К первой группе относятся те, кто считает историю и культуру России частью мировой. Ко второй группе относятся люди, которые на данный момент вообще не интересуются историей и культурой.

Следующий вопрос анкеты «где бы Вы хотели жить и работать».

По результатам общероссийского опроса, проведенного Н.М. Давыдовой в 2007 году, можно сделать вывод, что западная культура притягивает современную молодежь не только в качестве неких образцов для созерцания, и, возможно, служащих примером для подражания, но и в качестве наиболее предпочтительной среды обитания. Так 56%

опрошенных заявили, что они и большинство их знакомых молодых людей предпочли бы жить и работать в России, а 43% хотели бы уехать и жить за границей.

В сравнении с данными по г. Воронежу за 2014 год, мы сталкиваемся с похожими ответами. Из общего числа ответивших 58,47% молодежи предпочли бы остаться жить и работать в России, 30,90% хотят уехать за границу. Так же как и в выше представленных вопросах, был добавлен ответ «другое» - 10,63%, представим самые показательные из них: «При существующем порядке вещей - за границей, т.к. это не цель, а средство»; «Я люблю свою Родину, но зарплаты тут ниже тех, что за границей. Не могу ответить на этот вопрос». Анализируя полученные ответы, можно сделать вывод о том, что жизнь за границей привлекает только с позиции комфорта и, возможно, туманной перспективы «лучшей жизни» с точки зрения, в первую очередь материальных благ, а уже потом культуры. На данном этапе возникает вопрос, насколько хорошо современная молодежь, выбирающая жизнь за границей, знакома с реальной жизнью вне России с точки зрения гражданина страны, а не туриста. Привлекают ли их другие страны с позиции действительно лучших условий существования, более интересной культуры и других составляющих общественной жизни, или же это светлый образ, навязанный СМИ, мало соответствующий сложившимся реалиям?

На сегодняшний день для социологов является актуальным вопрос о том, что действительно ли последние десятилетия радикально изменили россиян, лишили их нравственной опоры, разрушили традиционные основы общения и взаимодействия? Или катастрофизм ситуации реально преувеличен? Для того чтобы это выяснить мы предложили респондентам выбрать одно из следующих утверждений: «многие моральные нормы уже устарели»; «основные моральные нормы всегда актуальны и современны», а так же открытый ответ «другое». Данные в виде диаграммы представлены на рис. 3.

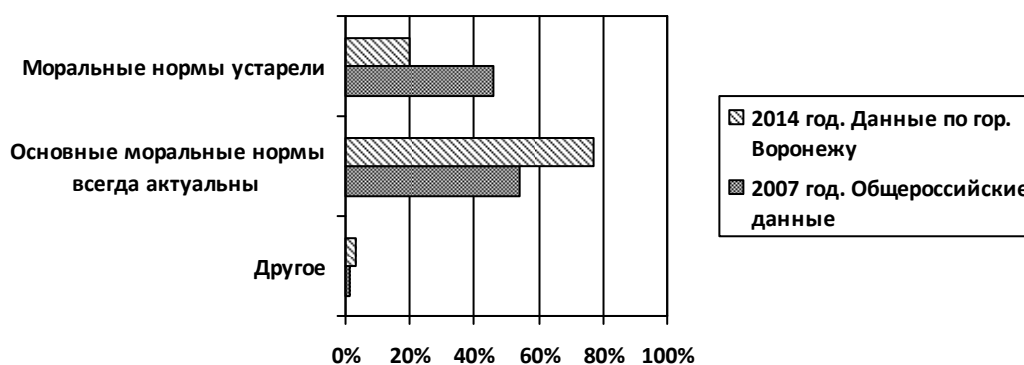

Рис.3 Суждения молодежи об актуальности моральных норм, %

Как показал опрос Н.М. Давыдовой, на 2007 год понятия морали и нравственности, по мнению современной молодежи, приобретают зачастую характер анархизмов, пользоваться которыми – значит обречь себя на неуспех. Так, меньше половины опрошенных представителей – 46% в ходе опроса согласились с утверждением, что сегодня мы живем уже совсем в другом мире, отличном от того, что было раньше, и многие традиционные моральные нормы уже устарели [2]. Противоположной точки зрения придерживаются опрошенные в 2014 году в г. Воронеж. Из общего числа ответивших только 19,93% придерживаются мнения, что многие моральные нормы не актуальны на сегодняшний день, а 76,74% считают, что базовые моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда современны. Вариант «другое» 3,32% добавил следующие ответы: «Моральные нормы не могут устареть, человек либо их знает, либо не знает»; «Моральные нормы меняются вместе с людьми»; «Надо жить без морали. Мораль – границы для глупых людей».

Наше сознание и так очень ограничено, зачем его ограничивать моралью не знаю, но как по мне, то это вредно».

В результате сравнительного анализа ответов 2007 и 2014 года, уже на основе четырех представленных вопросов можно сделать вывод о том, что молодежь становится более грамотной в вопросах моральных норм, истории и культуры. Следует отметить важный факт, выявленный в данном исследовании; что происходит процесс реинкарнации молодежной культуры за последние семь лет. Сравнивая число ответивших «моральные нормы устарели», получили колоссальную разницу 20% между ответами 2007 и 2014 года. Можно предположить, что в 2007 году моральными ценностями являлись ценности первоначального накопления капитала, т.е. был акцент на материальные составляющие жизни, в ущерб морально-нравственным и духовным. Сейчас, в виду динамичного развития интеграции России в мировое пространство, молодежь четко разделяет моральные ценности и нормы, которые остаются неизменными при любом обществе. Важно отметить, что ценности зарубежного образа жизни для молодежи сейчас не являются идеалом. Современная молодежь стремится знать культуру и историю своей родины и главное, хочет в ней жить и развиваться.

Приведем сравнение суждений молодежи о возможности или невозможности переступить через моральные нормы. Респондентам было предложено выбрать один из следующих вариантов: «современный мир жесток, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и норы»; «я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы»; «другое». Результаты представлены в виде диаграммы на рис. 4.

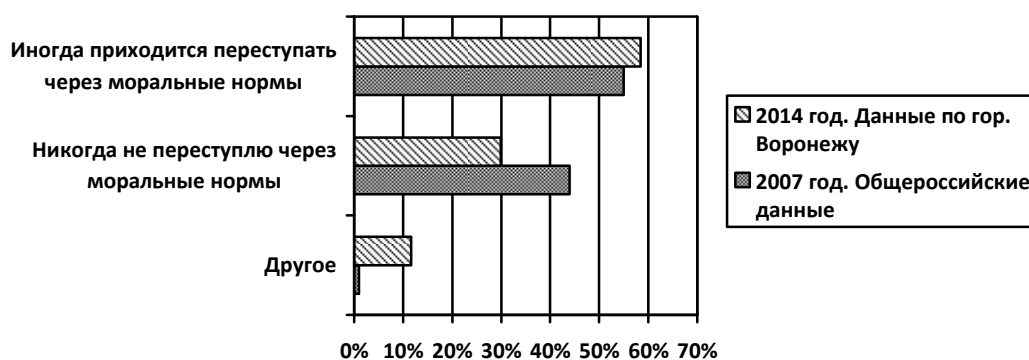

Рис.4 Суждения молодежи о возможности/невозможности переступить через моральные принципы, %

Нельзя не признать, что современные жизненные реалии достаточно суровы и подвергают нравственность россиян серьезным испытаниям на прочность [2]. В ходе исследования многие респонденты признают, что трудности, с которыми им приходится сталкиваться в разных сферах жизни, вынуждают их к серьезной «инвентаризации» ценностей. В результате большинство молодежи (55% на 2007 год и 58,47% на 2014) сегодня вынуждено признать, что успех в жизни во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на собственные принципы, согласившись с тезисом «современный мир жесток, и, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы». Противоположной точки зрения, что лучше не добиться успеха, но не переступить через нормы морали, придерживаются 44% ответивших в 2007 году и только 29,9% в 2014. При этом 11,63% молодежи на этот вопрос имеют свое мнение (добавленный в 2014 году вопрос «другое»): «Сведите к минимуму контакты, которые заставляют вас задумываться о таком выборе»; «Всегда есть путь достижения успеха, на котором не приходится жертвовать принципами. Просто, зачастую, он тернист»; «Не переступлю через свои собственные принципы, чужими поступиться готова»; «Можно добиться успеха не

переступая моральных принципов». Большинство ответивших «другое» придерживаются мнения, что добиться успеха можно и не переступая через моральные принципы и нормы. Сформировалась группа тех, кто предпочитает пока не задумываться о подобных вопросах и тех, кто готов поступиться чужими принципами, ради своей выгоды.

Возникает парадокс на 2007 год, в сравнении с 2014 годом. Осознание молодежью норм и ценностей на сегодняшний день существует, но воплощение их в реальной жизни сопряжено с определенными проблемами.

Чем современная российская молодежь готова пожертвовать во имя успеха, к чему может относиться снисходительно? Существуют ли в современном российском обществе нравственные табу? Для выяснения этого приведем сравнительную характеристику ответов на вопрос: «Какие из следующих поступков не могут быть оправданы». Респондентам предлагалось выбрать один из следующих ответов: «*Никогда не может быть оправдано, я так не поступлю*»; «*к этому необходимо относиться снисходительно, но я так не поступлю*»; «*иногда это допустимо, я могу так поступить*»; «*это вполне нормально, я так делаю*» в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1.

Отношение к аморальным и неэтичным поступкам молодежи, %

	Никогда не может быть оправдано, я так не поступлю. %		К этому необходимо относиться снисходительно, но я так никогда не поступлю. %	Иногда это допустимо, я могу так поступить. %	Это вполне нормально, я так делаю. %
	2014	2007			
Плохое воспитание детей, заброшенность, беспризорность	92	97	7	Менее 1	Менее 1
Жестокое обращение с животными	84	88	14	2	0
Употребление наркотиков	72	95	17	8	3
Измена Родине	57	83	31	11	1
Гомосексуализм	52	80	41	5	2
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	54	77	26	19	1
Пьянство, алкоголизм	58	66	27	13	2
Хамство, грубость, нецензурная брань	34	74	28	36	2
Обогащение за счет других	40	76	36	20	4
Деловая необязательность	35	70	48	15	2
Проституция	60	66	33	6	1
Супружеская измена	55	49	35	8	2
Уклонение от уплаты налогов	37	51	40	18	5
Аборт	60	26	25	11	4
Дача/получение взятки	27	47	34	34	5
Сопrotивление полиции	33	33	38	24	5
Присвоение найденных денег, вещей	24	41	37	34	5
Уклонение от службы в армии	33	31	33	24	10
Безбилетный проезд в общественном транспорте	18	23	37	35	10

Как показывают исследования, в целом российская молодежь демонстрирует достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах. В отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными, более половины опрошенных высказываются негативно и утверждают, что они не могут быть оправданы, или, в ряде случаев, они могут быть

оправданы, но сами респонденты так никогда не поступят. В числе безусловных табу, или к первой группе относятся, – плохое воспитание детей, заброшенность и беспризорность, жестокое обращение с животными, супружеская измена, гомосексуализм, проституция. Более 90% опрошенных никогда не сумели бы совершить данное.

Ко второй группе можно отнести употребление наркотиков, измену родине, публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, деловую необязательность, пьянство, алкоголизм, аборт. Против данных поступков высказываются от 80 до 90% опрошенных в 2014 году. К третьей группе относятся: обогащение за счет других, уклонение от уплаты налогов, сопротивление полиции, здесь увеличивается число тех, кто понимает, что это аморально, но относится снисходительно к лицам совершающим данное. К четвертой группе относятся: хамство, грубость, нецензурная брань, дача или получение взятки, присвоение найденных вещей или денег, уклонение от службы в армии. От 34 до 40 % респондентов считают, что это вполне допустимо, могут так поступить или поступают. Выходит, что в настоящее время вышеперечисленные поступки среди молодежи не являются аморальными, а наоборот, вполне приемлемы и становятся нормой. В особую пятую группу входит безбилетный проезд в общественном транспорте. Из общего числа опрошенных 50% могут периодически примерять на себя роль «зайца».

В сравнении с результатами опроса, проведенного Н.М. Давыдовой в 2007 году, можно заключить, что в один ряд с табулированными нормами – плохое воспитание детей, жестокое обращение с животными, в 2014 году становятся – супружеская измена, гомосексуализм, проституция. В то же время к употреблению наркотиков и измене Родине отношение становится более лояльным.

В целом, число категорических противников аморальных поступков значительно увеличилось за последние семь лет. Исключение составляет хамство и грубость. На 2007 год были совершенно недопустимыми, а на 2014 год они в молодежной среде становятся нормой.

Безусловно, декларирование своей приверженности тем или иным морально-нравственным нормам далеко не тождественно тому, как люди ведут себя в реальной жизни.

В заключении представим иерархию ценностей современной молодежи. В рамках опроса респондентам было предложено оценить значимость таких ценностей как семья, коллектив, интересная работа, общественная деятельность, религия, материальные блага по шкале от 1 до 10. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ценности современной молодежи

Ценности	Значение ценности в жизни по шкале баллов от 1 до 10
Семья	7.34
Коллектив	5.43
Интересная работа	6.74
Общественная деятельность	5.08
Религия	4.54
Материальные блага	6.10

На первое место молодые люди ставят семью, работу и материальные ценности. На последнем месте остается религия. При этом самыми большими страхами современной молодежи являются соответственно: потерять близких, остаться без материальных средств существования, страх не создать семью, не встретить любимого человека.

Выводы:

В начале исследования была выдвинута гипотеза о том, что российская молодежь, как и общество в целом, переживает кризис моральных ценностей. Но полученные данные опровергают данное утверждение.

1. В результате сравнительного анализа ответов 2007 и 2014 года, можно сделать вывод о том, что молодежь становится более грамотной в вопросах моральных норм, истории и культуры. Происходит процесс реинкарнации молодежной культуры за последние семь лет. Важно отметить, что ценности зарубежного образа жизни для молодежи сейчас не являются идеалом. Современная молодежь стремится знать культуру и историю своей родины и главное, хочет в ней жить и развиваться.

2. Возникает парадокс на 2007 год, в сравнении с 2014 годом. Осознание молодежью норм и ценностей существует, но воплощения их в реальной жизни сопряжено с определенными проблемами.

3. В молодежной среде твердо укрепились поступки, категорически оцениваемые как аморальные: плохое воспитание детей, заброшенность и беспризорность, жестокое обращение с животными, супружеская измена, гомосексуализм, проституция, употребление наркотиков, измена родине, публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, деловая необязательность, пьянство, алкоголизм, аборт. При этом такие поступки, как хамство, грубость, нецензурная брань, дача или получение взятки, присвоение найденных вещей или денег, уклонение от службы в армии молодежь считает нормальными и готова так поступать.

4. Главные ценности современной молодежи – это семья, интересная работа и материальные блага.

Библиографический список

1. **Горшков, М.К.** Молодёжь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
2. **Давыдова, Н.М.** Молодежь новой России: ценности и приоритеты /Н.М. Давыдова // [Научный электронный журнал «Вестник Института социологии»](#). – 2007. – 504. – С. 106–119.
3. **Ильинский, И.М.** Образовательная революция / И.М. Ильинский. – М: Изд-во Моск. гуманит. – социальн. академии, 2002.– 592 с.

УДК 314.15

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Е. В. Фролова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: frolov-elen@yandex.ru
студент 4 курса строительного факультета
А. В. Бураков.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: gefest-1992@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
E. V. Frolova.
Voronezh, Russia tel. (473) 271-50-04;
e-mail: frolov-elen@yandex.ru
4th year student of the engineering faculty
A. V. Burakov.
Voronezh, Russia, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: gefest-1992@mail.ru*

Е. В. Фролова, А. В. Бураков

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается тенденция депопуляции в российском обществе, и обосновывается идея, что демографический кризис является угрозой необратимых изменений этнокультурной ситуации в стране .

Ключевые слова: депопуляция, демографическая политика, рождаемость, смертность, прирост населения, этнический состав.

E. V. Frolova, A. V. Burakov

THE DEMOGRAPHIC CRISIS AS A PROBLEM OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY INTEGRITY

The article considers the tendency of depopulation in the Russian society, and substantiates the idea that the demographic crisis is a great problem that can lead to the irreversible changes in the ethno-cultural situation in the country.

Key words: depopulation, demographic policy, fertility, mortality, population growth, ethnic composition.

Не так давно проблеме перенаселения уделялось большое количество внимания. Боязнь перенаселения некогда имела под собой основания: в начале XIX века Томас Мальтус предсказывал удвоение населения Земли по экспоненте каждые 25 лет, и его прогнозы были достаточной причиной для беспокойства в XX веке, т.к. численность населения действительно росла взрывообразно. Двухмиллиардный житель Земли родился совсем недавно – в 1925 году, тогда как шестимиллиардный – в 1999 году. Движение «мальтузианцев», обеспокоенных проблемой населения ещё сильно, но сегодня, в мире, особенно в развитой его части, актуальность приобрела проблема противоположная – проблема снижения рождаемости.

В 2013 году в 64-х странах, в которых проживает 44% всего мирового населения, уровень рождаемости ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Это страны, которые принято называть развитыми. Между тем, в менее развитых странах ситуация обратная, и если в десятку стран с наименьшим естественным приростом населения входят в основном восточноевропейские страны, то в десятку стран с наивысшим приростом населения входят беднейшие страны Африки. То есть в то время как население в развивающихся странах только увеличивается, население европейской части мира стареет и умирает. Депопуляция – прямая угроза всей европейской цивилизации.

Депопуляция – проблема крайне актуальная и для российской действительности. Исследователи отмечают, Россия находится в состоянии глубокого демографического кризиса, угрожающего как ее территориальной целостности, так и самому существованию ее государственности. Рост населения в стране прекратился с 1991 года, а смертность в 1,5 раза превышает рождаемость, следовательно, население сокращается на несколько сотен тысяч человек ежегодно [2. С. 70].

Негативной особенностью России является то, что рождаемость упала до уровня развитых стран, в то время как смертность осталась на уровне развивающихся. Исследования показывают, что население России будет сокращаться в дальнейшем и в XXI в.. Согласно долгосрочным демографическим прогнозам, «при сохранении нынешних тенденций к 2050 г. население России сократится до 90–100 миллионов человек, к концу века – более чем в два раза, до 70 миллионов человек, а еще через сто лет, к началу XXIII в., – до 30 миллионов. Какова в этом остатке будет доля русского или хотя бы славянского населения, не решается сказать никто»[2. С. 75].

Показательно, что еще в начале 90-х гг. американский демограф-экономист Бернштам в своей статье «Сколько жить русскому народу?», считая демографические изменения в России необратимыми, писал, что темпы вымирания русских не только не сократятся, но напротив – ускорятся. В результате к середине XXI в. их останется менее 50 млн человек, а к концу столетия русские как этнос могут вообще сойти с исторической арены. Особенно велика смертность у российских мужчин, средняя продолжительность жизни которых 59 лет. Продолжительность жизни женщин значительно выше – 72 года. Показательна статистика:

- 2000 г. - 145,6 млн. человек;
- 2010 г. - 138,7;
- 2020 г. - 131,2;
- 2030 г. - 121,1;
- 2040 г. - 108,3;
- 2050 г. - 93,8 млн. человек.
- начало 23 века – 30 млн. человек.

По мнению некоторых демографов, падение смертности в результате развития здравоохранения компенсировалось с 1960-х гг. ростом алкогольной смертности. Алкогольная смертность в России (600–700 тыс. человек в год) связана с самым высоким в мире уровнем потребления крепких напитков. Она покрывает собой большую часть разрыва между рождаемостью и смертностью, обуславливающего депопуляцию России [5. С. 21].

Демографы предполагают, что высокая смертность связана с незавершенностью процессов модернизации России, включая социокультурный аспект. В частности, забота о собственном здоровье не является высокой ценностью в рамках менталитета существенной части населения, что и предопределяет высокую алкоголизацию, смертность от несчастных случаев (включая ДТП), аномальную распространенность ряда болезней. Параллельно ухудшается качество здоровья оставшегося населения, усугубляются процессы его старения. Граждане репродуктивного возраста чаще больны, чем здоровы, подвержены алкоголизму и наркомании, принявшим размеры национального бедствия.

Кроме того, Россия стала первой среди стран по количеству абортот: в 1993 году было зарегистрировано 235 абортот на 100 родов. В настоящее время количество абортот в России с каждым годом медленно сокращается. Так, в 2010 году было проведено 1 054 820 абортот, в 2011—989 375. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно более 30 миллионов женщин прерывают беременность. Это не только лишение еще не родившегося человека жизни, но и огромный вред самой женщине: 20% всех абортот заканчиваются различными осложнениями, а частота возникновения бесплодия составляет около 7%.

Таким образом, рождаемость в России не достигает уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости составляет

1,32, тогда как для простого воспроизводства населения без прироста численности необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11–2,15. В начале XX века в России наблюдался самый высокий уровень рождаемости в Европе. Наиболее быстрое падение рождаемости происходило в 1930-е и 1940-е годы. К 1965 г. рождаемость в РСФСР опустилась ниже уровня простого воспроизводства поколений. В 1950-х – 60-х годах был заложен современный режим воспроизводства населения, то есть переход большей части населения России к малодетной семье (низкая рождаемость, контролируемая внутри семьи). В 80-е годы наблюдалось поднятие «показательной» рождаемости благодаря детским пособиям, но оно продолжалось недолго. С 90-х рождаемость опять начала снижаться и на фоне роста смертности возникла демографическая убыль (смертность больше рождаемости). Общий коэффициент рождаемости в России достиг показателя, соответствующего показателю развитых стран Запада, однако, поскольку смертность остаётся на высоком уровне и снизилась средняя продолжительность жизни, то естественная убыль населения в России приобрела катастрофический характер [5. С. 28].

Следует произвести обобщение и выделить факторы, влияющие на снижение рождаемости:

- утрата традиционных устоев семьи, отторжение женщины от семьи, потеря мужчиной роли главы семьи и кормильца;
- распространение либеральных взглядов на вопросы пола и обусловленных этим разводов, добрачных половых связей;
- насаждение "массовой культуры", дающей простор личным интересам индивидуума, противоположным интересам семьи, общества, государства;
- наркомания, алкоголизм;
- ранняя смертность в результате несчастных случаев, убийств и самоубийств;
- бесплодие женщин в результате аборт;
- войны и беспорядки, вызывающие перемещение больших масс беженцев;
- крупные экологические катастрофы.

По утверждению демографов, разрыв между смертностью и рождаемостью в большей мере обусловлен низкой рождаемостью, чем высокой смертностью. В современном обществе бытует мнение, что причина низкой рождаемости кроется в тяжелом экономическом положении. Ряд исследователей утверждают, что низкая рождаемость никогда или почти никогда не связана с экономическими причинами. Данный тезис они подтверждают следующими положениями:

1. если связь между уровнем доходов и рождаемостью и существует, то только обратная: семьи с меньшим доходом имеют большее количество детей;
2. в годы Великой Отечественной войны уровень рождаемости в России был выше, а уровень жизни несравнимо ниже, чем в наше время;
3. семьи верующих всегда более многодетны, независимо от уровня их дохода;
4. регионы России с традиционными национальными, религиозными, семейными устоями (Дагестан, Тува и др.) при тех же или более низких экономических показателях имеют гораздо более высокую рождаемость, чем районы с русским населением, потерявшим традиционные устои жизни [6. С. 83-85].

Отсюда делается вывод, снижение рождаемости обусловлено духовными, психологическими, культурными, религиозными, этнографическими, и в меньшей степени экономическими причинами, а это значит, что решение демографической проблемы не требует вложения больших денежных средств.

Современная демографическая политика России взаимосвязана с деятельностью ряда иностранных организаций, специализирующихся на контроле над рождаемостью и проводящих на российской территории свою демографическую политику. Например, Международная федерация планирования семьи (МФПС), Российская ассоциация планирования семьи (РАПС), Российское общество по контрацепции. Ими движет популярная на Западе идея, что для поддержания существующего уровня жизни необходимо

добиться нулевого прироста населения. Хотелось бы обратить внимание на проблему полового воспитания в российском обществе. В 1995 году, несмотря на многочисленные протесты населения, в России по инициативе РАПС, поддержанной затем Министерством образования и здравоохранения, началось принудительное внедрение "полового воспитания". Так же, как и контроль над рождаемостью, оно внедряется при финансовой поддержке и с подачи иностранных организаций. Первые опыты в этой области были начаты непосредственно РАПС. Отметим, что меры по планированию семьи направлены исключительно на сокращение рождаемости. Казалось бы, все должно быть наоборот, учитывая катастрофическое падение рождаемости в нашей стране, однако, о социальных мерах, направленных на увеличение молодой семьи, нет ни слова. Но их достаточно о контрацептивных средствах и о «безопасном сексе». В пресс-релизе Министерство образования РФ мотивирует необходимость введения полового просвещения школьников «резким ростом количества беременностей, аборт и заболеваний, передающихся половым путем, среди подростков, участвовавшими случаями сексуального насилия» [1. С. 35].

За время реализации проекта резко возросло количество детей, вступающих в ранние половые связи. Стало почти нормой вступление в половые связи с 15, 14 и даже 11 лет (известно, что добрачные половые связи наносят самый серьезный удар по семье и демографии). Только по официальной статистике, заболеваемость детей венерическими болезнями возросла в десятки раз. Анализ программ "полового воспитания" подтверждает, что все они ориентированы на изменение сознания детей, разрушение их нравственных устоев и формирование у них отрицательного образа многодетной семьи. Основным содержанием программ является идеология контроля над рождаемостью. "Половое воспитание" рассматривается его инициаторами как один из наиболее надежных методов снижения рождаемости [7. С. 136].

Оценивая сложившуюся демографическую ситуацию с точки зрения геополитического положения и национальных интересов России депопуляцию можно рассматривать как долгосрочный процесс.

Во-первых, депопуляция носит всероссийский характер и обусловлена кардинальными изменениями параметров воспроизводства населения – уровней рождаемости и смертности, приведших (начиная с 1992 г.) к устойчиво отрицательным значениям естественного прироста.

Во-вторых, это в значительной степени этническая проблема, затрагивающая в первую очередь основной государствообразующий этнос – русских.

В-третьих, депопуляция в нашей стране представляет собой долгосрочное явление, поэтому расчеты на быстрый выход из нее по мере устранения действия конъюнктурных социально-экономических, политических и демографических факторов безосновательны. Все это позволяет оценивать демографическую ситуацию в России не просто как депопуляционную, но как катастрофическую.

Анализ происходящих демографических процессов в России в условиях глобализации, с точки зрения национальной безопасности, позволяет понять сущность социальных причин острейшего демографического кризиса в современной России, а также всю цепь возможных негативных социальных последствий, представляющих непосредственную угрозу существованию российского общества в настоящем и будущем.

Во-первых, в условиях быстрого старения, депопуляции и вымирания населения России в XXI в. сложно будет поддерживать статус великой державы, вытекающий из ее геополитического положения, прежде всего в силу экономических факторов.

Во-вторых, проблематична ситуация в условиях демографического кризиса в области научно-технического прогресса. Только институты системы РАН и отраслевые институты лишились до 70 % сотрудников.

В-третьих, на фоне сокращения численности населения Россия в новом столетии рискует оказаться перед лицом необратимых изменений его этнического состава в связи с массивной нелегальной миграцией, в частности, китайцев на Дальний Восток, а также

трудоустройством населения преимущественно мусульманского вероисповедания из центральноазиатских и закавказских государств. Представляется, что при сохранении таких высоких темпов миграционных потоков и роста населения в неевропеизированных странах демографический прессинг на Россию и ее рынок труда в XXI в. будет неуклонно возрастать, в результате чего на фоне сокращения численности собственного населения Россия рискует оказаться перед лицом необратимых изменений этнокультурной ситуации в стране, этнического состава населения. То есть фактически речь идет о замене вымирающего населения России.

В-четвертых, в связи с ускоренным вымиранием населения серьезную озабоченность вызывают многочисленные территориальные претензии, предъявляемые сегодня к России со стороны различных стран.

В-пятых, депопуляция серьезнейшим образом отражается и на обороноспособности страны. Думается, что России уже в начале нового столетия придется столкнуться с серьезными военно-стратегическими проблемами. Страна уже сейчас испытывает большие трудности с комплектованием армии, основанной на всеобщем воинском призыве.

Примеры мировой истории достаточно убедительны: в прошлом нередко многочисленные для своего времени и, казалось бы, непобедимые народы бесследно исчезали в результате их завоевания и истребления, ассимиляции среди победителей или просто изгнания из мест исторического обитания. В новом тысячелетии Россия «создает исторический прецедент, когда большие народы в мирное время... могут исчезнуть только потому, что воспроизводство населения “сузилось” до уровня, не гарантирующего его выживания» [4. С. 16].

В свете вышеизложенного, в современном российском обществе для преодоления демографического кризиса необходимым представляется:

- коренное изменение концепции государственной демографической политики;
- придание демографической проблеме статуса приоритетного направления в работе органов законодательной и исполнительной власти;
- анализ всех принимаемых законодательных и нормативных ведомственных актов в свете проблемы демографической безопасности;
- пересмотр проекта полового воспитания российских школьников;
- изменение информационной политики, в частности: проведение многолетней рекламной кампании в СМИ, направленной на формирование положительного образа семьи, имеющей детей, в том числе многодетной;
- запрет на рекламу табачных и вино-водочных изделий (существующий во многих странах), как вредных для здоровья населения;
- рассмотрение возможности введения в школах предмета "Семья" в традиционном для России понимании этого важнейшего фактора процветания государства.

К сожалению, принимаемые сегодня государством меры по улучшению демографической ситуации в стране носят запоздалый характер, поскольку не уменьшают скорость депопуляционных процессов населения России, которое в перспективе может стать этническим меньшинством.

Библиографический список

1. **Аганбегян, А.** Преодоление депопуляции в России: впервые за последние 20 лет рождаемость сравнялась со смертностью / А. Аганбегян // Экон. стратегии. – 2013. – N 2. – С. 32-38.
2. **Андреев, Е.** Россия через 100 лет / Е. Андреев, А. Вишневецкий // В мире науки. - 2004. – N 8. – С. 70-77.
3. **Антонов, Г.** Демографические установки населения как объект государственной демографической политики / Г. Антонов // Власть. – 2013. – N 9. –С. 146-149.

4. **Глинский, В.В.** Тенденции демографической политики: сдержанный оптимизм третьего цикла / В.В.Глинский, Н.И.Овечкина // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – N 16. – С.14-18.
5. **Зверева, Н.В.** Рождаемость и развитие населения / Н.В. Зверева // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – N 8. –С.17-35.
6. **Кожевникова, Н.И.** Демографическое развитие России: современный вектор / Н.И. Кожевникова // Россия и совр. мир. – 2012. – N 4. – С.83-94.
7. **Родионова, Н.А.** Демографический кризис в России в контексте общественной трансформации / Н.А. Родионова // Россия и совр. мир. – 2012. – N 4. – С. 134-141.

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ PEDAGOGY AND EDUCATION

УДК 970

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

А. В. Гармонова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-58-54;

e-mail: garmonova2006@rambler.ru

Психолог Н.Б. Каткова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-97-49

e-mail: knb_ru@mail.ru.

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD of Political sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

A. V. Garmonova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-58-54;

e-mail: garmonova2006@rambler.ru

Psychologist N.B. Katkova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-97-49;

e-mail: knb_ru@mail.ru

А. В. Гармонова, Н. Б. Каткова

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО ДИЗАЙНА ВУЗОВСКОГО СООБЩЕСТВА

В статье рассматривается понятие «мотивация», исследуется динамика учебной мотивации студентов и психологические факторы, детерминирующие становление учебной мотивации.

Ключевые слова: мотивация, мотив, учебная мотивация, деятельность, личностные притязания, исследование

A. V. Garmonova, N. B. Katkova

TRAINING MOTIVATION AS A FACTOR OF THE UNIVERSITY COMMUNITY COMMUNICATION DESIGN

The article describes the concept of "motivation", the dynamics of students educational motivation and psychological factors that determine the formation of educational motivation are discussed in the article..

Keywords: motivation, motive, educational motivation, activity, personal claims, research

Система вузовского образования в последние несколько лет переживает серьезные административно-структурные изменения: укрупнение высших учебных заведений, переход на стандарты третьего и четвертого поколения и т. д. Все это важно, даже, может быть нужно, но в высшей школе остается нерешенным целый пласт проблем: качество получаемых знаний, нищенское существование большинства российских вузов, коррупция и многое другое. Тем не менее, высшая школа существует и работает благодаря студентам и для студентов, поэтому, главный вопрос, который будет обсуждаться в данной работе - необходимость не просто формирования мотивации к обучению, а анализ факторов, которые влияют на данный процесс.

Мотивация является одной из фундаментальных проблем, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Ее значимость связана с анализом источников активности человека, побудительных сил его деятельности и поведения. В самом общем плане мотив это то, что определяет, стимулирует, побуждает человека к совершению какого-либо действия, включенного в определяемую этим мотивом деятельность.

Исследованию проблемы мотивации учебной деятельности посвящены работы следующих психологов и педагогов: А.А. Вербицкого [1], А.И. Гебос [4], Е.П. Ильина [5], Т.И. Лях [6], А.К. Марковой [8] и других.

Однако, несмотря на большое количество работ в этой области многие вопросы остаются нерешенными. В частности, практически отсутствуют исследования, рассматривающие учебную мотивацию с точки зрения включения студента в учебную деятельность, а также динамику изменения мотивов в зависимости от смены форм учебной деятельности. Мотивация учебной деятельности студентов, по мнению исследователей, относится к числу профессионально значимых личностных характеристик. Она является как показателем, так и критерием успешности и качества профессионального становления будущего специалиста.

В особую группу по динамике учебной мотивации можно выделить студентов строительных специальностей. Социально-психологические исследования 90-х годов XX века констатируют, что основные мотивы поступления в технические вузы, в том числе и в строительные, в этот период были связаны либо с отсрочкой от армии, либо с легкостью поступления. Поэтому неудивительно, что характерными личностными особенностями технических специалистов были низкий уровень притязаний, низкая потребность в достижениях, отсутствие интереса к самосовершенствованию. Однако происходящие в стране в последние годы позитивные социально-экономические сдвиги, бурное развитие урбанизации, ультрасовременных технологий повлекло за собой и перемену отношения к профессии строителя. Высококласные представители данной профессии становятся все более востребованными. Повысились требования и к личности строительного специалиста.

Данная статья стала результатом исследования, которое проводилось в Воронежском ГАСУ среди студентов 1,3 и 4 курсов. Как свидетельствуют данные проведенного нами опроса у первокурсников отношение к будущей профессии как следствие правильного профессионального выбора, а также адекватности и полноты представления студента о профессии, еще не носит выраженного характера, но с приобретением профессиональных знаний, студенты осмысливают понимание своей будущей специальности и себя в профессии.

Таким образом, многие проблемы, связанные с общим развитием мотивационно-личностной сферы студентов технических специальностей, и поддержанием профессиональной и учебной мотивации, еще недостаточно изучены. Особенно мало работ, посвященных исследованию этих психических феноменов у студентов строительных специальностей.

Результаты анкетирования заставили заняться изучением определяющих мотивов учебной деятельности, обеспечивающих ориентацию студентов на качественное овладение профессией; необходимость выявления психологических факторов, определяющих мотивационно-личностную сферу для поддержания профессиональной и учебной мотивации студентов в процессе обучения в вузе и недостаточную изученность проблемы, связанной с общим развитием мотивационно-личностной сферы студентов, особенно это касается студентов технических специальностей.

С целью повышения учебной мотивации студентов Воронежского ГАСУ была разработана и реализована диагностическая программа исследования динамики учебной мотивации студентов, призванная выявить взаимосвязи специфики учебной мотивации и психологических факторов, детерминирующих ее становление.

В настоящее время мотивация как психическое явление трактуется по-разному. В одном случае – как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т.е. определяющих поведение (К. Мадсен, Ж. Годфруа) [6], в другом случае – как совокупность мотивов (К.К. Платонов [9]), в третьем – как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность. Кроме того, мотивация рассматривается как процесс психической регуляции конкретной деятельности (М.Ш. Магомед – Эминов [7]), как совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность (В.К. Вилюнас [3]).

Множественность подходов к пониманию сущности понятия мотивация позволили в качестве рабочего понятия выбрать понятие Л.И. Божович [2] и А.М. Марковой [8] и определить учебную мотивацию как частный вид мотивации и первый компонент структуры учебной деятельности, характеризующийся совокупностью познавательных (внутренних) и социальных (внешних) и личностных (смыслообразующих) мотивов учения.

Эмпирическое исследование состояло из нескольких этапов:

1. подбор психодиагностического инструментария для достижения цели эмпирического исследования;
2. организовано поэтапное эмпирическое исследование;
3. проанализированы и интерпретированы полученные результаты;
4. разработаны психолого-педагогические рекомендации по изучению и повышению учебной мотивации студентов в процессе обучения в вузе для заместителей деканов по воспитательной работе и кураторов учебных групп.

Экспериментальную базу составили студенты Воронежского ГАСУ 1-го, 3-го и 4-го курсов в количестве. Исследование проводилось с одним и тем же контингентом на разных курсах с 2010 по 2013 год.

В исследовании были задействованы следующие методики:

- 1) Методика изучения мотивации обучения в вузе (Т.И. Ильина) [5];
- 2) Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин) [11];
- 3) Методика для диагностики личностной мотивации, ориентированной на успех и на избегание неудачи. МУН (А. Реан) [11];
- 4) Опросник для изучения особенностей личностных притязаний (В. Гербачевский) [11].

Результаты проведения исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Основными психологическими факторами, определяющими мотивы учебной деятельности студентов в процессе обучения в вузе являются направленность личностной мотивации на успех или на избегание неудач, а также индивидуально-личностные особенности студента.

2. Динамика результатов исследования по «Методике изучения мотивации обучения в вузе» Т.И. Ильиной показывает, что учебная мотивация студентов от 1 к 4 курсу имеет тенденцию к снижению внешней учебной мотивации (на получение диплома) на 13, 5%, к увеличению внутренней учебной мотивации (на получение знаний) на 6,4%, и к увеличению учебной мотивации на овладение профессией на 7,1%.

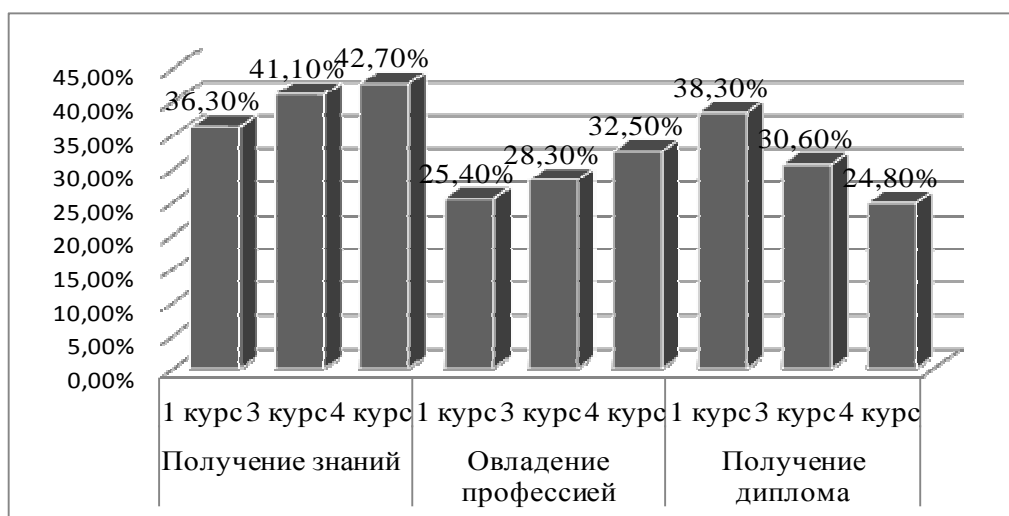

Рис. 1. Динамика распределения направленности учебной мотивации у студентов 1, 3 и 4 курсов (по методике Т.И. Ильиной)

3. С помощью методики изучения учебной мотивации студентов А.А. Реан и В.А. Якунина нам удалось определить специфику учебной мотивации студентов и ее возможное изменение в процессе обучения в вузе. В соответствии с этим в сводных данных по результатам исследования данной методики имеется 16 типов мотивации обучения в вузе: 1) Стать высококвалифицированным специалистом; 2) Получить диплом; 3) Успешно продолжить обучение на последующих курсах; 4) Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично»; 5) Постоянно получать стипендию; 6) Приобрести глубокие и прочные знания; 7) Быть постоянно готовым к очередным занятиям; 8) Не запускать предметы учебного цикла; 9) Не отставать от сокурсников; 10) Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности; 11) Выполнять педагогические требования; 12) Достичь уважения преподавателей; 13) Быть примером сокурсникам; 14) Добиться одобрения родителей и окружающих; 15) Избежать осуждения и наказания за плохую учебу; 16) Получить интеллектуальное удовлетворение.

Для анализа нами определялась частота называния мотивов в числе наиболее значимых по всей обследуемой выборке. На основании полученных результатов определялось ранговое место мотива в данной выборочной совокупности.

Динамика результатов исследования по «Методике для диагностики учебной мотивации студентов» А.А. Реан и В.А. Якунина с 1-го по 4-ый курсы демонстрирует тенденцию к снижению значимости для студентов внешнего учебного мотива на получение диплом с 1-ого до 3-его места, увеличение значимости внутреннего учебного мотива на приобретение глубокий и прочных знаний с 3-его до 2-ого места и увеличение значимости профессионального мотива - стать высококвалифицированным специалистом со 2-ого на 1-ое место.

Сводные данные по методике приведены в таблице 1, результаты исследования по данной методике на 1 курсе представлены на рисунках 2,3.

Таблица 1

Сводные результаты исследования по «Методике для диагностики учебной мотивации студентов» А.А. Реана и В.А. Якунина

№ мотива	1 курс		3 курс		4 курс	
	Количество названий мотива	Ранг мотива R	Количество названий мотива	Ранг мотива R	Количество названий мотива	Ранг мотива R
1	24	11	29	10	30	9
2	29	12	22	8	20	7
3	17	9	15	6	13	6
4	12	6	11	4	11	4
5	14	8	13	5	12	5
6	18	10	23	9	28	8
7	3	3	2	2	1	1
8	2	2	1	1	0	0
9	5	4	7	3	8	3
10	13	7	17	7	20	7
11	0	0	0	0	0	0
12	1	1	0	0	0	0
13	1	1	1	1	0	0
14	1	1	1	1	0	0
15	2	2	1	1	0	0
16	8	5	7	3	7	2

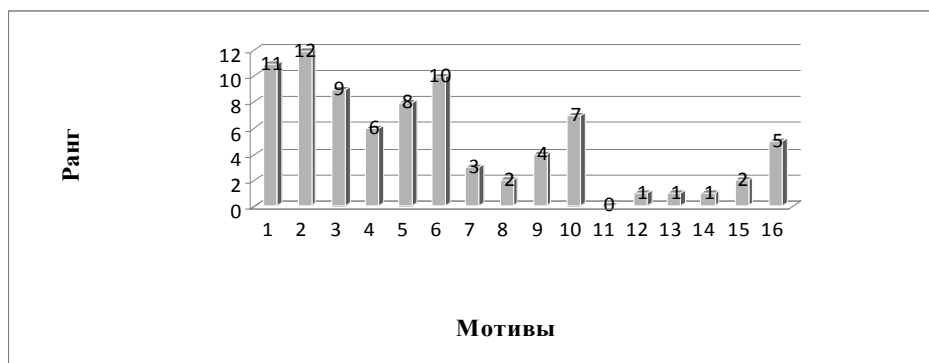

Рис. 2. Распределение значимости учебных мотивов у студентов по результатам исследования на 1 курсе (по методике А.А. Реана и В.А. Якунина)

Результаты исследования по данной методике на 4 курсе представлены на рисунке 3.

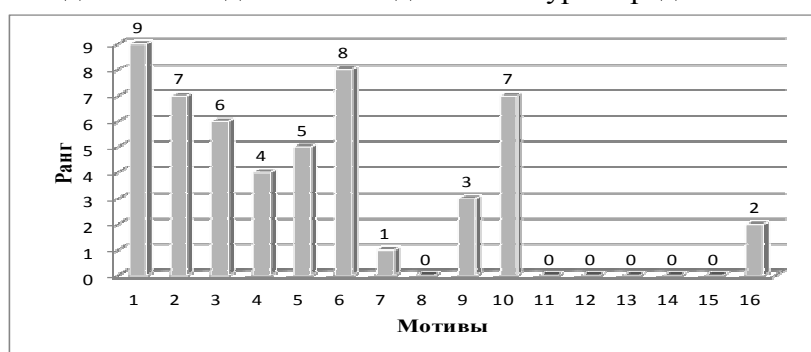

Рис. 3. Распределение значимости учебных мотивов у студентов по результатам исследования на 4 курсе (по методике А.А. Реана и В.А. Якунина)

4. С помощью «Методики для диагностики личностной мотивации, ориентированной на успех и на избегание неудач» А. Реана нам удалось определить тип личностной мотивации студентов, ориентированной на успех или на неудачу, а также взаимосвязь личностной мотивации с направленностью и спецификой учебной мотивации испытуемых. Динамика результатов по с 1-го по 4-тый курсы демонстрирует снижение личностной мотивации у студентов, ориентированной на избегание неудачи; и увеличение личностной мотивации у студентов, ориентированной на успех (на 29,9% соответственно). Результаты исследования приведены в рисунке 4.

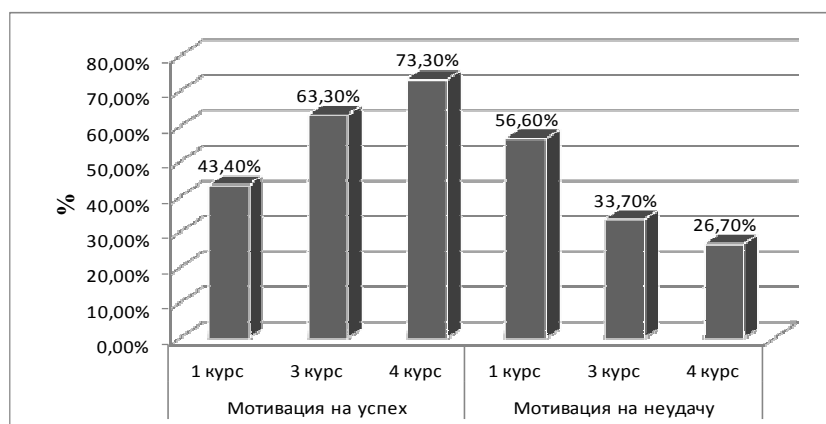

Рис. 4. Динамика распределения личностной мотивации, ориентированной на успех и на избегание неудач у студентов по результатам исследования на 1, 3 и 4 курсах (по методике А. Реана)

5. И, наконец, с помощью методики «Опросник для определения особенностей личностных притязаний» В. Гербачевского мы изучили особенности личностных притязаний студентов и их динамику в процессе обучения в вузе для определения взаимосвязи между индивидуально-личностными особенностями испытуемых, типом личностной мотивации и направленностью и спецификой учебной мотивации. Для достижения данной задачи нашего эмпирического исследования для анализа и сравнения мы выделили в методике 8 компонентов мотивационной сферы личности, а именно: компонент №2 – познавательный мотив, характеризующий субъекта как проявляющего интерес к результатам своей деятельности; компонент №3 – мотив избегания, свидетельствующий о боязни показать низкий результат со всеми вытекающими из этого последствиями; компонент №4 – состязательный мотив, демонстрирующий, насколько субъект придает значение высоким результатам в деятельности других субъектов; компонент №6 – мотив самоуважения, выражающийся в стремлении субъекта ставить перед собой все более и более трудные цели; компонент №7 – придание личностной значимости результатам деятельности; компонент №9 – проявление волевого усилия, выражающий оценку степени выраженности волевого усилия в ходе работы; компонент №11 – оценка своего потенциала; и компонент №15 – инициативность, выражающийся в проявлении индивидом инициативы и находчивости при решении поставленных перед собой задач.

Динамика результатов по «Опроснику для определения особенностей личностных притязаний» В. Гербачевского показала сдвиги в положительном направлении от 1-го к 4-ому курсу по следующим показателям: проявление интереса к результатам своей деятельности (2); боязнь показать низкий результат (3); придание значения высоким результатам в деятельности других субъектов (4); стремление субъекта ставить перед собой все более и более трудные цели (6); придание личностной значимости результатам деятельности (7); и нулевые сдвиги от 3-его к 4-ому курсу по следующим показателям: проявление волевого усилия в ходе работы (9); оценка своего потенциала (11); и инициативность (15). Результаты исследования приведены в рисунке 5, 6.

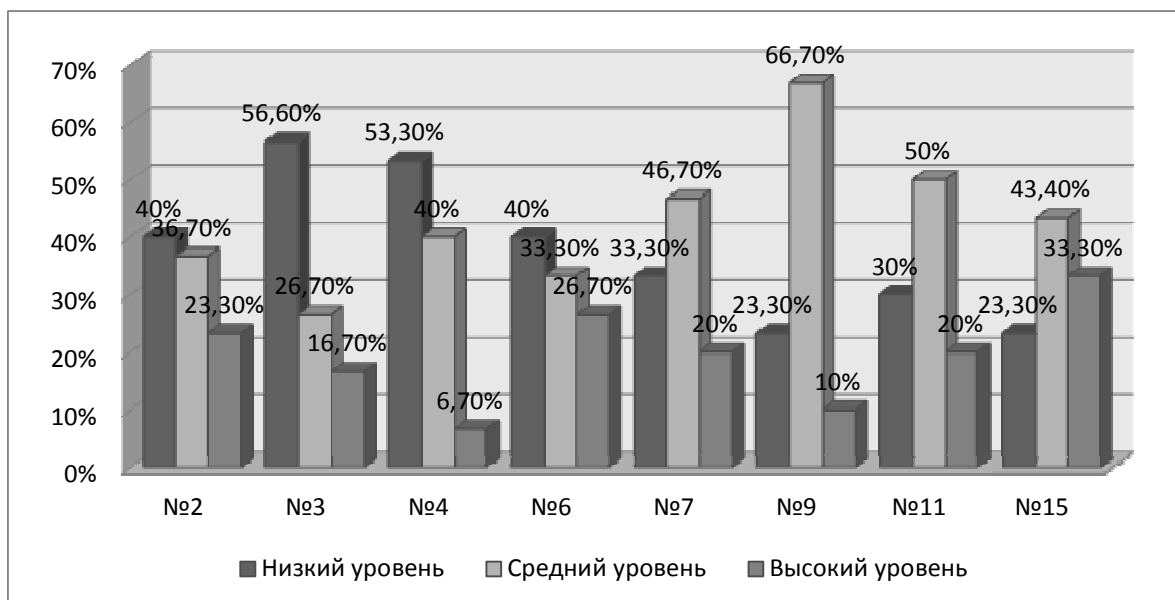

Рис. 5. Распределение особенностей личностных притязаний у студентов по результатам исследования на 1 курсе (по методике В. Гербачевского)

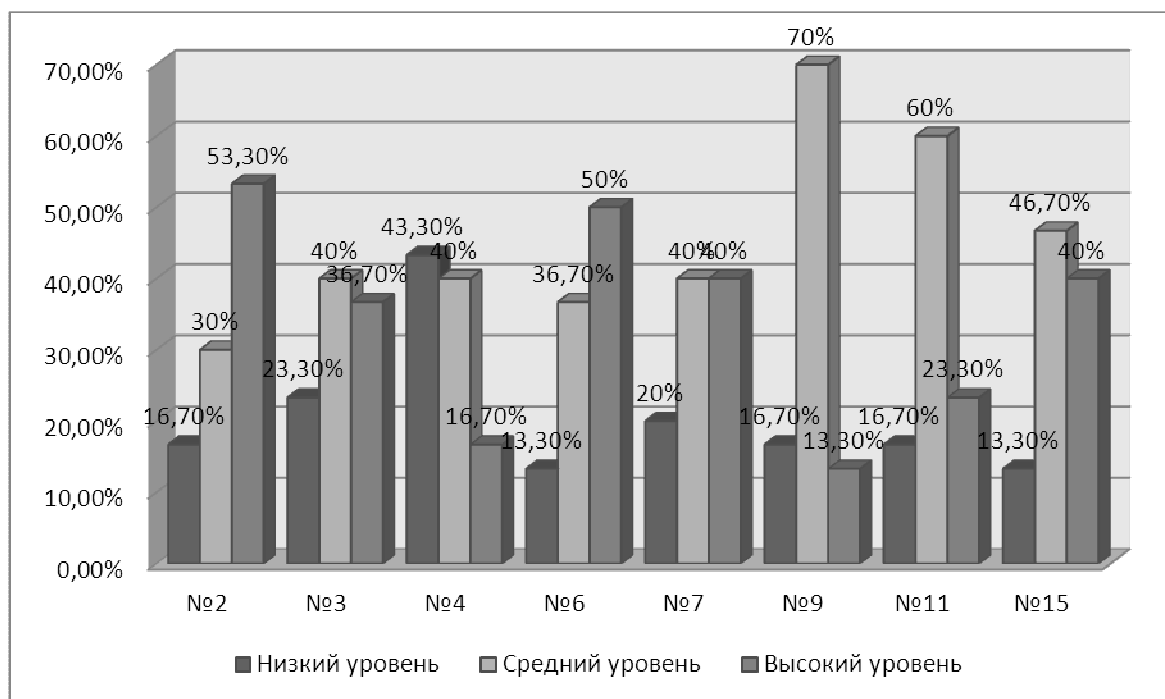

Рис. 6. Распределение особенностей личностных притязаний у студентов по результатам исследования на 4 курсе (по методике В. Гербачевского)

Математическая обработка результатов исследования с помощью критерия G и коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволили сделать следующее заключение по эмпирическому исследованию:

1) У студентов в процессе обучения в вузе имеется тенденция к снижению внешней учебной мотивации (на получение диплома), к увеличению внутренней учебной мотивации (на получение знаний) и к увеличению учебной мотивации на овладение профессией.

2) Между спецификой учебной мотивации и такими психологическими факторами, как направленность личностной мотивации на успех или избегание неудач и индивидуально-личностными особенностями студентов имеется следующая взаимосвязь:

- у студентов с доминирующими внутренними учебными мотивами на получение знаний и профессиональными учебными мотивами на овладение профессией доминируют личностные мотивы, ориентированные на успех и отмечается тенденция к повышению уровня таких индивидуально-личностных качеств, как заинтересованность результатами своей деятельности, боязнь показать низкий результат, ориентация на высокие результаты в деятельности других студентов, стремление ставить перед собой все более и более трудные цели и придание личностной значимости результатам деятельности;

- у студентов с доминирующими внешними учебными мотивами на получение диплома доминируют личностные мотивы, ориентированные на избегание неудачи, а вышеперечисленные индивидуально-личностные качества не являются доминирующими;

- а такие индивидуально-личностные качества, как умение проявлять волевые усилия, оценивать свой потенциал и проявлять инициативу не зависят от специфики учебного мотива и одинаково проявляются у студентов, как с доминирующими внутренними учебными мотивами, так и внешними.

В качестве *психолого-педагогические рекомендации* по изучению и повышению учебной мотивации студентов в процессе обучения в вузе для психологической службы вуза нами разработаны следующие:

1) Для эффективности изучения, а в дальнейшем и развития, учебной мотивации студентов в процессе обучения в вузе целесообразно ее проводить, начиная с первого курса.

2) Развитие внутренних учебных мотивов эффективно проводить на тренингах личностного роста студентов, направленных на повышение личностной мотивации, ориентированной на успех в деятельности.

3) На тренингах личностного роста для повышения учебной мотивации студентов целесообразно использование психолого-педагогических технологий, которые способствовали бы развитию таких индивидуально-личностных качеств студента, как заинтересованность результатами своей деятельности, боязнь показать низкий результат, ориентация на высокие результаты в деятельности других студентов и стремление ставить перед собой все более и более трудные цели.

Библиографический список

1. **Вербицкий, А.А.** Развитие мотивации студентов в контекстном обучении / А.А. Вербицкий, Н.А. Бакшаева. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. – 200 с.
2. **Божович, Л.И.** Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л.И. Божович. - М., 1972. – 168 с.
3. **Вилюнас, В.К.** Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. - М., 1990. – 324 с.
4. **Гебос, А.И.** Психологические условия формирования положительной мотивации к учению / А.И. Гебос // Вопросы психологии. – 2003. – №4. – С. 11-17
5. **Ильин, Е.П.** Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. - СПб: Изд-во «Питер», 2006. - 512 с
6. **Лях, Т.И.** Опыт экспериментального формирования личностно значимого мотива учения / Т.И. Лях. – Тула: изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2004. – 133 с.
7. **Магомед-Эминов, М.Ш.** Мотивация и контроль за действием / М.Ш. Магомед-Эминов, И.А. Васильев. – М.: МГУ, 1991. - 144 с.
8. **Маркова, А.К.** Формирование мотивов учения / А.Б. Орлов, А.К. Маркова, Т.А. Матис. - М.: Просвещение, 1990. -168 с.
9. **Платонов, К.К.** Структура развитие личности / К.К. Платонов // Под ред. А.Д. Глаточкина. – М.: Ин-т психологии, 1986. - 254 с.
10. **Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие / Ред-сост. Д.Я. Райгородский.** – Самара.: Изд. Дом «Бахрах», 2002. – 672 с.
11. **Реан, А.А.** Психодиагностика личности в педагогическом процессе / А.А. Реан. - СПб., 1990. – 458 с.

УДК 37.06

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Ассистент кафедры философии, социологии и истории Е. М. Гурина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: anteia25@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Assistant of Philosophy, Sociology and History Chair E.M. Gurina.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: anteia25@mail.ru*

Е. М. Гурина

**ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ
(НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГАСУ)**

В данной статье рассматриваются основные механизмы воспитательной работы со студентами и их формы на примере структуры воспитательной работы Воронежского ГАСУ. Анализируются основные компоненты этой структуры, а так же функции каждого из них.

Ключевые слова: воспитательная работа, Департамент молодежной политики и внешних связей, институт кураторства, заместитель декана по воспитательной работе, гармонично развитая личность.

E. M. Gurina

**PEDAGOGICAL COMPONENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS
(ON THE EXAMPLE OF THE VORONEZH SUACE)**

The basic mechanisms and forms of pedagogical work with the students on the example of Voronezh SUACE pedagogical work structure are considered in the article. The main components of the structure as well as the functions of each them are analyzed.

Key words: pedagogical work, the Department of Youth Policy and External Relations, the mentorship, associate dean of pedagogical work, harmoniously developed personality.

Студенчество занимает особое положение в социальной структуре общества, так как оно отличается высоким уровнем стремления к личностному и профессиональному самоутверждению, творческим потенциалом, активным интересом к практическому участию в социальных преобразованиях России, собственным отношением к различным сторонам общественной жизни страны, собственными социальными ориентациями, и в недалеком будущем выступают определяющей силой социально-политического, экономического и культурного развития России [1].

Процесс обучения в любом заведении высшего и среднего профессионального образования всегда предполагает наличие воспитательного компонента.

Воспитательный компонент работы в данной системе является неотъемлемой составляющей подготовки специалиста в вузе. Он неразрывно связан с учебным и научным процессами, включает в себя как учебный, так и внеучебный временной период, а так же призван влиять на все категории обучающихся. Главная цель воспитательного процесса – подготовить творчески мыслящих и гармонично развитых специалистов, обладающих глубокими профессиональными знаниями и высокими гражданскими качествами.

Цели и задачи воспитания: воспитание высоконравственной, духовно развитой и физически здоровой личности – гражданина и патриота России, способной к высококачественной профессиональной деятельности и ответственности за принимаемые решения; формирование у студентов социальных компетентностей, нравственных, духовных и культурных ценностей и потребностей; создание условий для интеллектуальной и творческой самореализации

личности [2]. Воспитательная деятельность в вузе должна формировать у студентов таких личностных качеств как трудолюбие, организованность, дисциплинированность, ответственность.

В современных условиях более эффективные результаты в области воспитания студентов могут быть получены при гармоничном сочетании различных методов: административных, педагогических, причем в связи с механизмами студенческой самостоятельности, самоорганизации и самоуправления. Необходимо соединение личностных ориентиров человека и общественных интересов; органичное включение воспитательной деятельности, конкретных мероприятий в процесс профессионального становления студентов (учебный процесс, научно-исследовательская работа); максимальное использование при выборе и реализации направлений и форм работы со студентами возможности ведения диалога и поиска конструктивного компромисса; активное использование профессионально-корпоративных возможностей (традиций кафедры, факультета, вуза, отрасли, примеров жизни и деятельности референтных личностей - авторитетных учёных, педагогов, специалистов) для формирования чувства корпоративности, сопричастности студентов к лучшим традициям отрасли, вуза, факультета, кафедры; создание атмосферы подлинной и постоянной заботы о студентах, их социально-педагогической поддержки; формирование планов воспитательной деятельности и проведение мероприятий на основе изучения интересов студентов; ориентация содержания и форм внеаудиторной работы со студентами на активность и деятельность самих студентов, на проявление ими самостоятельности в организации и проведении мероприятий; использование в воспитательной деятельности положительного влияния наиболее активных, увлечённых, целеустремлённых, способных и успешных студентов на своих сокурсников; формирование установки на естественность, престижность и почетность участия студента во внеаудиторной жизни вуза (культурной, спортивной, научно-технической и т.п.) [3].

Все это в тех или иных формах реализуется в Воронежском ГАСУ, что подтверждено Уставом Воронежского ГАСУ. Согласно Уставу основными задачами Воронежского ГАСУ помимо обучения и развития науки являются: (нумерация согласно Уставу)

- 5) сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества;
- 6) воспитание у обучающихся чувства патриотизма, любви и уважения к народу, национальным традициям и духовному наследию России, бережного отношения к репутации ВУЗа;
- 7) формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии [4].

Теперь подробнее о механизмах, в рамках которых может осуществляться данная воспитательная работа.

Итак, работа со студентами традиционно начинается на первом курсе или ранее, сразу после поступления путем проведения вводного инструктажа по основным правилам поведения в вузе. Первокурсники сталкиваются с тем, что они фактически становятся маргиналами в студенческой среде, так как они еще не до конца осуществили переход между школьниками и студентами, школьниками они уже формально быть перестали, но старые установки еще не забыты. И хоть они стали студентами, новые навыки и установки еще не приобретены. Таким образом, на новом месте они продолжают реализовывать старые установки, проверенные десятком лет, проведенных в школе. Но старые правила не работают на новом месте. Между школой и вузом есть период абитуры, но он слишком короток, чтобы полностью подготовить бывших школьников. Многие психологи соглашались, что раньше, до введения ЕГЭ, школьники лучше успевали морально подготовиться к будущему обучению, так как сдавали несколько экзаменов в два этапа – сначала по окончании школы, потом для поступления в вуз. За этот период абитуриенты успевали осознать, что начинается новый период их жизни, и ресоциализация в вузе занимала у них всего один семестр. Что касается современных абитуриентов, экзамены они сдают один раз, время для сдачи весьма коротко, и

недавние школьники не успевают осознать всю важность момента и понять, что они больше не в школе, и что надо усваивать новые правила поведения. Их ресоциализация заканчивается лишь на втором курсе. Практически весь первый год обучения они ведут себя как школьники, что влечет за собой ряд серьезных проблем:

- низкая академическая успеваемость;
- отсутствие мотивации к личностному и профессиональному самосовершенствованию,
- отсутствие мотивации к творчеству и активной работе,
- низкая культура поведения,
- нонконформизм и отсутствие активной гражданской позиции,
- низкий уровень толерантности из-за отсутствия правовой культуры.

Все эти факторы создают проблемы для реализации учебного и воспитательного процесса в стенах вуза. Для разрешения первых проблем и минимизации их появления в будущем и существует система воспитательных мероприятий вуза.

В рамках Воронежского ГАСУ существует Департамент молодежной политики и внешних связей, который делится на две основные подструктуры: Управление внешних связей и Управление воспитательной работы и молодежной политике, последний и занимается осуществлением молодежной политики и воспитательной работы со студенчеством на всех курсах. В его структуру входят информационно-методический отдел, отдел внеучебной работы, отдел профилактики асоциальных явлений и патриотического воспитания, отдел «Студенческий клуб», отдел «Спортивный клуб». Важной функцией данного управления является осуществление тесной взаимосвязи с деканами, заместителями деканов по воспитательной работе, кураторами.

Для управления воспитательной деятельностью практически на факультете введена должность заместителя декана по воспитательной работе, который решает основные задачи воспитательного процесса.

К функциями заместителя декана по воспитательной работе можно отнести:

- формирование основных направлений воспитания на факультете, разработка программы и планов воспитания с учётом мнения профессорско-преподавательского коллектива, а также мнения студенческого актива;
- изучение и анализ информационных материалов о студентах-первокурсниках (результаты вступительных экзаменов, анализ результатов первичного анкетирования и индивидуальных бесед с первокурсниками), формирование на этой основе студенческого самоуправления в группах,
- ознакомление студентов с Уставом, структурой, историей и традициями вуза с правами и обязанностями студентов, правилами поведения в вузе и в студенческих общежитиях;
- изучение государственных стандартов, учебных планов, предметных программ с целью выявления их воспитательного потенциала и возможностей использования в воспитательной деятельности учебных курсов по гуманитарному и социально-экономическому блоку, естественнонаучных и технико-технологических дисциплин;
- развитие взаимодействия преподавателей факультетов и представителей общеузовских кафедр высших учебных заведений с целью повышения эффективности воспитания студентов;
- участие в разработке и проведении общеузовских мероприятий, согласование программ и планов воспитательной работы.
- изучение и анализ социологических и психологических данных о студентах, их способностях и индивидуальных особенностях;
- планирование и реализация совместно со студенческим активом воспитательных мероприятий, формирование организаторских умений и навыков, избрание старосты учебной группы, а также представителей в курсовые, факультетские и вузовские органы студенческого самоуправления, студенческие профсоюзные, спортивные, научно-исследовательские, творческие и другие общественные организации;

- изучение и анализ социально-психологического климата в студенческой группе, создание атмосферы доверия, взаимопомощи и сотрудничества в учебной группе;
- обеспечение реализации задач воспитательной деятельности в группе.

Естественно, заместитель декана по воспитательной работе не способен один выполнять такой объем работы. Тут ему на помощь приходят кураторы. Кураторы назначаются из числа преподавателей, имеющих опыт и интерес к воспитательной работе.

Институт кураторства призван решить те проблемы социализации первокурсников, про которые говорилось выше. Они должны социализировать новых студентов обстановке вуза. В Воронежском ГАСУ куратор работает с группой на первом курсе с одной группой, этого времени обычно достаточно для того, чтобы вжиться в студенческую среду, понять предъявляемые требования и научиться их выполнять. Многие учащиеся отмечают, что спорные вопросы по поводу их академических проблем успешнее всего решает куратор, так как он знает группу и отдельных студентов лучше, чем другие преподаватели, читающие учебные курсы в течение одного года или семестра [5. С. 72–74].

Куратор – это профессиональная функция преподавателя вуза, связанная с педагогической поддержкой студентов, не как детей, а как взрослых обучающихся.

Работа куратора на первом курсе сложна и кропотлива. За один год предстоит сформировать коллектив группы, изучить личность каждого обучающегося, обеспечить его индивидуальное развитие. Куратор должен:

- помочь студенту преодолеть трудный жизненный период,
- содействовать адаптации студента в новом учебном заведении,
- содействовать гармоничному и многостороннему развитию каждого студента в группе,
- поддерживать и контролировать учебную деятельность студента,
- содействовать творческому развитию студентов.

Куратор также:

- осуществляет связь студентов с руководством факультета,
- организует выборы актива группы в начале учебного года (староста группы, культорг, профорг),
- связывается с родителями студентов,
- участвует в родительских собраниях,
- объяснить правила проживания в общежитиях, посещать общежития, контролировать порядок в них,
- взаимодействует с Департаментом молодежной политики и внешних связей.

В образовательном процессе вуза необходимо соблюдение условий, при которых воспитательная работа будет эффективна:

1. надежная и охватывающая всех студентов диагностика эффективности их профессионально-личностного развития, систематический мониторинг уровня сформированности важнейших личностных и профессиональных качеств будущих специалистов;
2. реальная дифференциация и индивидуализация профессионального воспитания, основанная на результатах мониторинга профессионально-личностного развития студентов;
3. куратор должен быть знаком с возрастными психофизиологическими особенностями студентов, с особенностями их потребностно-мотивационной сферы, с психологией межличностного взаимодействия и психологией учебной группы;
4. будущим специалистам должны быть предъявлены эталоны, образцы, задающие планку требований студента к себе, как представителю своей профессии;
5. должны быть обеспечены реальные условия самооценки для сравнения себя с другими, формирование на этой основе собственных перспектив профессионального и личностного роста;

6. студент должен видеть и понимать динамику позитивного и устойчивого профессионально-личностного развития, сам должен оценивать, насколько он приблизился к задаваемому им самим эталону;
7. должен быть предложен ряд вариантов социально полезной профессионально-ориентированной практической деятельности;
8. куратору необходимо включить каждого студента в социально-полезную деятельность, в занятия творческих коллективов и общественных объединений, в работу различных клубов, объединений и отрядов;
9. должны быть созданы реальные возможности и стимулы для активного взаимодействия будущего специалиста с культурой и искусством, освоения им лучших образцов художественного творчества, постижения культуры [6].

Формы работы куратора с группой весьма разнообразны:

- информационная работа: беседы, встречи, кураторские часы,
- походы в музеи, театры и т.д.,
- организация мероприятий факультета,
- участие в мероприятиях вуза.

Староста группы, культорг и профорг являются важными звеньями студенческого самоуправления.

Староста выбирается, а затем назначается из числа наиболее ответственных и успевающих студентов на весь период обучения. Куратор, зам.декана или декан осуществляют контроль за выполнением функций, возложенных на старосту. Староста выполняет следующие функции:

- является образцом поведения и хорошей учебы в группе (в определенных случаях при низкой академической успеваемости или непосещения занятий староста может быть переизбран),
- своевременно передает информацию, полученную от руководства факультете всем студентам группы,
- староста раз в неделю или по специальным распоряжениям посещает особые собрания – старостат, которые инициируются Профкомом студентов. Информацию, полученную на данных собраниях он обязан донести до сведения группы,
- регулярно, аккуратно и достоверно заполнять журнал посещаемости группы на протяжении всего периода обучения,
- разрешает конфликтные ситуации в группе, и при необходимости привлекать к их решению куратора, зам.декана или декана.

К сожалению, бывают ситуации, когда студенты в группе еще не успели хорошо узнать друг друга и выбранный староста не справляется со своими обязанностями из-за отсутствия необходимых качеств. В этом случае группа имеет право переизбрать старосту большинством голосов в присутствии и с согласия куратора, зам.декана или декана.

Профорг учебной группы является связующим звеном между группой и Профкомом студентов Воронежского ГАСУ, подотчетен как руководству факультета, так и Профкому студентов. Профорг, как и староста раз в неделю или по специальным распоряжениям посещает особые собрания – старостат, которые инициируются Профкомом студентов. Информацию, полученную на данных собраниях он так же обязан донести до сведения группы. Профорг также:

- информирует малообеспеченных студентов о возможности получения материальной помощи и социальной стипендии,
- разъясняет студентам их права и обязанности,
- информирует о текущей деятельности профкома студентов вуза,
- информирует своих одноклассников об условиях получения повышенной стипендии.

Культурорг также избирается большинством голосов на общем собрании группы, непосредственно подчиняется руководству факультета. Особенности работы культурорга в том, что он:

- составляет списки студентов-активистов, занимающихся музыкой, танцами, спортом и т.д.
- помогает куратору в организации походов группы в музеи, кино, театры,
- помогает куратору в организации посвящения в первокурсники,
- помогает в организации, проведении и участии творческих конкурсов, таких как Золотая осень и Студенческая весна,
- организывает посещаемость студентов своей группы культурно-массовых мероприятий вуза,
- может быть инициатором культурно-массовых мероприятий.

Актив группы практически всегда участвует во всех мероприятиях вуза, эти студенты работают волонтерами в ряде программ, участвуют в программе «Студенческий лидер» и т.д. По итогам своей работы актив группы также может претендовать на такие поощрения как повышенная стипендия, экскурсии, поездки.

Данная структура, функционирующая в Воронежском ГАСУ, создает эффективную вертикаль, связывающую Департамент молодежной политики и Профком студентов – Декан – заместитель декана по воспитательной работе – куратор – староста, профорг, культурорг – студенты. Данная схема весьма условна, однако она дает четкое представление о механизме воспитательной работы Воронежского ГАСУ.

Так же нельзя забывать про такую важную форму воспитательной работы со студентами как научно-исследовательская деятельность. Научно-исследовательская работа студентов призвана формировать профессиональный облик специалиста любого профиля. Студенты, участвуя в научной работе, вовлекаются в процесс создания материальных и духовных ценностей. Воспитательный аспект научного творчества студенческого нельзя недооценивать, он имеет большое значение в деле формирования личных качеств будущего специалиста, из-за творческого настроения, жажды знаний, постоянного научного поиска.

Научная деятельность воспитывает у студентов высокую культуру мышления, пробуждает у них подлинную сознательность и активность в выборе и проведении определенных решений, стремление к проникновению в сущность вещей, а именно эти качества столь необходимы современному специалисту. Совместное научное творчество ученых, преподавателей, студентов, аспирантов – самый эффективный, проверенный практикой путь развития потенциальных способностей, становления характера исследователя, воспитания инициативы, ответственности, трудолюбия, потребности и навыков постоянного самообразования в будущем [7]. Научно-исследовательская работа активно реализуется в Воронежском ГАСУ через организацию студенческих конференций, олимпиад, научных конкурсов и т.д.

Таким образом, можно сказать, что в стенах Воронежского ГАСУ успешно реализуются все направления воспитательной работы со студентами, позволяющими им стать не только профильными специалистами, но и гармонично развитыми людьми.

Библиографический список

1. Рекомендации по организации воспитательного процесса в вузе (приложение к письму Минобрнауки РФ от 22.02.2006 г. № 06-197) // Официальные документы в образовании. – 2006. – № 17.
2. Там же.
3. Там же.
4. Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Воронежский государственный

архитектурно строительный университета». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.profkom-vgasu.ru/upload/profkom_doc/Ustav_VGASU.pdf

5. **Гришаев, О.В., Щербакова, М.В.** Профессиональная роль куратора / О.В. Гришаев, М.В. Щербакова // Аккредитация в образовании. – 2009. - №7. – С. 72–74.

6. Там же.

7. Рекомендации по организации воспитательного процесса в вузе (приложение к письму Минобрнауки РФ от 22.02.2006 г. № 06-197) // Официальные документы в образовании. – 2006. – № 17.

УДК 378.14+004.588

*Воронежский институт государственной
противопожарной службы
Преподаватель кафедры прикладной математики и
инженерной графики
О. Е. Дорохова.
Россия, г. Воронеж, тел.(4732) 236-33-05;
e-mail: dorochova_olga@mail.ru*

*Voronezh Institute of State Firefighting Service of
EMERCOM of Russia
The lecturer of the chair of Applied Mathematics and
Descriptive Geometry
O .E. Dorokhova.
Russia, Voronezh, tel. (4732) 363-305;
e-mail: dorochova_olga@mail.ru*

О. Е. Дорохова

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В АДАПТИВНОЙ СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

В статье представлен анализ понятий адаптивной системы обучения и учебного реабилитационного процесса, предложен вариант организации учебного реабилитационного процесса в адаптивной системе обучения с использованием электронных образовательных ресурсов нового поколения, подведены итоги: выявлены положительные стороны и недостатки.

Ключевые слова: адаптивная система обучения, учебный реабилитационный процесс, электронные образовательные ресурсы нового поколения.

О. Е. Dorokhova

THE REHABILITATION PROCESS ORGANIZATION IN THE ADAPTIVE LEARNING SYSTEM OF DEPARTMENTAL SCHOOLS

The main concepts of an adaptive learning system and rehabilitation training process are analyzed in the article. The rehabilitation process which combines the new generation of educational resources with the adaptive learning system is discussed. The conclusions are made, positive and negative aspects are considered.

Key words: adaptive learning system, training rehabilitation process, new generation of education resources.

На сегодняшний день развивающейся областью исследований и разработок с целью обеспечения стабильного уровня качества всех форм обучения рассматривается адаптивная система обучения (АСО), интерпретируемая как социально-ориентированная, обучающая и развивающая модель целенаправленного процесса взаимодействия педагога, обучаемых, источников информации, основным качеством которой является сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности (А.Е. Марон, Л.Ю. Монахова).

Развитие концепции адаптивного обучения побудило к решению важных педагогических проблем: индивидуализации процесса обучения с учетом психологических механизмов деятельности учения, повышения эффективности процесса обучения с опорой на закономерность теории управления процессом обучения и использования обучающих программ.

О потенциале адаптивной системы для эффективного обучения, сопряженности ее с использованием дидактических средств и технологий оптимизации процесса обучения свидетельствуют работы В.С. Артамонова, И.А. Алехина, А.В. Барабанщикова, Ю.Г. Баскина, А.К. Быкова, В.П. Давыдова, А.А. Грешных, П.Н. Городова и др.

Анализ работ зарубежных исследователей Л. Говарда, Ж. Ремени, Г. Паска, М. Мартинес, Д. Смита, Д. Велеса, К. Уолша и др. показал, что адаптивное обучение реализуется в большей степени техническими средствами. В работе Л. Говарда, Ж. Ремени, Г. Папа указывается на взаимосвязь идей смешанного и адаптивного обучения,

проявляющуюся в организации синхронной (лицом к лицу с преподавателем или с сокурсниками) и асинхронной (индивидуальной) учебных деятельностей с учетом того, что известно об обучающемся априори или через взаимодействие посредством адаптивных гипермедиа систем. К. Уолш считает, что адаптивная система обучения обладает огромным потенциалом для обучения на расстоянии, так как обеспечивает доступ информации и, возможно, персонализированного контента, предлагает поддержку процесса обучения через адаптивное руководство. Д. Джордж доказывает, что адаптивные электронные системы сокращают когнитивные перегрузки обучающихся путем объединения использования онлайн обучения с персонализацией обучения. Д. Велес, проектируя открытую модель обучающегося для адаптивной виртуальной среды обучения, говорит о необходимости оказания помощи студентам в их самостоятельной учебной деятельности с учетом имеющихся знаний.

Несмотря на разносторонность взглядов зарубежных и отечественных исследователей по функционально-структурным компонентам адаптивного обучения и области его применения, общей тенденцией является создание инновационной технологической адаптивной среды обучения, способной к интеллектуальному управлению учебной деятельностью и удовлетворяющей индивидуальным потребностям обучающихся. Четкое управление любой системой возможно при получении объемной информации, как о начальном состоянии системы, так и о ее функционировании в процессе управления.

И.Е. Горбан предлагает переходить к адаптивной системе обучения посредством следующих организационных мер:

- используя непрерывное управление при помощи средств обратной связи. Обратная связь реализуется за счет дидактических материалов, включающих правильные ответы на поставленные вопросы и практические задания, что дает возможность обучающемуся работать самостоятельно;
- осуществляя взаимоконтроль и самоконтроль с использованием современных средств обратной связи и без них [5. С 12.].

Для описания обратной связи, своевременно обеспечивающей студентов стратегически полезной информацией с целью успешного завершения поставленной задачи, Г. Бросвиком используется термин «информативная обратная связь в обучении». Информативная обратная связь включает в себя различные сигналы и подсказки для решения задачи, дает возможность сделать несколько попыток в решении проблемы. Такого рода обратная связь является эффективным инструментом в повышении мотивации обучающихся к достижению поставленной цели. В свою очередь исследованию влияния трех видов обратной связи: немедленной, запоздалой и отсутствующей на успешность обучения студента в условиях повторения ранее встречающихся заданий посвящены работы М. Кука, П. Дихоффа, М. Эпштейна. Они обнаружили значительное улучшение в воспроизведении решений тех заданий, которые были выполнены с немедленной обратной связью. Этот вывод подтвердил мета-аналитический обзор авторов Кулик и Кулик, в котором было доказано, что эффективность процесса обучения с незамедлительной обратной связью оказалась гораздо выше, нежели чем с запоздалой обратной связью или без нее [12. С. 79-97].

В контексте указанной проблемы необходимо отметить, что в ведомственных вузах самостоятельная учебная деятельность курсантов является неотъемлемой частью образовательного процесса, но в случае традиционного подхода к обучению происходит потеря непосредственной обратной связи, так как задания не могут быть диагностированы и оценены сразу после их выполнения. Это негативно сказывается на самооценке обучающихся и влечет нерациональные затраты времени на аудиторном занятии, так как преподаватель затрачивает дополнительное время на разъяснение вопросов и затруднений, возникших у целого коллектива курсантов.

Рассматривая основные подходы к сущности адаптивной системы обучения и учитывая широкий спектр проблем в учебной деятельности курсантов, мы можем констатировать, что

АСО в ведомственных вузах не только крайне актуальна, но и имеет определенную специфику в ее организации. В.В. Ключ говорит о необходимости реализации функций реабилитации в процессе обучения. Им предложена трактовка учебного реабилитационного процесса (УРП), позволяющего курсантам: получить нужную учебную информацию; быть обеспеченными необходимыми инструментами самоконтроля; выполнить лабораторные эксперименты и практические задания; иметь необходимую учебно-методическую и программно-аппаратную поддержку в самостоятельном выполнении рефератов, курсового проектирования, расчетно-графических работ; получить консультацию и помощь педагога [5. С 27.].

Учитывая особенность организации учебного процесса в ведомственных вузах, преподаватель не всегда имеет возможность оперативного проведения дополнительных занятий в том объеме, который требуется индивидуально каждому курсанту. Также зачастую возникает несоответствие между запланированным рабочим временем на определенный вид деятельности преподавателя и реально затраченным. Таким образом, мы считаем, что учебный реабилитационный процесс рационально осуществлять в рамках самостоятельной учебной деятельности обучающихся либо независимо от преподавателя, либо под его руководством с учетом временных затрат педагогов и курсантов.

Учебный реабилитационный процесс связан с концепцией независимого обучения, в разработку которой существенный вклад внес американский профессор М. Мур. Он предположил, что учебные программы могут быть сопоставлены с программами независимого обучения, если они соответствуют запросам обучающихся и обеспечивают двустороннюю связь между преподавателем и студентом [13. С 1-5]. Д. Киган доказал, что автономия в процессе независимого обучения требует дальнейшего рассмотрения: независимое обучение с высокой автономностью может нанести такой же ущерб обучающемуся, как и процесс обучения с недостаточной автономностью. Вследствие этого, задача состоит в том, чтобы приспособить процесс учебной реабилитации к нуждам каждого курсанта, имеющего значительные проблемы в самостоятельном восполнении знаний. Обучающиеся в этом случае будут использовать автономию в максимальной степени.

Проанализировав возможности самообразования на основе концепции независимости обучения, Ч. Ведемейер доказал, что независимое обучение должно проводиться со скоростью, удобной студенту, быть индивидуально направленным. При этом обучающийся вправе распоряжаться ходом обучения в соответствии со сложившимися обстоятельствами, внешними условиями и обладать свободой выбора тех целей, которые он стремится достичь в учебной деятельности, и возможностью самостоятельно оценить свои достижения.

Согласно разработкам Р. Деллинга, Д. Кигана, М. Мура, Ч. Ведемейера учебный реабилитационный процесс призван:

- осуществлять учебную реабилитацию любого обучающегося в том месте и в то время, которое удобно обучающемуся, независимо от присутствия преподавателя в этом месте и в это время;
- большую часть ответственности за результаты учебного реабилитационного процесса возлагать на обучающегося;
- рационализировать время и силы преподавателей, освободив их от попечительских функций;
- использовать все современные средства и методы самостоятельной учебной работы с целью повышения ее эффективности;
- позволять обучающемуся самостоятельно изучать материал в соответствии с его личностными особенностями.

Рассматривая теорию реабилитации в процессе обучения ведомственного вуза, мы пришли к выводу, что учебная реабилитация является необходимым структурным компонентом в адаптивной системе обучения, так как в процессе адаптивного обучения не достаточно диагностировать полученные знания обучающихся и устранять затруднения

после свершившегося факта их выявления, гораздо важнее найти причину возникших проблем и путем учебной реабилитации не допустить повторного их появления.

На наш взгляд эффективным инструментом организации реабилитационного учебного процесса в системе адаптивного обучения ведомственных вузов являются электронные образовательные ресурсы нового поколения (ЭОР НП), «...объединившие достоинства интерактивного аудиовизуального контента (содержания) с возможностями распространения по сети и полноценного использования в образовательном процессе» [2. С 4.].

В основе ЭОР НП лежит модульное строение, т.е. разбиение контента по изучаемой дисциплине на электронные учебные модули (ЭУМ), соответствующие элементам рабочей программы и тематического плана.

В свою очередь, тематические элементы определяются компонентами содержания Государственного образовательного стандарта или учебной программы по предметной области. При этом, содержание каждого ЭУМ должно быть, с одной стороны, достаточным для решения определенной учебной задачи, и, с другой стороны, объем ЭУМ не должен превышать определенного значения количества информации (приблизительно 10 Мбайт). Электронный учебный модуль может иметь аналог – вариатив, отличающийся элементами содержания, их сложностью, методикой и технологией исполнения. ЭУМ является автономным, содержательно и функционально полным образовательным ресурсом.

Мультимедийный интерактивный контент ЭОР НП дает возможность обеспечить все компоненты учебно-познавательной деятельности благодаря наличию электронных учебных модулей трех типов: информационного, практического и контролирующего. Курсант, работая с ЭУМ, не только читает, слушает, смотрит, но и взаимодействует с элементами контента. Использование электронных учебных модулей в процессе адаптивного обучения ведомственных вузов позволяет повысить эффективность самостоятельной учебной деятельности курсантов, так как «...итоговые знания, умения, навыки и компетенции в активно-деятельностном режиме формируются много быстрее, чем при изучении текстовой информации и практике, ограниченной символьными операциями» [2. С 18.].

При внедрении электронных образовательных ресурсов в процесс адаптивного обучения ведомственных вузов как самодостаточного инструмента самостоятельной учебной деятельности следует отметить оптимизацию организации учебного реабилитационного процесса, т.е. такую организацию данного процесса, которая в определенных условиях обеспечивает достижение наилучших результатов при минимальных расходах времени и сил преподавателя и обучающихся.

И.В. Роберт выделяет уникальные возможности ЭОР НП, реализация которых содействует интенсификации процесса обучения, а, следовательно, и рационализации учебного времени. Перечислим их:

- незамедлительная обратная связь между пользователем и ЭОР НП;
- визуализация учебной информации об объектах или закономерностях процессов, явлений – как реально протекающих, так и «виртуальных»;
- архивное хранение достаточно больших объемов информации с возможностью ее передачи, а также легкого доступа и обращения пользователя к центральному банку данных;
- автоматизация процессов вычислительной, информационно-поисковой деятельности, а также обработки результатов учебного эксперимента с возможностью многократного повторения фрагмента или самого эксперимента;
- автоматизация процессов информационно-методического обеспечения, организационного управления учебной деятельностью и контроля результатов усвоения [3. С. 68-78].

Реализация вышеперечисленных возможностей ЭОР НП позволяет организовать такие формы деятельности, как:

- регистрация, сбор, накопление, хранение, обработка информации об изучаемых объектах, явлениях, процессах, в том числе реально протекающих, и передача достаточно

больших объемов информации, представленной в различных формах;

- интерактивный диалог;
- управление реальными объектами;
- управление отображением на экране моделей различных объектов, явлений, процессов, в том числе и реально протекающих;

Сравним организацию учебного реабилитационного процесса в случае традиционного обучения и в случае адаптивного обучения с использованием ЭОР НП.

На начальном этапе организации УРП в рамках традиционного обучения преподаватель определяет обучающемуся цели и задачи работы, а также обеспечивает курсанта индивидуальными заданиями и вопросами, представленными, как правило, в текстографическом варианте.

Далее, в ограниченное время, выделенное для самостоятельной подготовки согласно внутреннему распорядку дня, курсант осуществляет поиск необходимых информационных источников (учебников, пособий и т.п.), изучает материал пропущенного занятия, выполняет практические и лабораторные задания.

В случае, если обучающийся справился с поставленной задачей, то, минуя стадию коррекции со стороны преподавателя, процесс завершается диагностикой и оценкой приобретенных знаний, умений и компетенций. В противном случае, может быть реализовано несколько вариантов развития событий, отраженных на рис. 1. (например, курсант при получении неудовлетворительной оценки вновь возвращается к самостоятельной работе и т.д.). Учебный реабилитационный процесс при традиционном обучении требует дополнительных усилий и незапланированных расходов времени преподавателей и курсантов.

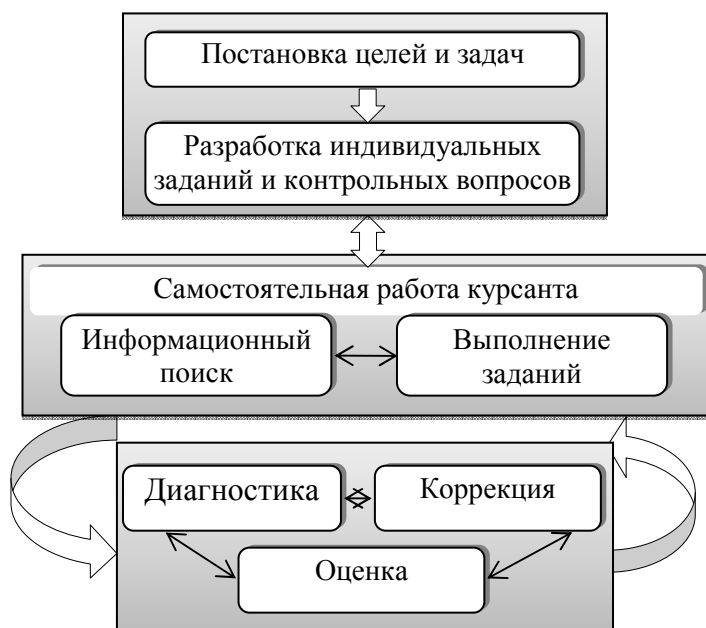

Рис. 1. Организация УРП в случае традиционного обучения

Оптимизация организации учебного реабилитационного процесса в адаптивной системе обучения с использованием ЭОР НП достигается за счет сокращения количества повторяющихся действий (указанных на рис. 1) и реализации замкнутого цикла УРП (схематически изображенного на рис. 2.).

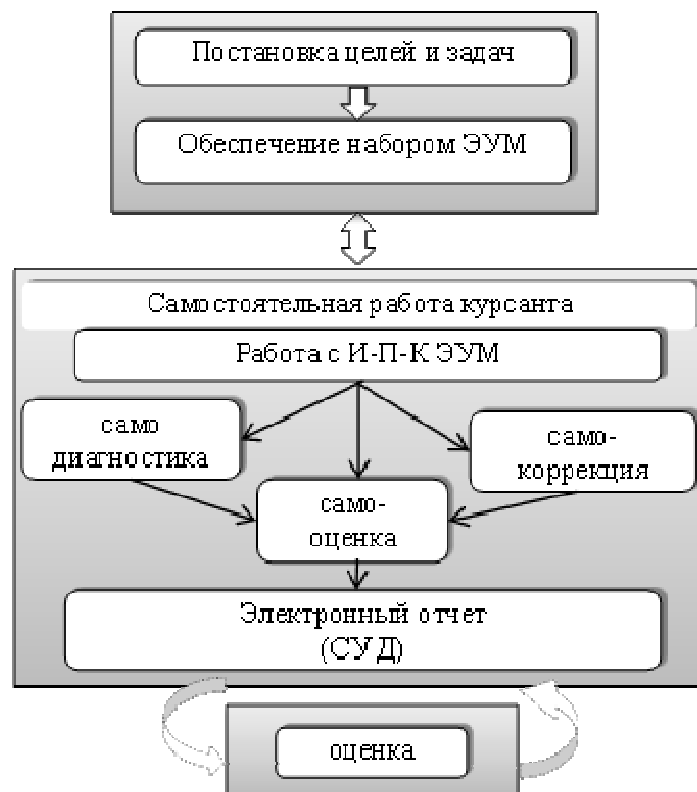

Рис. 2. Организация УРП в случае адаптивного обучения с использованием ЭОР НП

В случае использования ЭОР НП преподаватель предоставляет обучающемуся на любом перемещаемом носителе (Flash-накопитель, CD-R и т.д.) или по сети набор электронных учебных модулей, содержание которых, в зависимости от типа выбранного ЭУМ, обеспечивает достижение поставленных учебных целей и задач. Далее, курсант осваивает учебный материал средствами ЭУМ.

Доказано, что большинство людей запоминает 5% услышанного и 20% увиденного. Одновременное использование звукового и визуального каналов восприятия способно повысить запоминаемость до 40-50% [4. С 31.]. Презентации, сопровождаемые красивыми изображениями или анимацией, являются более привлекательными в сравнении с полиграфическим текстом. Они могут поддерживать должный эмоциональный уровень, дополняющий изучаемый материал. Осмысление информации, представляемой системами виртуальной реальности, может быть уже не только теоретическим, но и практическим, а именно наглядно-образным или наглядно-действенным. Практическое мышление требует меньших усилий в сравнении с теоретическим мышлением, так как восприятие образной информации, как правило, гораздо легче восприятия символической информации. Вследствие этого, ЭОР НП, основанные на мультимедиа-технологиях и виртуальной реальности, способствуют обеспечению лучшего понимания, усвоения и запоминания учебного материала, а так же формирования практических навыков, компетенций.

В ведомственных вузах использование мультимедиа и виртуальной реальности актуально в связи с необходимостью:

- аудиовизуального изучения военно-тактических действий;
- моделирования дорогих, сложных, труднодоступных и опасных объектов или реальных экспериментов;
- визуализации процессов и объектов микро- и макромиров;
- осуществления занятий на специальных мультимедийных тренажерах, моделирующих действия в полевых условиях, на опасных объектах и ситуациях, требующих интерактивного взаимодействия с обучающимся.

Гибкость учебной информации при использовании ЭОР НП подразумевает возможность изменения скорости подачи материала, число повторений и другие параметры, удовлетворяющие индивидуальным психологическим и академическим потребностям курсантов. Электронные образовательные ресурсы нового поколения могут применяться в различных стилях обучения: посредством чтения, видео и т.д., восприятия на слух; по-разному работать с учебными материалами – решить как изучать материал, как применять возможности электронных средств, как реализовать совместную работу со своими сокурсниками, т.е. стать активным участником процесса обучения, влиять на свою собственную деятельность учения, подстраивая ее под свои предпочтения. Например, компьютерные учебники, компьютерные обучающие системы, компьютерные задачки, компьютерные тренажеры, компьютерные учебные курсы и т.п., содержащие базовый и дополнительный учебный материал, словарь (глоссарий), различные виды подсказок (справок), создают условия для самостоятельного изучения учебного материала в оптимальном для каждого обучающегося темпе, стиле и ритме усвоения, что способствует значительному повышению интереса к обучению, усилению мотивации к учебно-познавательной деятельности. Средства для самоконтроля, содержащиеся в ЭОР НП, позволяют осуществить самопроверку знаний обучающихся при подготовке к занятиям, зачетам, экзаменам, а также при выполнении определенных практических заданий. В результате, стадии диагностики и корригирования со стороны педагога востребованы лишь в исключительных случаях.

В завершающей стадии обучающийся предоставляет преподавателю на перемещаемом носителе электронный отчет о результатах самостоятельной деятельности, интерпретированный программным инструментальным средством СУД – системой учета учебных достижений. Наличие исчерпывающих данных по работе с каждым модулем (время сеанса, точка его завершения, количество допущенных ошибок и повторных действий, а также результаты выполненных (невыполненных) заданий) позволяют педагогу выставить итоговую оценку без дополнительных усилий и затрат времени.

Укажем выявленные положительные стороны организации учебного реабилитационного процесса с использованием ЭОР НП в адаптивной системе обучения ведомственных вузов:

- индивидуализация обучения;
- обеспечение всех компонентов учебно-познавательной деятельности с учетом индивидуальных академических потребностей обучающихся;
- повышение эффективности самостоятельной учебно-познавательной деятельности;
- повышение мотивационной составляющей деятельности учения;
- рационализация сил и времени преподавателей и курсантов.

Необходимо отметить и выявленные недостатки:

- возникновение трудностей при переходе от знаковой системы представления знаний к системе практических действий, имеющих принципиально иную логику организации;
- необоснованная замена проведения реально возможного в данных условиях эксперимента или опыта на виртуальный аналог;
- неготовность и инертность профессорско-преподавательского состава по отношению к инновационной педагогической деятельности.

Библиографический список

1. **Бабанский, Ю.К.** Оптимизация учебно-воспитательного процесса: (метод. основы) / Ю.К. Бабанский. – М.: Просвещение, 1982.– 192 с.
2. **Осин, А.В.** Открытые образовательные модульные мультимедиа системы / А.В. Осин. – М.: Агентство "Издательский сервис", 2010. – 328 с.

3. **Роберт, И.В.** Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования / И.В. Роберт. – М.: ИИО РАО, 2010. – 140 с.
4. **Кузнецов, А.А.** Образовательные электронные издания и ресурсы. / А.А. Кузнецов, С.Г. Григорьев, В.В. Гриншкун. – М. : Дрофа, 2009. – 156 с.
5. **Торбан, И.Е.** Организация самостоятельной работы студентов в условиях адаптивной системы обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук : – 13.00.08 М., 1988. – 18 с.
6. **Клюй В.В.** Адаптация структуры виртуального учебно-методического комплекса в повышении эффективности реабилитационного процесса в вузах МЧС России : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 Санкт-Петербург, 2009. – 165 с.
7. **Gabrys, B.** Do smart adaptive systems exist? introduction. In B. Gabrys, K. Leiviska, and J. trackeljan, editors, Do Smart Adaptive Systems Exist?, volume 173 of Studies in Fuzziness and Soft Computing , pages 1-17. Springer, 2005.
8. **Howard, L.** “Adaptive Learning Technologies for Biomedical Education”. IEEE Engineering in Medicine and Biology Magazine 22: pages 58-65, 2003.
9. **Karampiperis, P. & Sampson, D.** (2005). Adaptive learning resources sequencing in educational hypermedia systems. Educational Technology & Society, 8(4), 128–147.
10. **Leung, E. W. C. & Li, Q.** (2007). An experimental study of a personalized learning environment through open-source software tools. IEEE Transactions on Education, 50 (4), pages 331–337.
11. **Lewis, B., Pask G.** The theory and practice of adaptive teaching systems//Teaching machines and programmed learning. Wash. (DC), 1965. Vol. 11.
12. **Kulik, J.A. and Kulik, C.C.** “Timing of feedback and verbal learning”. Rev. Educational Res. 58: 79-97, 1988. Moore, M, Autonomy and Interdependence. /The American Journal of Distance Education 1994 8(2) : Vol. 1-5.
13. **Moore, M.** Charles Wedemeyer, In Memoriam 1911-1999 The American Journal of Distance Education, 1999, 13 (3) : Vol. 1-5.

УДК 37.01

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры философии, социологии и истории
К.С. Назаренко.
Россия, г. Воронеж;
e-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Assistant of the Department of Philosophy, Sociology and History
K.S. Nazarenko.
Russia, Voronezh;
e-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru*

К. С. Назаренко

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ ЭПИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РУСИ

В статье рассматривается проблема формирования модели образования с акцентом на содержание целей и ценностей в исторический период принятия на Руси христианства.

Ключевые слова: образование, ценности, модель, культура, христианство, эпистема.

K. S. Nazarenko

GOALS AND VALUES OF THE EPISTEME EDUCATION IN RUSSIA

The problem of forming a model of education with the emphasis on the content of goals and values in the historical period of Christianity adoption in Russia is considered.

Key words: education, values, model, culture, Christianity, episteme.

Понятие «образование» весьма содержательно и многогранно. Его определения дополняют друг друга, а иногда вступают в противоречие. Трактовка этого понятия во многом зависит от доминирующей образовательной модели, которая принята на определенном историческом этапе существования какого-либо общества в качестве нормативной (социально одобряемой, культурно значимой).

Образовательные модели имеют пространственную и временную локализацию. Доминирующая модель образования предопределяется господствующей в обществе культурной парадигмой. На основании анализа исследований в области культурологии и социологии естественно выделить три таких парадигмы: Премодерн, Модерн, Постмодерн [1; 31].

Рассмотрим, как формировалась модель образования с акцентом на содержание целей и ценностей в исторический период принятия на Руси христианства.

Российская школа прошла длительный исторический путь развития. После веков неграмотности и культурного отставания от Западной Европы, в эпоху Премодерна с создания первых школ при княжеских дворах Владимира Святославича в Киеве и Ярослава Мудрого в Новгороде, послужившие примером для создания школ и при дворах других князей, начинает складываться российская система образования, которую, конечно, системой называть еще очень рано.

Премодерн исторически и логически первое цивилизационное состояние человека, общества, хозяйства и культуры, способ и пределы их развития, отличающиеся решающей природной и сакральной обусловленностью, а также замкнутой на себя смысловой полнотой и содержательной целостностью; первая фаза в историософской и философско-хозяйственной триаде: Премодерн, Модерн и Постмодерн, принятой для содержательной, исторической, логической и диалектической трактовки исторического пути человека (человечества) хозяйствующего и творящего [2. С. 109].

Премодерн предшествует Модерну, но это не значит, что Премодерн – какая-то примитивная по своей сути фаза истории. Премодерн – начальная фаза, а соответственно, эпоха начал – любых начал: бытовых, хозяйственных, социальных, культурных, идеологических, государственных, цивилизационных, т.е. эпоха полной, хотя и не окончательной, выраженности человека и социума, когда речь идет не о зародышах только и каких-то робких начинаниях, а о целостных, насыщенных содержанием и смыслами, свершениях.

Премодерн – это традиционное общество. «Традиционное общество» устроено так, чтобы как можно дольше (а если возможно, то и вообще никогда) не становиться «современным». Отсюда выдвижение на первый план «традиции». Традиция есть стремление к соответствию настоящего прошлому, которое оценивается как позитивное и образцовое. Если «традиционное общество» не может полностью избежать «нового», то, по меньшей мере, всячески стремится минимализировать эту новизну, уменьшить ее влияние и значение. Этой цели служат основные социальные институты Премодерна, одна из главнейших задач которых – сдерживать время, противостоять времени, бороться со временем. Отсюда – ценностные приоритеты постоянства, повторения, «вечного возвращения».

Основными агентами или участниками коммуникационного социализирующего процесса, через которых он и осуществлялся, были старшие родственники (члены семьи – семья как первый доминирующий институт социализации традиционного аграрного общества), служители церкви или отправители разного рода религиозных обрядов (второй доминирующий институт социализации) и власть (государство).

Все педагогические функции выполняли средства воспитания. Воспитание детей происходило в соответствии с необходимостью наследования подрастающим поколением общественно-исторического опыта, накопленного предыдущими поколениями, с целью подготовки к жизни и труду. Наследование и преемственность осуществлялись на основе народных традиций семейного воспитания. Традиции как интегрированное явление включали в свой состав обычаи, обряды, церемониалы, нравственные, народно-правовые и другие стереотипизированные формы человеческой деятельности. В них был обобщен социальный опыт прежних поколений, их убеждения, взгляды, нравы, нормы поведения, привычки, поддерживаемые общественным мнением, которые строго регламентировали всю жизнедеятельность человека. Традиции, обряды и обычаи определяли содержание народных педагогических воззрений людей того времени [3. С. 64]

С помощью традиций создавались основы трудового, нравственного, физического, эстетического и религиозного воспитания. Наследуя традиции, дети усваивали социальную практику как необходимое.

В Древней Руси образование не играло важной роли. Основную часть населения составляли крестьяне, которые днем и ночью занимались обработкой своих земель, и угодий собственного хозяина. Образование является, с одной стороны, неотъемлемой частью той эпохи, того социального времени и социального пространства, которое является пространством и временем конкретного исторического периода, а с другой стороны, результаты его деятельности являются выражением того философского мировоззрения, которого в силу различных обстоятельств придерживается общество.

Ситуация начала меняться в период крещения Руси. Владимир Святославич начал проводить крещение народа. После чего своим указом он повелел в дворянских и боярских семьях собрать всех детей и отдать их в школы для обучения книжному делу. Как верно замечает В. Б. Миронов, «образование прорастало через распятую плоть Христа». Как и христианство, которое насаждалось силой; при этом уничтожались культовые сооружения язычников, сопротивлявшиеся подвергались репрессиям, обучение воспринималось многими как пытка. Матери еще не понимали, куда и зачем собираются отправлять их детей. Именно поэтому, они сильно оплакивали их, и прощались с детьми, словно те уходят на верную гибель. Противоречивый характер образования проявляется в борьбе церковной и языческой

тенденций. Оппозиционная языческая тенденция отрицала аскетический характер церковно-христианских целей формирования личности, хотя одновременно совершалась постепенная «христианизация» языческого течения в народной педагогике и приспособление религиозных форм воспитания к языческим. Борьба и взаимосвязь этих тенденций определяли сложное сочетание в воспитательном процессе различных элементов, в которых перевес принадлежал народным средствам, связанным с практическими задачами подготовки подрастающего поколения к трудовой жизни. Педагогическое мировоззрение переплеталось с языческими представлениями о воспитании, продолжали использоваться заговоры, заклинания, магические действия, но в развитии умственных способностей решающую роль все же несет церковь.

Церковь играет главенствующую роль, которая стремится распространять свое влияние на все сферы деятельности и сознания, на все поведение человека. Церковь не запрещала, но ставила некоторый «ограничитель» для того, чтобы человек никогда не терял контроля над собой. В ее руках полностью находится просвещение, поэтому первые школы начали появляться в крупных городах при монастырях и храмах. Таким образом, священники считались на Руси самыми образованными людьми. Первым учебником на Руси была церковная книга «Псалтирь», в котором были азбука и короткие молитвы. Псалтирь указывал на путь к благам, учил человека, каким нужно стать, чтобы достичь этих благ.

То есть ценности и ценности образования у общества сформировано не было, оно живет исключительно ценностями религиозными, через которые церковь транслирует значимость образования как неотъемлемую часть принятия христианства. В рамках парадигмы премодерна образование носит ритуальный и инициатический характер. Оно наряду с обрядом инициации – крещением представляет собой совершение таинства, посвящения и неразрывно связано с религией. Считалось, что после крещения человек умирает и предстает уже новым человеком – результатом работы образования, так как он «по нерадивости неразумный, хуже бессловесного животного, «невежество злее согрешения» – это были общие оценки церкви. Но явно виделась и страшная опасность, которую представляет ум, ускользающий из-под контроля нравственности (Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства).

Очевидно, что в обществах премодерна важен был момент инспирации и преобразования человека при участии трансцендентных ему сил. Полноценным членом социальной группы становился только прошедший инициацию, посвящённый. Можно отметить ещё, что важны были этническая и кастовая составляющая, которые могли как передаваться внутри традиции (например, в Индии посвящение и участие в тех или иных обрядах до сих пор регулируется кастовой принадлежностью), так и иметь свои отдельные самостоятельно передаваемые из поколения в поколение знания.

Основной целью образования является придание человеку (восстановление, очищение) в нем образа Божия, который был поврежден в результате первородного греха и есть главная ценность. Таким образом, цель и ценности образования в период времени, соответствующий премодерну, совпадает с целью и ценностями всей жизни человека. Главной целью земной жизни для истинного христианина является «обожение» (теозис) [4], или, как выразился св. Серафим Саровский, «стяжание даров Духа Святого», что предполагает приобретение хотя бы минимума богословских знаний. Это не противоречит идеям Я. А. Коменского, который прямо утверждает, что цель образования – это предуготовление к жизни вечной. При таком подходе образование онтологизируется, так как результаты усматриваются не только в земной жизни, но и в эсхатологической перспективе, и, соответственно, цель его преисполнена сотериологическим смыслом. Поскольку цель образования выходит (трансцендирует) за пределы земной жизни, то ценность профессионального образования, обуславливающего успешность в земной жизни, умалется. Так, например, св. Василий Великий считал, что хорошо, если человек освоит какое-то ремесло, но в то же время нет ничего страшного, если он ничему не научится, но пребудет истинным христианином [5].

Отношение к секуляризованным (обмирщенным), то есть оторванным от учения Христова («неблагим»), знаниям имеет, по меньшей мере, скептический характер. «Знание надмевает...», – читаем мы у св. Апостола Павла в его «Первом послании к Коринфянам» (глава 8). Образование включено в христианскую традицию и пронизано ее духом. Грамоте учат по Псалтыри. Многое заучивается наизусть. Агиографическая литература, включающая в себя жития святых, реализует задачи духовно-нравственного воспитания. Процесс обучения имеет черты, сходные со священнодействием: занятия предваряются и заканчиваются молитвой (просительной, благодарственной).

Важнейшей чертой образования в премодерне является нормированность чуда, которое может проявляться как помощь Божия в учении. Образование сакрализуется – освящается Церковью. Среди икон (одигитрий), изображающих Богоматерь с младенцем Иисусом, имеются иконы, именуемые «Прибавление ума» и «Воспитание».

Итак, теологическая компонента в моделях образования, соответствующих премодерну, доминирует. Правда, в апологетических целях служители Церкви Христовой изучают древние языки, приобретают исторические, философские, естественнонаучные знания [5].

Образом транслируемой в рамках премодерна эпистемы является «Троица» Рублева, в символике которой задана иерархия ценностных смыслов христоцентричного образования. В центре ее изображен приносимый в жертву агнец, то есть Христос. Его окружают антропоморфные существа – ангелы, далее на периферии мы видим творения Божии (объекты природы), а за ними изображены здания – творения рук человека.

С начала официальной истории Русской Церкви и крещения Руси начинает складываться система Российского образования. Однако, несмотря на рост строительства образовательных зданий, школа все еще не имела высокой значимости, в силу того, что образование не влияло ни на социальный статус человека, ни на его жизнедеятельность в целом, и, соответственно, широкого распространения на всей территории Руси. Именно поэтому, первые школы на Руси хоть и существовали, но не расцвели.

Библиографический список

1. **Гиренок, Ф.** Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. – М.: Академический проект, 2008. – 235 с.
2. **Осипов, Ю.М.** Экономико-философская энциклопедия. Философия хозяйства. Опыт философии хозяйства / Ю.М. Осипов.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 362 л.
3. История систем образования и воспитания: дооктябрьский (дореволюционный) период. Учебно-методический комплекс. Блок 2. – Майкоп: Изд-во ООО «Аякс», 2008. –120 с.
4. **Шестун, Е.** Православная педагогика / Е. Шестун. — М., 2001. — 560 с.
5. **Осипов, А. И.** Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. — М., 2002.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 (4), 2014

Научный журнал

Подписано в печать 06.10.2014. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 15,5. Усл.-печ.л.15,5. Тираж 500 экз. Заказ № _____